

ISSN 2414-5815

Э **М** **П** **РАВ** **О**
Э **КО** **НО** **МИ** **КА**
М **СИ** **ХО** **ЛО** **ГИ** **Я**

научно-практический журнал

№ 1 (4)

2016

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 2 раза в год
Издается с января 2015 года

2016 № 1(4)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:

В.С. Елисеев (зам. главного редактора),
И.И. Шматков (отв. за раздел «Право»),
Л.Ф. Трацевская (отв. за раздел «Экономика»),
Т.Е. Косаревская (отв. за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
Т.В. Казак, Н.В. Кухтова, С.В. Лауткина,
Г.В. Лосик, А.Н. Пастушеня,
Н.В. Сильченко, И.А. Фурманов,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Л.В. Винницкий (Россия),
Т.В. Воронович (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.Н. Моляко (Украина),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Подписано в печать 20.06.2016 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 11,6.
Тираж 100 экз. Заказ 83.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». 210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Ивашкевич Е.Ф.** Конституционно-правовое регулирование статуса национальных меньшинств в Республике Беларусь и зарубежных странах как фактор обеспечения стабильности поликультурного гражданского общества 3
- Трахименко С.А.** Беларусь, Россия, Украина: правовое регулирование и духовно-нравственное воспитание граждан в свете вызовов современности 17
- Бардашевич Я.В.** Отпуск по беременности и родам: сравнительно-правовой анализ в рамках законодательства стран Содружества Независимых Государств 21
- Самбор Н.А.** Понятие субституции в теории права 27
- Губаревич А.В.** Евразийский экономический союз и Европейский союз: сравнительно-правовая характеристика 32
- Лобацкая Т.В.** Реализация гражданами права на судебную защиту по вопросам пенсионного обеспечения 35

Э К О Н О М И К А

- Трацевская Л.Ф.** Экономическая диагностика инновационно-инвестиционного потенциала Витебской области 41
- Дём О.Д., Салашенко Ю.И.** Проблемы обеспечения конкурентоспособности банков при осуществлении проектного финансирования 46

П С И Х О Л О Г И Я

- Сенько Т.В.** Подготовка специалистов высшего звена в рамках процесса глобализации 58
- Карандашев Ю.Н.** Единство формы и содержания в уровневой периодизации развития 64
- Посохова Я.С.** Становление профессиональной идентичности: новая полиция в Украине 77
- Шевченко Н.Ф.** Развитие профессионального сознания будущих учителей 82
- Филоненко В.Н.** Особенности эмоционального интеллекта осужденных-рецидивистов 87
- Токарева Н.Н.** Социально-психологическая детерминация личностного развития подростков в современном обществе префигуративного типа 92
- Кононенко О.И.** Когнитивные, личностные и поведенческие различия в проявлениях перфекционизма, связанных с его типом 103

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 2 times a year
Published since January 2015

2016 № 1(4)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

V.S. Yeliseyev (Deputies Editor-in-Chief),
I.I. Shmatkov (Responsible
for the Law Section),
L.F. Tratsevskaya (Responsible
for the Economics Section),
T.E. Kosarevskaya (Responsible
for the Psychology Section),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz, A.A. Bochkov,
A.V. Bugayev, E.V. Vankevich,
G.A. Vasilevich, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, T.V. Kazak,
N.V. Kukhtova, S.V. Lautkina,
G.V. Losik, A.N. Pastushenia,
N.V. Silchtnko, I.A. Furmanov,
G.A. Yasheva, V.A. Yanchuk

Editorial Council:

S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
L.V. Vinnitski (Russia),
T.V. Voronovich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.N. Moliako (Ukraine),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
«Law. Economics. Psychology»
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 20.06.2016. Size 60x84^{1/8}.
Offset paper. Conventional printed
sheet 13,02. Publisher's sheet 11,6.
Circulation 100 copies. Order 83.

Publisher and printing performance –
educational establishment «Vitebsk State
P.M. Masherov University». 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

- Ivashkevich E.F.** Constitution and Legal Regulation of National Minorities Status in the Republic of Belarus and Foreign Countries as a Factor Providing Stability of Polycultural Civil Society 3
- Trakhymenok S.A.** Belarus, Russia, Ukraine: Contemporary Challenges of Legal Regulation and Moral Spiritual Upbringing of Citizens 17
- Bardashevich Y.V.** Maternity Leave: Comparative Legal Analysis under the Law of Commonwealth of Independent States 21
- Sambor N.A.** The Concept of Substitution in the Theory of Law 27
- Gubarevich A.V.** Eurasian Economic Union and the European Union: Comparative Legal Characteristics 32
- Lobatskaya T.V.** Implementation of Citizens' Right for Judicial Protection on Pension Matters 35

E C O N O M I C S

- Tratsevskaya L.F.** Economic Diagnostics of Innovation and Investment Potential of Vitebsk Region 41
- Dziom V.D., Salashenka Yu.I.** Issues of Competitiveness of Banks while Implementing Project Financing 46

P S Y C H O L O G Y

- Senko T.V.** Training Specialists of Advanced Education Within the Process of Globalization 58
- Karandashev Yu.N.** Unity of Form and Substance in the Multi-Level Periodization of Development 64
- Posokhova Y.S.** Shaping Professional Identity: New Police in Ukraine 77
- Shevchenko N.F.** Development of Would-be Teachers' Professional Consciousness 82
- Filonenko V.N.** Peculiarities of Emotional Intelligence of Convicted Recidivists 87
- Tokareva N.M.** Social and Psychological Determination of Personality Development of Teenagers in the Contemporary Society of Prefigurative Type 92
- Kononenko O.I.** Cognitive, Personal and Behavioral Differences in the Manifestation of Perfectionism Associated with its Type 103

Конституционно-правовое регулирование статуса национальных меньшинств в Республике Беларусь и зарубежных странах как фактор обеспечения стабильности поликультурного гражданского общества

Ивашкевич Е.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Для конца XX – начала XXI века характерны нарастание и обострение национально-религиозных противоречий в различных частях света. Разворачиваясь на территории одной или нескольких стран, они нередко переходят в полномасштабные современные войны. Первоначальные причины возникающих конфликтов зачастую стираются временем, сохраняясь на подсознательном уровне, переходя в труднообъяснимую, порой патологическую национальную и религиозную нетерпимость.

Целью данной работы является анализ основных конституционных положений, закрепляющих статус национальных меньшинств в зарубежных странах, как дополнительных гарантий основных прав и свобод личности в современном обществе.

Материал и методы. Источниковедческую базу исследования составили международные правовые акты, национальное законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран в сфере регулирования конституционно-правового статуса национальных меньшинств на современном этапе. При написании статьи использовался метод сравнительно-правового анализа, который способствовал выявлению проблем в обеспечении равноправия людей, относящихся к национально-языковым меньшинствам.

Результаты и их обсуждение. Конституции большинства государств предусматривают правовую защиту граждан независимо от национальной принадлежности, языка или других обстоятельств, запрещают какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым, национальным признакам, а также пропаганду расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения. Ряд стран Центральной и Восточной Европы, имея специфический полиэтничный и поликультурный состав населения, основываясь на международных стандартах в области обеспечения прав человека и гражданина в национальной сфере, разработали собственную стратегию в сфере межнациональных отношений и механизма защиты прав национальных меньшинств. В текстах их конституций особое место уделено национальным меньшинствам, их статусу посвящены целые разделы или значительное количество статей. В них содержится право на национальную самоидентификацию, определение своей национальной принадлежности и отсутствие обязанности ее заявлять, особо оговаривается право членов национальных меньшинств на равный доступ к государственным должностям, предусматривается их представительство в органах местного самоуправления, закрепляются признание и гарантирование коллективных прав национальных меньшинств и др. В конституциях ряда других стран статус меньшинств фактически не регулируется, иногда не упоминается или не признается даже наличие их на территории государств.

Заключение. Для проведения эффективной национальной политики, гармонизации межэтнических отношений, предупреждения конфликтов на национальной почве необходима разработка собственной государственной стратегии в сфере межнациональных отношений, базирующейся на международных стандартах в сфере защиты прав национальных меньшинств.

Ключевые слова: национальные меньшинства, этнические меньшинства, языковые меньшинства, автохтонное (коренное) население, национальная самоидентификация, равноправие, дискриминация.

Constitution and Legal Regulation of National Minorities Status in the Republic of Belarus and Foreign Countries as a Factor Providing Stability of Polycultural Civil Society

Ivashkevich E.F.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Late XX th – early XXI st centuries are characterized by the increase and aggravation of national and religious contradictions in different parts of the world. Present on the territory of one or several countries at first, they often turn out to become full scale wars. Primary reasons of conflicts are often erased by time, but are retained on the subconscious level and are transformed into national and religious intolerance, which is hard to explain and sometimes pathological.

The aim of the paper is analysis of basic constitution articles which fix the status of national minorities in foreign countries as additional guaranties of main human rights and freedoms in the contemporary society.

Material and methods. The source basis of the research is international legal acts, national legislation of the Republic of Belarus and foreign countries in the sphere of regulating constitution and legal status of national minorities at present.

The method of comparative and legal analysis, which made it possible to find out problems in providing equality of people who belong to national language minorities, was used.

Findings and their discussion. Constitutions of most countries provide legal protection for citizens regardless their nation, language and other circumstances, forbid any direct or indirect limitation of rights, any direct or indirect advantages for citizens concerning racial, national features as well as race and national exception, hostility or neglect propaganda.

A number of Central and Eastern Europe countries, which have specific polyethnic and polycultural composition of their population and rely on international standards in the field of human rights in the national sphere, have worked out their own strategy in the sphere of international relations and mechanism of national minority rights. In the texts of their constitutions special place is taken by national minorities, whole sections or a considerable number of articles dwell upon their status. They contain the right for national self identification, determining their nationality and absence of necessity to state it, special attention is given to the right of national minority members for equal access to state positions, their representation in local administrations is provided, recognition and guaranteeing collective rights of national minorities is established etc.

Constitutions of a number of other countries actually do not provide the minority status, some do not even mention or even ignore the fact of their presence on the territory of the state.

Conclusion. For efficient national policy, harmonization of interethnic relations, prevention of national conflicts the development of own state strategy is necessary in the sphere of international relations which is based on international standards in the sphere of national minority rights protection.

Key words: national minorities, ethnic minorities, language minorities, indigenous people, national self identification, equality, discrimination.

Для конца XX – начала XXI века характерны нарастание и обострение национально-религиозных противоречий в различных частях света. Разворачиваясь вначале на территории одной или нескольких стран, они нередко переходят в полномасштабные современные войны. Многие из них осложняются политическими, социально-экономическими, языковыми и другими нерешенными проблемами, причем некоторые сохраняются на протяжении столетий. Например, между христианами-эфиопами и мусульманами-эритрейцами, между представителями 17 национально-религиозных общин в Ливане, Израилем и Палестинской автономией, Грузией и Абхазией... Распад Советской федеративной республики Югославия (СФРЮ) стал началом длительных военных действий в Боснии и Герцеговине, Косово, в урегулировании которых участвовали фактически все международные организации.

Первоначальные причины возникающих конфликтов зачастую стираются временем, сохраняясь на подсознательном уровне, переходя в труднообъяснимую, порой патологическую национальную и религиозную нетерпимость. Конфликтные ситуации, как правило, обусловлены многими причинами: политическими (централизация и унитаризм государственной власти, массовые репрессии, геноцид против этнических групп), экономическими, социально-психологическими (негативные формы национального самоутверждения, «агрессивный» национализм, амбиции этнических лидеров, межэтнические барьеры общения), территориальными и другими. Даже при отсутствии явных эксцессов межнациональные конфликты могут приобретать «скрытый» (латентный) характер. Например, в Эстонии, Латвии и Молдове между «титовыми» нациями и русскоязычным населением.

Несмотря на интеграционные процессы, ведущие к постепенной унификации жизни людей, ни одно государство не ставит своей целью достижение полного единообразия. Примером является Хартия Европейского союза об основных правах, где в ст. 22 подчеркивается, что «Союз уважает культурное, религиозное и лингвистическое многообразие». В связи с этим подробное закрепление основных принципов и приоритетов государства в национально-языковой политике на конституционном уровне является залогом ее эффективного осуществления, предотвращения межэтнических конфликтов в данной сфере общественных отношений.

Учитывая это, целью работы является характеристика основных конституционных положений, закрепляющих статус национальных меньшинств в зарубежных странах, как дополнительных гарантий основных прав и свобод личности в современном обществе; историко-сравнительный анализ последствий, к которым может привести отсутствие должного государственного регулирования в сфере этнических процессов; исследование различных механизмов участия национальных меньшинств в жизни гражданского общества и их эффективного взаимодействия с органами публичной власти.

Материал и методы. Источниковедческой базой исследования были международные правовые акты и национальное законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран в сфере регулирования конституционно-правового статуса национальных меньшинств на современном этапе.

При написании статьи нами использовался метод сравнительно-правового анализа, который способствовал выявлению проблем в обеспечении равноправия людей, относящихся к национально-языковым меньшинствам, и путей создания необходимых условий для сохранения

ими самобытности и специфики, ликвидации препятствий для полноценной реализации их прав и свобод, активного участия в политической, экономической, социальной и культурной жизни общества и государства, предотвращения межэтнических конфликтов.

Результаты и их обсуждение. В послевоенный период был принят ряд важнейших международных документов, защищающих национальную честь и достоинство человека, закрепляющих права национальных меньшинств, мирные легитимные формы урегулирования межэтнических конфликтов. Данной тематике были посвящены Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года; Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года; Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 года; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам 1992 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 27); Рамочная конвенция о статусе национальных меньшинств, принятая Советом Европы 1 февраля 1995 года; Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации 2001 года и многие другие [1].

Например, согласно ст. 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации государства гарантируются без дискриминации по признаку этнической принадлежности права человека на равенство перед судом; на личную безопасность и защиту со стороны государства от насилия или телесных повреждений, причиняемых как должностными лицами, так и отдельными лицами, группами или учреждениями; на свободу передвижения и проживания в пределах государства; покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну; на гражданство, вступление в брак и выбор супруга; на свободу мысли, совести, религии, свободу убеждений и их свободное выражение; на свободу мирных собраний и ассоциаций; на труд, свободный выбор работы, справедливые условия труда, защиту от безработицы; на жилище, образование и равное участие в культурной жизни; на доступ к любому месту или любому виду обслуживания, предназначенному для общественного пользования, на политические права и др. [2, с. 5–6].

Вопросы регулирования и защиты прав национальных меньшинств по-разному решаются в конституционных законодательствах зарубежных

стран. В одних странах существование национальных меньшинств не только признается конституционным законодательством, но в нем содержатся специальные нормы о придании членам этих групп особого статуса и наделении их рядом специальных прав в целях уравнивания их положения с положением других граждан. Ряд стран Центральной и Восточной Европы, имея специфический полиэтнический и поликультурный состав населения, основываясь на международных стандартах в области обеспечения прав человека и гражданина в национальной сфере, разработали собственную стратегию в сфере межнациональных отношений, а также механизма защиты прав национальных меньшинств. Причем в Преамбуле Конституции Словении прямо указывается, что независимость Республики Словения, юридически оформленная плебисцитом 23 декабря 1990 г., обусловлена, кроме прочего, и такой причиной, как «грубые нарушения прав человека, национальных прав, прав республик и автономных краев» в Социалистической Федеративной Республике Югославия. В Преамбуле к Конституции Республики Хорватия от 22 декабря 1990 г. при определении исторических основ права на государственный суверенитет страны подчеркивается, что Республика создается «как национальное государство хорватского народа и как государство представителей иных народов и национальных меньшинств, являющихся ее гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других, которым гарантируется равноправие с гражданами хорватской национальности и соблюдение национальных прав в соответствии с демократическими нормами ООН и стран свободного мира» [3].

Помимо этого в ст. 3 раздела «Основные положения» национальное равноправие наряду с другими принципами и понятиями объявляется высшей ценностью конституционного строя Республики Хорватия. Подобное внимательное отношение к национальному вопросу на конституционном уровне во многом было вызвано гражданской войной в Хорватии 1991–1995 гг., которая унесла жизни более 30 тыс. человек и искалечила сотни тысяч хорватов и сербов, а более 500 тыс. человек сделала беженцами. Прямые убытки в ходе войны составили свыше 30 млрд долларов и надолго ослабили социально-экономическое развитие страны. 9 декабря 2000 г. были внесены изменения в Конституцию Республики Хорватия, в соответствии с которыми по ч. 2 и 3 ст. 15 «равноправие и защита национальных меньшинств регулируются конституционным законом, а представителям национальных меньшинств может быть гарантировано наряду со всеобщим избиратель-

ным правом специальное право избирать своих представителей в Хорватский сабор» [3].

Необходимо отметить, что многие страны, переживающие сложную переходную эпоху в 90-е гг. XX в., обострившую в том числе и национальный вопрос, уделили в текстах конституции особое место национальным меньшинствам, посвятив их статусу целые разделы или значительное количество статей. Примером данного конституционного подхода является Конституция Словакии (разд. 4 «Права национальных меньшинств и этнических групп»), Конституция Словении (ст. 5, 11, 16, 61, 63–65, 80), Конституция Хорватии (ст. 3, 14–15, 17, 39, 43 «Основных положений»), Хартия основных прав и свобод Чехии (гл. 3 «Права национальных и этнических меньшинств»), Конституция Сербии (ч. 3 разд. 2 «Права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам») и другие [3].

Конституции большинства государств предусматривают правовую защиту граждан независимо от национальной принадлежности, языка или других обстоятельств, запрещают какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым, национальным признакам, а также пропаганду расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения. Так, в Конституции Австрии содержится положение, по которому граждане, принадлежавшие к какому-либо меньшинству, должны пользоваться равноправием, а предоставленные федеральным законом национальным меньшинствам права остаются незабываемыми [4, с. 99]. В ст. 6 Конституции Болгарии закреплена норма о том, что «не допускаются никакие ограничения в правах или в привилегиях на основании расы, национальности, этнической принадлежности».

Аналогичные положения содержатся в ст. 21 Конституции Сербии: «Все имеют право на равную правовую защиту, без дискриминации. Любые формы прямой и непрямой дискриминации по любому признаку, такому, как раса, пол, национальное происхождение, рождение, религия, ... культура, язык, возраст, умственная и физическая неспособность, запрещены. Особые меры, которые Республика Сербия может ввести для достижения полного равенства лиц или группы лиц в неравном положении по сравнению с другими гражданами, не должны считаться дискриминацией»; п. 4 «Недискриминация» статьи II «Права человека и основные свободы» Конституции Боснии и Герцеговины: «Использование правами и свободами ... обеспечивается всем лицам в Боснии и Герцеговине без дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или

иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству ... или иного обстоятельства»; а также в ст. 91 Конституции Латвии, ст. 38 Конституции Грузии, ст. 29 Конституции Литвы, ст. 9 Конституции Македонии, ст. 4 Конституции Румынии, ст. 12 Конституции Словакии, ст. 24 Конституции Украины, ст. 12 Конституции Эстонии и других [3].

Подробно регулируется данный вопрос в ст. XIV Раздела «Свобода и ответственность» Конституции Венгрии, которая гласит: «Венгрия гарантирует фундаментальные права для всех, без какой-либо дискриминации, на почве пола, расы, цвета, этнического или социального происхождения, национальной принадлежности, инвалидности, языка, религии, политических или любых других убеждений, имущественного, сословного или другого положения без дискриминации». В Венгрии права национальных меньшинств относятся к неприкосновенным и неотъемлемым основным правам человека, а их уважение и защита представляют собой первостепенную обязанность государства. Данные права, наряду с другими основными правами, не подлежат ограничению или приостановлению даже во время чрезвычайного или особого положения или состояния угрозы. Следует отметить, что согласно ст. XXVII (1) Раздела «Свобода и ответственность» в Венгрии «Каждую национальность и этническую группу, живущую в Венгрии, нужно считать частью, формирующей государство», следовательно, они являются участниками осуществления власти народа – государствообразующими факторами. Законом «О правах национальных и этнических меньшинств» 1993 года введен уполномоченный по правам национальных и этнических меньшинств в Венгрии [3].

Необходимо отметить, что по законодательству Венгрии закрепляется различие между национальным меньшинством (группой, принадлежащей к общности, которая имеет свое государство за пределами страны, – это украинцы, швабы (немцы), словаки и др.) и этническим меньшинством (группой, принадлежащей к общности, которая своего государства не имеет, например, цыгане). Коллективными правами пользуются меньшинства, существующие на территории республики не менее столетия в качестве народной группы и состоящие из венгерских граждан, отличающихся от большинства населения своим языком, культурой и традициями. Примером может служить также ст. 5 Конституции Словении 1991 года, в которой говорится о государственной поддержке и гарантиях прав автохтонных итальянских и венгерских этнических общин. Согласно ст. 64 автохтонным итальянскому и венгерскому национальным

сообществам гарантируется довольно широкий круг коллективных прав, а по ст. 80 им предоставляется возможность специального представительства по одному депутату в Государственное собрание Словении. В то же время оговаривается, что права цыганского сообщества, проживающего в Словении, регулируются специальным законом [5]. Необходимо отметить следующее: в Словении в 1990-е годы не было разрушительных межэтнических конфликтов, что во многом объясняется изначально продуманным конституционным законодательством страны по защите прав национальных меньшинств.

Однако некоторые исследователи считают, что конкретный перечень групп, на которые в соответствии с конституцией страны распространяется ряд специальных прав и преимуществ с целью так называемой «позитивной дискриминации», может со временем создать на практике опасность, что по отношению к другим этническим группам, не упомянутым в ней, может быть сокращено действие законодательства по обеспечению защиты прав национальных меньшинств. На наш взгляд, лучше использовать абстрактные критерии закрепления конституционно-правового статуса национальных меньшинств, не перечисляя их.

Как правило, в конституциях последнего поколения стран Центральной и Восточной Европы содержится также право на национальную самоидентификацию, определение своей национальной принадлежности и отсутствие обязанности ее заявлять. Данные формулировки не характерны для стран Западной Европы, которые приняты ранее. Так, в ст. 6 Конституции Румынии «Право на национальную сущность» устанавливается право лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, на хранение, развитие и проявление своей этнической, культурной, языковой, религиозной и национальной сущности [6]. Подобное положение содержится в ст. 8, 48 Конституции Македонии, где к основополагающим ценностям конституционного устройства Республики Македония отнесены основные свободы и права человека и гражданина, признанные международным правом и определенные Конституцией, включающие свободное определение национальной принадлежности, закрепляются право свободно выражать, беречь и развивать свою национальную идентичность и национальные особенности и защита этнической, культурной, языковой и религиозной идентичности национальностей. П. 3 ст. 12 Конституции Словакии гласит, что «каждый имеет право свободно определять свою национальность. Запрещается оказывать какое-либо влияние на это решение и любое

давление, направленное на лишение национальности». В ст. 61 Конституции Словении сформулировано положение, согласно которому «каждый имеет право на свободное выражение принадлежности к своей нации или народности, на культурную автономию и использование своего родного языка и письменности»; а также в ст. 3, 49 Хартии основных прав и свобод Чехии, ст. 15 Конституции Хорватии, ст. 47 Конституции Сербии, ст. 44 Конституции Азербайджана, ст. 41 Конституции Армении, ст. 50 Конституции Беларуси [3].

Закрепляя аналогичное положение в гл. 2 «Основные свободы и права» Формы правления Швеции от 27 февраля 1974 года, законодатель в § 22 дополняет, что «иностранцы уравниваются в правах в государстве со шведскими гражданами в вопросах ... защиты от неблагоприятных отношений по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения» [7, с. 706].

В конституциях ряда других стран статус меньшинств фактически не регулируется, иногда даже наличие их на территории государств не упоминается или не признается. Среди стран Западной Европы такую позицию конституционного не признания существования в стране этнических меньшинств занимает Франция, обосновывая это тем, что вопросы, связанные с использованием языка и религии, относятся не к публичному праву, а к сфере личного пользования этими правами и свободами в рамках закона. Так, в 1991 году Конституционный совет Франции принял решение о несоответствии Конституции закона 1991 года, содержащего статут территориального коллектива Корсики, в котором на законодательном уровне впервые было использовано понятие «корсиканский народ». Конституционный совет обратил внимание на ст. 2 Конституции Франции, которая признает только французский народ, состоящий из французских граждан «без различия происхождения, расы и религий». Вместе с тем во Франции существует значительное количество отличающихся в культурном и языковом отношении групп (бретонцев, эльзасцев, валлонцев, фламандцев, каталонцев и др. [8, с. 7].

Следует отметить, однако, что конституционных положений общего порядка, запрещающих дискриминацию по признакам происхождения, расы, религии или языка, далеко недостаточно, чтобы говорить о признании в этой стране национальных, этнических или языковых меньшинств.

В большинстве конституций закрепляются признание и гарантирование коллективных прав национальных меньшинств (ст. XXVII раздела «Свобода и ответственность» Конституции Венгрии, ст. 136–140 Конституции Бельгии, ст. 5 Кон-

ституции Греции, ст. 2–3 Конституции Испании, ст. 11 Конституции Украины, ст. 10, 13, 17 Конституции Туркменистана, ст. 4, 18 Конституции Узбекистана, ст. 7, 32 Конституции Азербайджана, ст. 32, 34 Конституции Молдовы и др.) [9]. В Венгрии права национальных меньшинств относятся к неприкосновенным и неотъемлемым основным правам человека, а их уважение и защита представляют собой первостепенную обязанность государства. Данные права, наряду с другими основными правами, не подлежат ограничению или приостановлению даже во время чрезвычайного или особого положения или состояния угрозы.

Конституционная регламентация межнациональных отношений достаточно часто предполагает национально-территориальную или национально-культурную автономию, когда на территории компактно проживающего национального меньшинства образуются административно-территориальные единицы с дополнительными правами на самоуправление, призванными удовлетворить специфические этнические интересы населения. Национальные меньшинства создают свои организации и выборные органы, которые занимаются приоритетно вопросами языка и культуры. В ряде стран за их представителями иногда резервируются места с правом решающего или совещательного голоса в парламенте или избранном этническими группами координационно-совещательном органе при правительстве государства. Данная форма используется в Австрийской Республике для словенцев, хорватов, чехов, венгров и некоторых других национальностей, в Венгрии – в отношении представителей более 10 различных национальных групп (в большинстве соответствующих основному населению соседних славянских государств), в Словении для этнических сообществ предусмотрено депутатское представительство по 1 человеку в Государственное собрание (ст. 80 Конституции). Согласно ст. 59 Конституции Румынии, «организации граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам, которые не собирают на выборах достаточное число голосов для представительства в парламенте, имеют право на одно депутатское место каждый при условиях, установленных избирательным законом». Однако граждане одного национального меньшинства могут быть представлены только одной организацией [5; 10].

В Конституционном законе «О правах и свободах человека и правах этнических и национальных сообществ или меньшинств в Республике Хорватия» от 4 декабря 1991 года в ст. 18 подчеркивается, что «национальные меньшинства,

имеющие удельный вес более 8% населения, могут быть представленными пропорционально своей численности ... в Саборе и Правительстве Республики Хорватия, а также в высших органах судебной власти». В Статье IV «Парламентская ассамблея» Конституции Боснии и Герцеговины предусмотрена особая процедура формирования обеих палат парламента. Так, «Палата народов состоит из 15 депутатов, две трети которых – от Федерации (включая пять хорватов и пять боснийцев) и одна треть – от Республики Сербской (пять сербов). Назначенные от Федерации хорватские и боснийские депутаты избираются соответственно хорватскими и боснийскими депутатами в Палату народов Федерации. Депутаты от Республики Сербской избираются Национальной ассамблеей Республики Сербской». Палата представителей формируется пропорционально аналогичным способом. «Каждая палата из числа своих членов избирает одного серба, одного боснийца и одного хорвата для выполнения функций ее Председателя и заместителей Председателя, при этом каждое из этих 3-х лиц поочередно занимает должность Председателя... Предлагаемое решение Парламентской ассамблеи может быть объявлено наносщим ущерб жизненным интересам боснийского, сербского или хорватского народов большинством боснийских, сербских или хорватских депутатов». Для его утверждения в Палате народов требуется большинство присутствующих в голосовании боснийских, сербских и хорватских депутатов. Данная Палата «может быть распущена Президиумом или собственным решением при условии утверждения решения большинством, в которое входит большинство депутатов от не менее чем двух народов – боснийского, сербского или хорватского». Особенностью страны является «коллегияльный президент», состоящий из трех членов: боснийца, хорвата и серба, избираемых непосредственно от территорий страны. «Президиум стремится принимать все свои решения консенсусом... Если все усилия по достижению консенсуса не имеют успеха, то такие решения ... могут приниматься двумя членами» [3].

В ряде конституций стран Центральной и Восточной Европы особо оговаривается право членов национальных меньшинств на равный доступ к государственным должностям, предусматривается их представительство в органах местного самоуправления: «Члены национальных меньшинств имеют право участвовать в управлении государственными делами и занимать государственные должности на тех же условиях, что и другие граждане. При наборе служащих в государственные органы, государственные службы, орга-

ны автономных провинций и субъектов местного самоуправления должны учитываться этническая структура населения и соответствующее представительство членов национальных меньшинств» (ст. 77 «Равенство в управлении государственными делами» Конституции Сербии); «... в тех автономных провинциях и субъектах местного самоуправления, где население состоит из смешанных национальностей, пропорциональное представительство национальных меньшинств должно быть обеспечено в ассамблеях в соответствии с Законом» (ст. 180 Конституции Сербии); «... национальные и этнические меньшинства в Венгрии должны иметь право образовывать местные и национальные органы самоуправления» (ст. XXVII Конституции Венгрии); «В районах компактного проживания автохтонных итальянского и венгерского национальных сообществ их представители в целях осуществления своих прав учреждают свои самоуправляющиеся сообщества. По их предложению государство может наделить национальные самоуправляющиеся сообщества полномочиями для осуществления определенных функций, относящихся к компетенции государственных органов, и обеспечивать их средствами для реализации этих полномочий. Национальные сообщества непосредственно представлены в представительных органах местного самоуправления и в парламенте» (ст. 64 Конституции Словении) [3].

В ст. 116 Конституции Италии для Сицилии (учтены особенности жизни и быта населения), Сардинии, Трентино-Альто-Адидже (немецкое меньшинство), Фриули-Венеция-Джулия (словенское меньшинство), Валле-д'Аоста (французское меньшинство) предусмотрены особые формы автономии. Интересно, что Устав области Трентино-Альто-Адидже 1985 года в редакции 2003 г. выделил 10 положений, образующих сферу законодательной компетенции области. В соответствии с ним дошкольное, начальное и среднее обучение ведется на родном языке учеников (немецком или итальянском) преподавателями, для которых этот язык также является родным. Учитывается этнический состав и при формировании местного Ландтага, где на первые 30 месяцев работы председатель избирается от депутатов немецкой языковой группы, а на последующий период – из депутатов итальянской языковой группы [7, с. 442].

Конституция Финляндии от 11 июня 1999 года в настоящее время также содержит отдельную главу об автономии Аландских островов, но она отсылает подробное регулирование этого вопроса к специальному Акту об автономии от 16 августа 1991 года и закону о праве приобретения земли на этих островах.

В Основном законе Германии специальных положений о межэтнических отношениях нет в силу того, что доля этнических немцев населения страны превышала до 2013 года 95%. В составе коренного населения страны необходимо отметить также славянскую народность – лужицких сорбов (сербов), проживающих в восточногерманских землях Саксонии и Тюрингии. Данные субъекты обязались на государственном уровне содействовать сохранению их языка и культуры. На побережье Северного моря проживают фризы, а в земле Шлезвиг-Гольштейн – датчане. Согласно ст. 5 Конституции этой земли устанавливается, что определение своей принадлежности к национальному меньшинству свободно, что культурная самостоятельность национальных меньшинств и народностей имеет право на защиту и содействие земли, общин и их союзов [11, с. 176]. В Великобритании в целях обеспечения учета национальной и религиозной специфики региона при осуществлении государственного управления в состав Кабинета входят государственные секретари по делам Шотландии (с 1892 года), Уэльса (с 1964 года) и Северной Ирландии (с 1972 года). С 1998 года автономия этих территорий усилена учреждением в них собственных законодательных и исполнительных органов власти [12].

В Акте о защите информации 1998 года Великобритании устанавливается перечень сведений о частном лице, предоставление которых нельзя требовать от человека и разглашать без его согласия, который включает информацию о национальной и расовой принадлежности, а Актом о расовых отношениях 1976 года предусмотрена Комиссия по расовому равенству, назначаемая Государственным секретарем внутренних дел, которая имеет право самостоятельного расследования фактов расовой дискриминации с возможным последующим обращением в суд. В 2000 году в Акт были внесены поправки, устанавливающие особые гарантии против дискриминации по расовому (в том числе национальному) признаку органами полиции, расследования преступлений, национальной безопасности [13].

В ст. 29 Конституции Болгарии специально зафиксировано запрещение насильственной ассимиляции, что связано с недавней политической ограничения и ущемления прав турецких мусульман (примером может служить насильственная смена имен болгарских граждан турецкого происхождения в 1984 году). Однако до конца 1990-х годов запрещалось по Конституции 1991 года создание автономий и политических партий на этнической или религиозной основе. Первые серьезные шаги по нормализации отно-

шений с турецким меньшинством были сделаны еще в начале 90-х годов. Особенно активно реформы по стабилизации межнациональных отношений стали проводиться после парламентских выборов 2001 г., когда с приходом к власти коалиции «Семион II» два министерских портфеля получили представители турецкого меньшинства из партии «Движение за права и свободы», которое долгое время не признавалось официальными властями в качестве национального меньшинства. В настоящее время этнические турки составляют около 10% населения страны, причем, за период 90-х годов из страны бежало более 400 тыс. человек, что заметно ухудшило отношение Болгарии с соседней Турцией. ДПС пользуется значительным влиянием на избирателей, компактно проживающих на юго-востоке страны, резко осуждает религиозный экстремизм. Правительство Симеона восстановило болгарское гражданство для всех болгарских турок вне зависимости от страны проживания и повысило пенсии и пособия для 33 тыс. престарелых и нетрудоспособных турок внутри страны [14, с. 305–306]. Ст. 25 главы II «Основные права и обязанности граждан» Конституции Болгарии подчеркивает, что «болгарским гражданином является каждый, у кого хотя бы один из родителей является болгарским гражданином, или кто родился на территории Республики Болгарии, если он не приобретает иного гражданства по происхождению... Лица болгарского происхождения приобретают болгарское гражданство в облегченном порядке» [3].

В Конституции Румынии 1991 года также «за национальными меньшинствами не признается право на государственность в едином и неделимом румынском государстве». Неоднозначно можно трактовать и п. 4 ст. 4 Конституции Румынии: «Территория румынского государства не может заселяться или колонизоваться чужеземным населением». Данное ограничение косвенно сформулировано и в п. 2 ст. 38 Конституции Грузии: «В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права осуществление прав меньшинств не должно противоречить суверенитету, государственному устройству, территориальной целостности и политической независимости Грузии» [3].

Бесспорно, что гарантом сохранения самобытности нации, гармоничного развития поликультурного сообщества, народностей и национальностей, населяющих страну, развития гражданского общества, становления демократического государства является уважение культурного и лингвистического разнообразия собствен-

ной страны, детальное законодательное урегулирование вопросов в области языка. Вопросы гарантий права на пользование родным языком неоднократно поднимались на международном уровне во Всеобщей декларации прав человека; Международном пакте о гражданских и политических правах; Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным и этническим, религиозным и языковым меньшинствам; Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и других [1].

Во многих странах конституционно закрепляется один официальный язык (в Дании, Франции, Австрии, Нидерландах и других). Это обусловлено тем, что во многих из них население в основном является мононациональным (например, в Греции до 2013 года греки составляли 95% населения, в Португалии португальцы – 99%, в Италии итальянцы – 98%). В настоящее время в связи с наплывом эмигрантов ситуация стремительно меняется. Вместе с тем в большинстве конституций при формулировании принципа равноправия граждан наряду с другими основаниями отмечается недопустимость дискриминации по языковому признаку, необходимость поощрения развития официального государственного языка, а также языков национальных меньшинств. Например, «в Республике Польша официальным языком является польский язык. Настоящим предписанием не нарушаются права национальных меньшинств», «Республика Польша обеспечивает польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития собственного языка, сохранения обычаев и традиций, а также развития собственной культуры» (ст. 27, 35 Конституции Польши) [15]. Согласно ст. 36 Конституции Болгарии «граждане, для которых болгарский язык не является родным, имеют право наряду с обязательным изучением болгарского языка изучать и использовать свой родной язык», ст. 37 Конституции Литвы – «граждане, принадлежащие к национальным общинам, имеют право на развитие своего языка, культуры и обычаев» [3].

На конституционном уровне помимо обеспечения права на общение, получение и распространение информации на национальном языке широко закрепляются права на осуществление образования на национальном языке, на обращения на нем в государственные органы и органы местного самоуправления, на предоставление услуг переводчика в судебных органах, осуществление топографических обозначений на национальном языке и мн. др. Примерами могут быть следующие конституционные статьи: «Республика Сербия должна содействовать пониманию, признанию и ува-

жению разнообразия, обусловленного особой национальной, культурной, языковой и религиозной идентичностью ее граждан, с помощью мер, применяемых в образовании, культуре и публичной информации», «Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, должны принимать участие в принятии решений ... относительно их культуры, образования, информации и официального использования языков и алфавита через их коллективные права в соответствии с законом. Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут избирать свои национальные советы для реализации права самоуправления в сфере культуры, образования, информации и официального использования языков и алфавита в соответствии с законом» (ст. 48, 75 Конституции Сербии); «... в единицах местного самоуправления, в которых большинство составляют представители национальных меньшинств, помимо македонского языка и кириллического алфавита используется язык и алфавит этих национальностей в соответствии с установленной законом процедурой», «Представители национальностей имеют право преподавать на своем языке в начальной и средней школе в соответствии с установленной законом процедурой» (ст. 7, 48 Конституции Македонии); «... задержанный или арестованный должен быть немедленно уведомлен на языке, который он понимает, о причинах задержания или ареста и в кратчайший срок – о содержании обвинения», «... граждане, принадлежащие к национальным меньшинствам, ... имеют право знакомиться со всеми актами и материалами дела, выступать в инстанции и представлять заключения через переводчика; в уголовных процессах это право обеспечивается бесплатно» (ст. 23, 127 Конституции Румынии); «... гражданам, образующим национальные или этнические меньшинства, гарантируется всестороннее развитие, в частности право совместно с другими представителями меньшинства развивать собственную культуру, распространять и получать информацию на родном языке и объединяться в национальные объединения» (ст. 25 Хартии основных прав и свобод Чехии). Аналогичные положения содержатся в ст. 34 Конституции Словакии, ст. 64 Конституции Словении, ст. 15 Конституции Хорватии, ст. 53 Конституции Украины, ст. 45 Конституции Азербайджана, ст. 50 Конституции Эстонии и др. [3].

Конституции ряда стран регламентируют в качестве официальных несколько государственных языков, что обуславливается историческими условиями становления государственности данных стран. Примером может быть Конституция Бельгии. Избирательная реформа еще

в 1921 году определила усиление роли фламандского населения в политической жизни страны, но не ликвидировала его приниженного положения в области языка и культуры. Эта проблема не решена и в настоящее время, если вспомнить разразившийся скандал в результате опроса общественного мнения СМИ в 2006 году о возможности выхода из страны и обретения независимости Фламандского сообщества на севере.

В результате перехода Бельгии от унитаризма к федеративному государственному устройству в Части I «О бельгийской федерации, ее составных частях и территории» Конституции Бельгия разделена на три сообщества: Французское, Фламандское и Германоязычное (ст. 2); три региона: Валлонский, Фламандский, Брюссельский (ст. 3); четыре лингвистических региона: французского языка, голландского языка, двуязычный столичный регион Брюссель – столица и немецкоязычный (ст. 4), границы которых могут быть изменены только квалифицированным большинством в 2/3 поданных голосов членов каждой лингвистической группы в палатах Парламента при наличии кворума в каждой из этих групп. Конституция также провозглашает свободу употребления французского, нидерландского и немецкого языков, не провозглашая ни один из них государственным. Регулирование этого вопроса допускается только в сфере государственного управления и отправления правосудия и лишь на основании закона (ст. 30). В Части III «О властях» при формировании Правительства и верхней палаты Парламента – Сената – учитывается принцип представительства на лингвистической основе (ст. 67, 99) [7, с. 109–126].

Двуязычие на конституционном уровне оформлено в Ирландии. По ст. 8 Конституции первым официальным языком провозглашается ирландский (п. 1), а вторым – английский язык (п. 2) [7, с. 326]. На практике основным языком общения остается так называемый ирландский английский, что связано с колониальным прошлым Ирландии (до 1695 года по английскому уголовному законодательству использование ирландского языка вообще запрещалось. Однако по статистике уже к 1991 году более 1,1 млн жителей (32,5% населения от 3 лет и старше) вернулись к разговорному ирландскому языку, хотя степень владения им весьма различна. Преподавание этого языка теперь обязательно в начальных и средних школах, на нем издаются литературные публицистические и художественные произведения, работают теле- и радиоканалы. В официальном тексте Конституции Ирландии на английском языке даже наименования некоторых государственных органов употребляются непосредственно на ирланд-

ском языке (Палата представителей названа Dail Eireann, а Сенат – Seanad Eireann).

В Конституции Люксембурга не указаны официальные государственные языки, но языками общения являются французский, немецкий и люксембургский диалекты (франсик мозелан), статус которых закреплен законодательно. В Конституции лишь упоминается, что порядок употребления языков в административном и судебном производствах определяет закон. Однако высшая судебная инстанция Люксембурга еще в 1906 году отметила, что в случае противоречий французского и немецкого переводов нормативных правовых актов судьи должны пользоваться французским текстом, так как французский язык является единственным языком законодателя [16].

Будучи до 1809 года владением Швеции, Финляндия соответственно § 14 Формы правления признает в качестве государственных языков в Финляндии финский и шведский. Во II абзаце § 14 Формы правления закрепляется «право граждан Финляндии использовать в судах и обращениях к органам власти в касающемся их деле родной язык – финский или шведский, а также право на получение касающихся их документов на данном языке с тем, чтобы права как финского, так и шведского населения защищались в одинаковой мере» [7, с. 614].

Выражая интересы многоэтнического населения, в Преамбуле Конституции Испании декларируется «стремление нации обеспечить всем испанцам и народам ... развитие их культуры и традиций, языков и институтов». Государственным языком признается кастильский, так как на нем предпочитает общаться 72% испанцев. Однако важнейшее значение имеет конституционное закрепление официального статуса и других языков 17 автономных областей Испании в соответствии с их статутами (п. 1–2 ст. 3 Конституции). Лингвистическое разнообразие страны в Конституции детерминировано как часть культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой (п. 3 ст. 3). Уникальным случаем является конституционное признание государственными в Швейцарии 3-х языков – немецкого (являющегося родным для 65% населения), французского (20%), итальянского (10%). Негосударственным, но также официальным признается ретороманский язык, употребляемый в италоязычных кантонах [7, с. 372].

В новой Конституции Швейцарии 1999 года отсутствуют положения о национальных и языковых меньшинствах. Однако 26 субъектам федерации гарантировано право самостоятельно проводить культурную и языковую политику. Кантоны

выбирают один или несколько из четырех языков в качестве государственного кантонального языка. Органы публичной власти, суды, полиция, государственные школы и другие государственные учреждения используют этот язык. К федеральным властям швейцарские граждане могут обращаться на одном из четырех языков [17, с. 182–183].

В то же время для ряда стран Западной Европы не характерно использование языков меньшинств для официального делопроизводства, преподавания учебных дисциплин в школах. Так, в Великобритании дети национальных меньшинств могут изучать родные языки только во внешкольное время в классах, образованных и оплачиваемых общиной. Примером кардинального отношения к данному вопросу является и Конституция Турции 1982 года, согласно ст. 42 которой «... никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учебных заведениях» [16].

Представляет значительный интерес исследование белорусского конституционного подхода к закреплению статуса государственных языков. Например, по Конституции БССР 1927 года в ст. 21 за гражданами «признавалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни, а в государственных и общественных учреждениях и организациях устанавливалось полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков». По статье 23 опубликование важнейших актов законодательства также производилось на 4-х языках [18]. После значительного перерыва законодательного оформления двуязычия 14 мая 1995 года по инициативе Президента Республики Беларусь был проведен республиканский референдум с участием 64,8% электората. За одобрение вопроса «Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?» проголосовало 83,3% избирателей.

В настоящее время в Республике Беларусь государственными языками являются белорусский и русский. Вместе с тем Беларусь заботится о свободном развитии всех национальных языков, которыми пользуется население республики. Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» от 26 января 1990 года (с изменениями и дополнениями от 13.01.2013 года) устанавливается «право граждан пользоваться их национальным языком, обращаться в госорганы, органы местного управления и самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения на белорусском, русском или другом приемлемом

для сторон языке». В Законе регламентируется «язык съездов и других форумов, документов по выборам депутатов, в сфере обслуживания, судопроизводстве, международных договоров, образования, науки и культуры и в других сферах», в ст. 34 подчеркивается как принцип государственной политики содействие национально-культурному развитию этнических белорусов, проживающих за пределами Республики Беларусь» [19].

В конституциях последнего поколения ряда стран Центральной и Восточной Европы особое внимание уделяется государственной поддержке своих соотечественников за границей. Примером данного конституционного подхода являются такие страны, как Сербия: «Члены национальных меньшинств имеют право на свободные отношения и сотрудничество со своими соотечественниками за пределами Республики Сербия» (ст. 80); Венгрия: «Руководствуясь идеалом объединенной венгерской нации, Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, способствовать их выживанию и развитию, ... поддерживать их усилия, направленные на сохранение их венгерской культуры, ... способствовать их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией» (ст. D); Румыния: «Государство поддерживает упрочение связей с румынами, проживающими за пределами страны, и содействует сохранению, развитию и проявлению ими своей этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности при уважении законодательства государства, гражданами которого они являются» (ст. 7 «Румыны, проживающие за рубежом»); Албания: «Республика Албания защищает национальные права албанского народа, проживающего за ее пределами, ... права албанских граждан, временно или постоянно проживающих за ее пределами, ... оказывает помощь албанским гражданам, которые живут и работают за ее пределами, в целях сохранения и развития их связей с национальным культурным наследием» (ст. 8); Словения: «Государство заботится об автохтонных словенских национальных меньшинствах в соседних государствах, о словенских переселенцах и эмигрантах, содействует их связям с родиной, ... о сохранении культурного наследия, а также создает условия для гармоничного развития цивилизации и культуры Словении» (ст. 5) [3].

Вместе с тем в Венгрии ряд мероприятий в данном направлении лидера ФИДЕС и главы правительства В. Орбана в 1998 году привели к неоднозначной реакции со стороны венгерской общественности и соседних стран. По его инициативе большинством голосов парламент принял закон, вступивший в силу с января 2002 года, представляющий ряд социальных льгот и при-

вилегий проживающим в соседних странах соотечественникам. Новый статус предоставлял им право на работу в Венгрии в течение 3-х месяцев в году, обеспечивал равные с гражданами страны возможности в области образования и культуры, бесплатные медицинские услуги, льготные транспортные тарифы и бесплатный проезд для стариков и детей, вузовские и послевузовские стипендии. В результате в Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии, Словении прокатился ряд протестов. В Румынии Правительством был принесен официальный протест и жалоба в соответствующие структуры Совета Европы и Европейского союза, в которой новый венгерский закон характеризовался как «анахроничный, дискриминационный и неевропейский», полностью противоречащий Договору от 1996 года и имеющий «оттенок экстерриториальности» [14, с. 311–312]. Однако в СМИ было отмечено, что Румыния во многом проводит подобную политику в отношении молдаван, предоставляя им двойное гражданство и различные социальные и политические льготы. В. Орбан заявил о необходимости отменить послевоенные декреты Президента Чехословакии Э. Бенеша, в результате которых в Западную Германию из стран Восточной Европы было выселено значительное количество этнических немцев. Однако после проигрыша на парламентских выборах 2002 года и перехода В. Орбана и его партии в оппозицию наметился отход от политики по «возрождению духа Великой Венгрии» и были восстановлены политкорректные отношения с соседними странами.

Национальная политика в Республике Беларусь реализуется посредством обеспечения прав и свобод, закрепленных в целом ряде нормативных правовых актов. Помимо международных соглашений и Конституции Республики Беларусь в стране принято 20 законодательных актов, прямо или косвенно регулирующих данную сферу общественной жизни. В статьях 14–15, 22–23, 36, 50 Конституции Республики Беларусь закреплено, что «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов; ... ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь; все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов; ... каждый имеет право на свободу объединений, ... сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию

национальной принадлежности; ... оскорбление национального достоинства преследуется согласно закону, каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения; государство гарантирует в соответствии с законом свободу выбора языка воспитания и обучения» [20].

В соответствии с законами Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», «О языках в Республике Беларусь», «О культуре в Республике Беларусь», «Об общественных объединениях», «Кодексом Республики Беларусь об образовании» национальным меньшинствам и их представителям гарантируются права на создание своих национальных культурных обществ (объединений); быть избранными в органы государственной власти, занимать любые должности в органах государственной власти и управления Республики Беларусь; на исповедание любой религии, совершение национальных и ритуальных обрядов на родном языке; на изучение и пользование родным языком; на печать и распространение информации на родном языке; на получение помощи со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования, на сохранение своих национальных традиций, развитие профессионального и самостоятельного искусства; на установление культурных связей с соотечественниками за пределами Республики Беларусь [19; 21; 22].

Заключение. Для проведения эффективной национальной политики, гармонизации межэтнических отношений, предупреждения конфликтов на национальной почве необходимо разработать собственную государственную стратегию в сфере межнациональных отношений, базирующуюся на международных стандартах в сфере защиты прав национальных меньшинств. Составляющими компонентами данной стратегии, на наш взгляд, могут быть:

– разработка комплексной долгосрочной государственной программы «Об эффективной реализации национальной политики», рассчитанной на 5–10 лет, которая определила бы основные теоретические концептуальные подходы для защиты прав человека и гражданина в национальной сфере, предусматривала бы комплекс практических мер по обеспечению прав национальных меньшинств, их активному вовлечению в общественную жизнь и государственное управление;

– на основе общегосударственной программы возможно создание как комплексных региональных программ в сфере осуществления национальной политики (годичных или пятилетних), так и программ сотрудничества региональной

администрации с отдельными общественными объединениями, представляющими те или иные национальные меньшинства;

– конституционных положений общего порядка, запрещающих дискриминацию по признакам расы, этнической, языковой или религиозной принадлежности, явно недостаточно. В связи с этим необходимо конституционное признание коллективных прав национальных меньшинств (на представительство в центральных и местных представительных органах и исполнительных структурах, на право законодательной инициативы в сфере национальной политики или обязательное участие в обсуждении законопроектов в данной сфере координационными органами представителей национальных меньшинств (по типу Экономических и Социальных Советов Франции, Испании, Люксембурга и других стран как законосовещательных органов в соответствующей сфере); на государственную финансовую поддержку в развитии национальной культуры, языка, образования; на свободу объединений, равный доступ к государственным должностям и т.д.);

– создание института специализированного омбудсмана по правам национальных меньшинств, обладающего независимым статусом, специальным аппаратом, информационными и материальными ресурсами;

– совершенствование специального законодательства в сфере обеспечения прав национальных меньшинств, закрепление в специальных законах глоссария, содержащего определения таких понятий, как «национальное меньшинство», «этническое меньшинство», «этническая группа», «коренное (или автохтонное) население», «прямая дискриминация» и «косвенная дискриминация» по этнической принадлежности и др. Желательно закрепление также в специальных законах зарубежных стран таких гражданских прав представителей национальных меньшинств, как свобода передвижения, запрет на лишение гражданства, на свободу мысли, совести, убеждений и на свободное выражение их, право петиций, на свободное вступление в брак и выбор супруга, на родовое имя, выбор имени, свободное указание национальной принадлежности, личные судебные процессуальные гарантии, право на квалифицированную судебную защиту, национальный язык судопроизводства, а также социально-экономические и социально-культурные права (на свободный выбор профессии, справедливое вознаграждение за труд или равную оплату за равный труд, государственную поддержку в профессиональной переподготовке, защиту от безработицы, равный доступ к природным и культурным

ценностям, равное участие в культурной жизни, равный доступ в сфере образования, сфере услуг, поддержку традиционного образа жизни, видов занятий, ремесел и т.д., право на хранение этнической, культурной, языковой, религиозной и национальной сущности). Специальное законодательство должно содержать и ряд запретов: запрещение сегрегации, ассоциаций, поощряющих расовую и этническую дискриминацию, запрет насильственного перемещения народов, запрет на насильственную ассимиляцию и др.

Примером могут быть специальные законы Великобритании о расовых отношениях, которые расширительно толкуют расовые отношения, включая и межэтнические отношения. Необходимо закрепление дополнительных судебных и административных гарантий защиты прав и интересов, свобод, безопасности жизни малочисленных в этническом отношении групп населения.

В специальный закон может быть включено и положение, аналогичное содержащемуся в конституции в § 22 Гл. 2 «Основные свободы и права» Формы правления Швеции от 27 февраля 1974 г.: «... иностранцы уравниваются в правах в государстве со шведскими гражданами в вопросах ... защиты от неблагоприятного отношения по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения».

В совокупности закрепление всех этих законодательных положений облегчит процедуру индивидуального или коллективного обращения в судебные инстанции представителей национальных меньшинств в случае дискриминационного, оскорбительного к ним отношения физических лиц, государственных органов, должностных лиц. Признание легитимности национальных меньшинств, коренных народов, расширенное законодательное закрепление их прав предполагает, что государство соглашается взять на себя обязательства по соблюдению и обеспечению их прав;

– с целью качественного официального статистического учета населения по языковым, этническим и религиозным группам в проводимых переписях населения ввести специальный раздел, чтобы выявить численность той или иной этнической группы и скорректировать проводимую государственную политику;

– законодательством с целью сохранения этнического и культурного многообразия в стране может быть предусмотрено и предоставление дополнительных специальных преимуществ определенным группам национальных меньшинств в сфере образования и культуры. На государственном уровне должна быть оказана идеологическая, финансовая, кадровая и иная поддержка для прове-

дения комплекса мер по обеспечению прав национальных меньшинств;

– создание аналитического центра по осуществлению национальной политики, участвующего в разработке соответствующих национальных программ; центра национальных культур (на примере Республиканского центра национальных культур в Республике Беларусь); специализированного сайта для обращения граждан и просветительской деятельности соответствующих правительственных структур;

– разработка специальных учебных пособий по этнической истории, этнической культуре с биографиями выдающихся представителей национальных меньшинств – граждан данного государства – с целью включения данных тем в качестве обязательного компонента в вузовские и школьные учебные курсы по истории данного государства (с изданием этих пособий не только на бумажном носителе, но и размещением их в виртуальной образовательной среде);

– создание этнографического музея национальных культур, издание атласа этнических групп населения страны на бумажном и электронном носителях;

– обеспечение доступности дошкольного, базового и среднего общего образования на языках меньшинств, образования классов с углубленным изучением языков национальных меньшинств либо изучения детьми национальных меньшинств родных языков во внешкольное время за счет местных общин, содействие и поощрение созданию учебных программ и учебно-методических изданий по изучению языков национальных меньшинств; а также словарей, справочной энциклопедической литературы, создание специализированных библиотек или отделов с литературой на национальном языке; принимать меры по обеспечению подготовки и переподготовки преподавателей языка, истории и культуры этнических групп страны, созданию научно-исследовательских центров национальных языков меньшинств, предусматривать возможность завершения образования в учреждениях-партнерах за границей (в странах, где национальное меньшинство является «титальной нацией»), создание условий для мобильности в области образования в приграничных регионах, обеспечение финансирования преподавания языков меньшинств широкой общественности;

– планирование финансовой, информационной и технической поддержки для создания собственных этнокультурных учреждений или мероприятий (национальных театров, музыкальных сообществ, хореографических коллективов,

национальных декоративно-прикладных производств, этноисследовательских краеведческих коллективов, агитационно-просветительских клубов и ассоциаций и др.) и проведение национальными меньшинствами с участием представителей госструктур и общественности научных конференций, семинаров, совещаний, выставок, фестивалей и иных мероприятий;

– создание специализированных СМИ при консультативных и/или директивных органах, в которых представлены национальные меньшинства; законодательное гарантирование свободы доступа национальных меньшинств к СМИ, возможность создания и использования собственных средств информации (радио- и телевизионных программ, печати), публикаций по национальной политике, трансляция программ иных государств на языке национальных меньшинств, содействие обмену опытом и подготовке журналистов в данной области;

– используя СМИ, особенно интернет-ресурсы, необходимо содействовать обмену опытом и информацией между национальными меньшинствами внутри страны, а также между общественными, культурно-просветительскими, молодежными, спортивными и иными этническими организациями соотечественников за границей, предоставление возможности для правового просвещения населения с целью пресечения угроз и актов национальной и религиозной нетерпимости, ксенофобии, оказания бесплатного юридического консультирования для защиты законных прав и интересов представителей национальных меньшинств, психологической помощи жертвам дискриминации по национально языковому или религиозному признаку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Права человека: сб. междунар.-правовых документов / сост. В.В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999. – 1146 с.
2. Права человека: междунар.-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 2. – С. 3–11.
3. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 15.03.2016.
4. О защите личной свободы: Федеральный конституционный Закон Австрийской Республики от 29 ноября 1988 года // Конституции государств Европы. – М., 1997. – Т. 3.
5. Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. и со вступ. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Норма, 2001. – Т. 3. – 788 с.
6. Конституции государств Центральной и Восточной Европы / под ред. Н.В. Варламова. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1997. – 578 с.
7. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вступ. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 816 с.
8. Этнические меньшинства в современной Европе / под ред. А.Н. Кожановского. – М.: Восточная литература, 1997. – 328 с.
9. Конституции стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / сост. Г.Н. Андреева. – М.: Юристъ, 1999. – 640 с.
10. Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. и со вступ. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Норма, 2001. – Т. 1. – 824 с.
11. Арним, Г. Государственное право Германии: в 2 т. / Г. Арним [и др.]. – М.: ИГП РАН, 1994. – Т. 2. – 320 с.
12. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, США, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 608 с.
13. Абашидзе, А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву / А.Х. Абашидзе. – М.: Права человека, 1996. – 474 с.
14. Заболотный, В.М. Новейшая история стран Европы и Северной Америки: конец XX – XXI век: учеб. пособие для студентов / В.М. Заболотный. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 494 с.
15. Конституции зарубежных стран: сб. / сост. В.Н. Дубровин. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2000. – 366 с.
16. Варенн, Ф. де. Языки национальных меньшинств (руководство по использованию и защите): пер с англ. / Ф. де Варенн. – М.: Юрист, 2002. – 110 с.
17. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: РГГУ, 2000. – 366 с.
18. Хрестоматия по истории БССР: 1917–1983 гг. / А.П. Игнатенко, В.Н. Сидорцов, П.З. Савочкин, А.И. Сидоренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Университетское, 1984. – 430 с.
19. О языках в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 года № 3094-XI (в ред. Закона Республики Беларусь от 03.01.2013 года № 15-3) // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
20. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 26.11.1996 года и 17.10.2004 года). – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 39 с.
21. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1992 года № 1926-XII (в ред. Закона Республики Беларусь от 05.07.2007 года № 212-3) // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
22. О культуре в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 июня 1991 года № 832-XII (в ред. Закона Республики Беларусь от 23.04.2014 года № 132-3) // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Поступила в редакцию 07.04.2016 г.

Беларусь, Россия, Украина: правовое регулирование и духовно-нравственное воспитание граждан в свете вызовов современности

Трахименюк С.А.

Государственное учреждение образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования общественных отношений, возникших в системах воспитания и образования в славянских государствах Восточной Европы в постсоветский период.

Цель работы – на основе сравнительного анализа показать правовое регулирование общественных отношений в рамках воспитательного и образовательного процесса в Беларуси, России, Украине.

Материал и методы. В статье исследуется и подвергается анализу правовое регулирование и духовно-нравственное воспитание граждан Беларуси, России и Украины. В качестве основных методов использованы сравнительный, моделирования, толкования и компаративистики.

Результаты и их обсуждение. Проанализированы основные тенденции образовательного процесса, сформировавшиеся под влиянием так называемого процесса «вестернизации» общественных систем Беларуси, России, Украины.

Заключение. Навязанные извне подходы к воспитательному и образовательному процессам во многом не совпадают с закономерностями и традициями общественного развития Восточной Европы; система воспитания граждан должна строиться не на модных концепциях, некритически заимствованных в других цивилизационных образованиях, а на ценностях, присущих данному цивилизационному пространству.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание граждан, система социального регулирования и воспитания, цивилизационные ценности.

Belarus, Russia, Ukraine: Contemporary Challenges of Legal Regulation and Moral Spiritual Upbringing of Citizens

Trakhymenok S.A.

State Educational Establishment “Institute of National Security of the Republic of Belarus”

Issues of legal regulation of social relations which arose in the system of education in Slavonic states of Eastern Europe in the post Soviet period are considered in the article.

The aim of the article is to show legal regulation of social relations within the educational process in the Republic of Belarus on the comparative basis.

Material and methods. Legal regulation and spiritual moral upbringing of citizens in Belarus, Russia and Ukraine are studied and analyzed in the article. As the main, the comparative method as well as those of modeling, commenting and comparison is used.

Findings and their discussion. Basic tendencies of educational process which were shaped under the influence of the so-called process of westernization of social systems of Belarus, Russia and Ukraine are analyzed.

Conclusion. Imposed from outside approaches to educational processes considerably do not coincide with laws and traditions of social development in the Western European space; the system of education and upbringing of citizens should be built not on fashionable conceptions, which are uncritically borrowed from other civilization education systems, but on values which are inherent in the particular civilization space.

Key words: spiritual moral upbringing of citizens, system of social regulation and upbringing, civilization values.

Общественные отношения, складывающиеся на постсоветском пространстве вообще и в трех восточнославянских государствах в частности, характеризуются несколькими тенденциями:

- влиянием нравственных ориентиров и правовой организации советской системы;
- попытками создания системы регулирования общественных отношений на основе принципов так называемых цивилизованных государств;
- попытками прочувствовать и осмыслить свой путь, в определенной мере отличающийся от пути первых двух тенденций, в том числе с учетом национальной специфики.

Цель статьи – на основе сравнительного анализа показать особенности правового регулирования общественных отношений в рамках воспитательного и образовательного процесса в Беларуси, России, Украине.

Материал и методы. В статье поставлены задачи исследовать и подвергнуть анализу правовое регулирование и духовно-нравственное воспитание граждан Беларуси, России и Украины. В качестве основных методов использованы сравнительный, моделирования, толкования и компаративистики.

Результаты и их обсуждение. В 90-е годы под лозунгами департизации и деполитизации на территории этих государств освободилось поле деятельности для структур, фактически ориентированных на чуждые данному пространству цивилизационные ценности.

В России это выразилось в вестернизации государственной политики, реформировании государства на принципах либерализма и возвращении мощной прослойки либералов, которые до сих пор не могут понять, что это идеологическое течение в России возможно лишь при достаточном ресурсе, который всегда накапливался в консервативные периоды и бездарно тратится в последующие – либеральные.

Спецификой Беларуси и Украины был приход к власти ультрарадикальных националистических группировок, который видели в России империю зла, «знісчавшую» их язык, культуру, да и сам народ.

Здесь следует констатировать, что этот процесс в 1994 году был остановлен в Беларуси. Украина же в силу своей неоднородности и мощного «галлицийского лобби», ставшего фактическим представителем всей Украины, превратилась в площадку враждебной деятельности против России, если рассматривать участие украинских военных формирований в чеченской кампании и российско-грузинском конфликте и пр.

Прошло более двадцати лет, и уже понятно, что и коммунистические ориентиры, а точнее то, во что они превратились после кампании дискредитации их в 80–90-е годы прошлого века, и либеральные ценности не могут быть положены в основу идеологии регулирования социальных процессов и духовно-нравственного воспитания граждан на геополитическом пространстве Восточной Европы в силу того, что в основе и первого, и второго лежит игнорирование фундаментальных историко-культурных ценностей данного пространства.

На наш взгляд, то, на чем пытаются построить системы социального регулирования и воспитания, не является для данного цивилизационного пространства существенным и не может быть положено в основу данных систем. Основу выживания различных систем, в том числе и сложных биосоциальных, составляет их безопасность, то есть такой уровень защищенности, при котором противодействующие системе факторы не способны уничтожить или изменить ее сущность.

Обеспечение безопасности человеческих сообществ – первейшая потребность процесса выживания. Осознание и формулирование этой потребности делают ее интересом. А деятельность по защите интересов есть политика. В зависимости от субъекта ее проведения это может быть политика различных социальных структур, в том числе и государств. В последнем случае она называется государственной. Государственная политика активно использует в своих интересах не только такой регулятор, как право, но и иные социальные регуляторы. Разумеется, не отвергая и духовные ориентиры, если они попадают в струю государственной политики.

Религиозные нормы после периода язычества (сейчас его модно называть ведичеством), были на данном пространстве первоначальными социальными регуляторами. Однако впоследствии религия стала утрачивать свои позиции, уступая место праву. Право оказалось более оперативным и гибким регулятором общественных отношений, но у него есть существенный недостаток. Право не имеет системы ценностей, какая есть в канонах религий. Однако оно может придавать форму тем ценностям, которые сформировались в рамках других регуляторов, в том числе и церковных. Отсюда – право может защищать мораль и духовные ценности, если это соответствует интересам государства, или игнорировать их в случае противоречий интересов государства и религиозной конфессии.

Суть любой государственной политики – разрешение противоречий, возникающих внутри общества и между государствами в свою пользу.

Но государства чаще всего не пускают эти процессы на самотек и сами создают и обостряют у оппонента (или оппонентов) имеющиеся противоречия с той же целью – разрешить их в свою пользу.

Однако безопасность лишь основа выживания человека. Весь диапазон средств выживания охватывается понятием культуры, то есть всего, что создано определенной частью человечества для своего выживания. Право как культурный феномен может играть в этом процессе как положительную, так и отрицательную роль.

Из 21 цивилизации (культуры) по А. Тойнби выжили и сохранились лишь те, кто смог последовательно освоить жизненную среду и развить духовное начало во всех видах человеческой деятельности. А духовные начала и, прежде всего, идеология, по мнению автора данной статьи, всегда облекались и облекаются в форму религии.

И данная форма существенно воздействует на формирование всех социальных регуляторов, будь то рынок, традиции, мораль, право, причем как в религиозных государствах, так и в государствах светских. С той разницей, что, во-первых, соблюдение религиозных норм прямо обеспечивается принудительной силой государства, а во-вторых – формирование правовых систем осуществляется под воздействием и в рамках систем социокультурных ценностей и ориентиров, основой которых являются принципы взаимоотношения человека с Богом. И в дальнейшем пропитанные духом этих ценностей нормы также обеспечиваются государством.

В настоящее время в мире, по мнению геополитиков, существует до десятка крупных цивилизаций (культур) – способов выживания. Сформированные в различных климатических, ландшафтных, геополитических условиях культуры жизнеспособны только в них. И чтобы изменилась культура, необходимо изменение всего комплекса условий выживания и такой же промежуток времени, который ушел на формирование данной культуры.

Попытки перенести нормы одной культуры в другую, для регулирования процесса выживания несостоятельны. Глубокий анализ свидетельствует, что там, где на первый взгляд эти нормы все же «приживаются», имеет место результат совпадения назревших потребностей общества, потребностей не совсем еще осознанных и осмысленных с субъективными действиями по некоему переустройству, в основу которого положен опыт других культур.

С учетом того, что в последние годы все реальней стали просматриваться пределы индустриальной экспансии, идей индустриальной цивилизации, в основе которой лежит получение прибыли, становится понятным, что выживание делового

индустриального общества в определенной мере зависит от непрерывной экспансии в традиционные культуры. Таким образом, все, что произошло с СССР, – результат межцивилизационного столкновения, в котором носители одной культуры на конкретном отрезке времени переиграли носителей другой культуры.

Однако временные рамки межцивилизационного конфликта не ограничиваются рамками войн, горячих либо холодных. Конфликт существует постоянно, он эволюционирует вместе со средствами его разрешения.

Исследователи конфликта, в частности Г. Хотинская, считают, что принципиальные границы конфликтов и ранее возникали преимущественно между народами (носителями определенной культуры. – С.Т.), а не между государствами. Такое состояние длилось до конца Первой мировой войны, затем конфликт народов уступил место конфликту идеологий. Этому способствовало, в частности, развитие средств коммуникаций, хотя их тогдашний уровень и количественный, и качественный в сравнение не идет с нынешним [1, с. 61–64].

Конфликт идеологий прекратил свое существование с началом третьей технологической революции в истории человечества и появлением возможности управлять мировыми процессами с помощью компьютера и телекоммуникаций. Все это создало предпосылки для глобализации государственных сообществ, так как уже невозможно было спрятаться за различного рода занавесы и отгородиться от проникновения норм других культур государственными границами.

С началом третьей технологической революции экспансия культур (цивилизаций) вышла на новый уровень и возможности взаимодействия и противодействия культур выросли на порядок. Однако, как мы уже отмечали, культурные нормы, объективно сформировавшиеся на определенной территории, могут измениться только с изменением факторов, которые их породили, то есть изменением того, что мы называем обобщенным словом – пространство.

Данный парадокс, то есть объективная невозможность навязать свои правила игры другой культуре и субъективное желание сделать это, будет основой того, что в двадцать первом веке принципиальные конфликты будут возникать между нациями и группами различных культур или цивилизаций.

И объясняется это, прежде всего, тем, что культура, спонтанно обеспечивая выживание среди других культур, укрепляет себя с помощью экспансии в другие культуры, возможно не вполне осознанно двигаясь к достижению одной цели. Чем больше удельный вес данной культуры среди других

культур, тем устойчивее она и тем дольше в относительной безопасности существуют ее носители.

Как полагал Э. Володин, «нация – сакральная этническая целостность, что делает позитивистский и атеистический взгляд на национальное бытие крайне поверхностным и не проникающим в сущность процессов и явлений. Русская нация сакральна, и ее историческое бытие подпадает под действие законов истории, но с тем дополнением, что мы как этническая целостность движемся к неведомой, но чаемой Вечности, не описываемой в системе позитивистского знания» [2, с. 68–70]. Володин говорил о России. Но следует добавить, что при определенной национальной специфике данные черты присущи социуму Беларуси и большей части социума Украины.

Вот почему ни Реформы Петра I, ни революция 17-го, ни «перестройка» и последующие радикальные реформы не создали главного условия для формирования общности аналогичной западной политической системы или правового государства. Ни первое, ни второе, ни третье не смогло уничтожить основы традиционного общества: уклад жизни; семейные связи; нормы поведения, а главное – систему цивилизационных ценностей, которая трудно улавливается рациональными методами исследования, но ее абрис всегда проявляется в случае посягательства на них.

Будучи исторически православной нацией русские (в ее состав включаются великороссы, белорусы и малороссы) и сейчас, после более семидесяти лет атеизма, являются православно ориентированной этнической общностью. По авторитетному свидетельству С. Булгакова, основной признак такого способа выживания – особый образ аскетического приятия мира и его жизни, аскетического труда и творчества в нем.

Таким образом, можно констатировать, что русская православная традиция не исчезла, а лишь ушла вглубь и стала существовать вне религиозных форм. И именно на ней нужно строить систему воспитания в Беларуси, России и Украине, прежде всего молодежи.

На данном цивилизационном пространстве нет условий для появления атомизированной социальной системы, исходящей из приоритета личности и потому требующей создания и укрепления правового государства. Традиционализм и православие предполагают примат нравственности над законом, и это великое достижение православной цивилизации не смогли уничтожить ни великие, ни малые перестройщики.

Однако попытки собрать воедино разрушенное распадом СССР пространство для обеспечения, прежде всего, своей безопасности встречает мощное, прежде всего внешнее сопротивление.

Если мы вспомним, что в период обсуждения договора о создании союзного государства Беларуси и России было выдвинуто много аргументов в пользу такого союза, но все они, при определенной степени их значимости, являются лишь симптомами фундаментальных причин и не являются собственно причинами объединения.

Как бы ни были важны такие ориентиры, как газ, нефть и автоперевозки, но причиной интеграции является родственный способ выживания, ориентация на одни и те же цивилизационные ценности. А те различия, которые существуют между белорусами (при определенной цивилизационной специфике западных областей Беларуси), и русскими и, по понятным причинам искусственно раздуваются противниками интеграции, не являются определяющими.

При той глобализации процессов, происходящих в мире, образовании сверхгосударств с наднациональными органами управления политикой, экономикой, вооруженными силами в рамках одного способа выживания становится понятным сопротивление аналогичным процессам в стане геополитических, а точнее цивилизационных конкурентов.

Фактор цивилизационной конкуренции проявляется не только в объективном взаимодействии культур. Культуры конкурируют и субъективно, осознанно. И одним из путей воздействия на цивилизационного конкурента является оказание влияния на его социальные регуляторы и, прежде всего, право и, конечно же, на систему воспитания, особенно молодого поколения.

Механизм такого воздействия не сложен. Он осуществляется посредством перетягивания на свою сторону части национальной элиты, в нашем случае тех, кто занимается правотворчеством и организует процесс воспитания.

Через подсказки и рекомендации достигается эффект управления, то есть нужный результат. Наиболее опасны рекомендации в рамках концептуальной информации, которая лежит в основе будущих целей, выработки и принятия решений, критериев и оценок. Она в форме доктрин и теорий, стратегий или алгоритмов становится не только основой принимаемых решений, но и закрепляется в нормах права.

Если манипулирование извне фактологической информацией может привести к однократной ошибке в принимаемых решениях, то при закладке ошибки в концептуальной информации ошибка принимает постоянный характер. Факты, указывающие на ошибку, выдаются за исключение из правил. Причина ошибки ищется в чем угодно, только не в навязанной концепции.

Опровергнуть концептуальную информацию, принятую сознанием того или иного предста-

вителя политической или научной элиты весьма сложно. Это воспринимается как сомнение в его компетенции, умении ориентироваться в обстановке и так далее. Причем объекты влияния в большинстве своем не осознают, что проводят в жизнь чужие концепции. С юридической точки зрения они не совершают противоправных действий, а лишь отстаивают свою позицию. Традиционный аппарат правоохранительных органов, опирающийся в своей деятельности на уголовное или административное законодательство, бессилён перед таким влиянием и управлением извне.

В свое время, заложив с помощью своих экспертов-юристов в систему законодательства Японии несколько концептуальных принципов, американцы, помнящие Перл-Харбор, обеспечили себе спокойное существование в регионе Тихоокеанского бассейна до нынешнего времени.

Подводя итог сказанному, необходимо заметить, что система воспитания граждан должна строиться не на модных концепциях, некритически заимствованных в других цивилизационных образованиях, а на цивилизационных ценностях, присущих данному пространству с учетом:

- менталитета субъектов правоотношений, проживающих на территории бывшего СССР, в частности, в Беларуси, России и Украине, проявляющегося в мифичности сознания;
- доминирования коллективистских начал над индивидуалистскими;

– специфики генотипа субъектов правоотношений, в основе которого лежат нормы православия, специфически относящегося к материальным благам;

– приоритета традиционных норм перед «писаным правом».

Только это может служить основой равновесного сосуществования народов Беларуси, России и Украины.

Заключение. В настоящее время перечисленные факторы необходимо учитывать, особенно в рамках принятия нормативных актов интеграционного характера. В перспективе же необходима перестройка системы образования и воспитания социума и национальных элит на присущих данному цивилизационному пространству ценностях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хотинская, Г.А. Межцивилизационные конфликты и культура / Г.А. Хотинская // Фонд нац. и междунар. безопасности; гл. ред. Л. Шершнева. – 1997. – № 1–2. – С. 61–64.
2. Володин, Э.Ф. Политический вызов и национальный ответ / Э.Ф. Володин // VIP-Premier. – 1997. – № 29–30. – С. 68–70.
3. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – Минск: Тесей, 1999. – 560 с.
4. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник для юрид. вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 552 с.
5. Соколова, А.А. Социальные аспекты правообразования / А.А. Соколова. – Минск: ЕГУ, 2003. – 160 с.

Поступила в редакцию 26.10.2015 г.

УДК 349.3:618.2

Отпуск по беременности и родам: сравнительно-правовой анализ в рамках законодательства стран Содружества Независимых Государств

Бардашевич Я.В.

Витебский областной суд

Содержательная сторона статьи заключается в исследовании вопроса, касающегося отпуска по беременности и родам в рамках стран СНГ. Цель работы – определить и проанализировать условия и длительность данного вида отпуска в разных государствах СНГ.

Материал и методы. Материалом исследования явились правовые нормы законодательных актов стран СНГ, регулирующие вопрос длительности и условий отпуска по беременности и родам, а также их реализации с практической точки зрения. Основным методом выступил сравнительный анализ правовых норм законодательных актов стран СНГ.

Результаты и их обсуждение. Установление длительности отпуска по беременности и родам в рамках стран СНГ имеет достаточно разнообразный характер. В результате проведенного научно-теоретического анализа определено, что минимальный срок отпуска по беременности и родам установлен законодательством Туркменистана – 112 календарных дней, максимальный срок в 140 календарных дней зафиксирован в законодательствах следующих стран: Республики Армения, Республики Таджикистан и Российской Федерации, в иных государствах СНГ данный отпуск составляет 126 календарных дней.

Заключение. Предоставление женщине отпуска по беременности и родам может расцениваться как косвенная гарантия защиты жизни еще не рожденного человека, однако такого рода защита отражает черты умеренного подхода при определении судьбы эмбриона человека. Тем самым можно констатировать, что все одиннадцать стран СНГ реализовали в практике своего законодательства концепцию умеренного подхода к защите человеческого эмбриона, в рамках которой осуществляется частичная защита жизни будущего человека.

Ключевые слова: отпуск по беременности и родам, беременность, эмбрион человека.

Maternity Leave: Comparative Legal Analysis under the Law of Commonwealth of Independent States

Bardashevich Y.V.

Vitebsk Regional Court

The article is dedicated to the study of the issue of maternity leave in the CIS countries. The aim of the study is to identify and analyze the conditions and duration of this type of leave in different CIS countries.

Material and methods. The sources of the research are the legal norms of the legislation of the CIS countries that regulate the issue of duration and conditions of maternity leave, as well as their implementation in practical terms. The main method of the study is the comparative analysis of legal norms of CIS legislation.

Finding and their discussion. The minimal duration of the maternity leave within the CIS differs from country to country. The results of the scientific and theoretical analysis show that the minimal period of maternity leave established by the legislation of Turkmenistan is 112 days, the maximum maternity leave of 140 calendar days is determined by the legislation of the following countries: the Republic of Armenia, the Republic of Tajikistan and the Russian Federation, in other CIS countries the maternity leave lasts for 126 calendar days.

Conclusion. Providing women with the maternity leave can be considered as an indirect guarantee of the protection of life of an unborn human being; however such a protection is a proof of a moderate approach in determining the fate of the human embryo. Thus, we can say that all eleven CIS states have implemented in practice the concept of the moderate approach to the protection of the human embryo. According to this approach the partial protection of the life of the person is carried out.

Key words: maternity leave, pregnancy, the human embryo.

Впервые в мире отпуск по беременности и родам был введен в Советской России. 14(27) ноября 1917 года Советом Народных Комиссаров (СНК) был принят Декрет «О пособии по беременности и родам». У женщин появилось право на сохранение рабочего места и оплачиваемый отпуск по беременности и родам в 112 календарных дней. Современная же правовая база стран Содружества Независимых Государств (далее СНГ) в сфере охраны материнства и детства носит достаточно разнообразный характер. Однако, несмотря на такую неоднородность законодательства, в процессе проведения сравнительно-правового анализа была выявлена общая цель правовой системы в данной сфере каждого отдельно взятого государства – это обеспечение надлежащей защиты как непосредственно самой женщины, так и ее ребенка. В период беременности и послеродовой период женщинам предоставляется оплачиваемый отпуск. Первый поставленный вопрос, которого мы коснулись, – это определить и аналитически сопоставить срок данного отпуска в рамках стран СНГ.

Материал и методы. Материалом исследования явились правовые нормы законодательных

актов стран СНГ, регулирующие вопрос длительности и условий отпуска по беременности и родам, а также их реализации с практической точки зрения. Содержательная сторона рассматриваемой проблемы раскрывается в изучении ситуации в рамках каждого отдельно взятого государства, входящего в состав СНГ. Основным методом выступил сравнительный анализ правовых норм законодательных актов стран СНГ.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с законодательствами Республики Азербайджан, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Республики Молдова, Республики Беларусь, Республики Узбекистан и Украины оплачиваемый отпуск по беременности и родам предоставляется женщинам в количестве 126 календарных дней – 70 календарных дней до родов и 56 календарных дней после родов. Несмотря на уже сформировавшуюся дифференциацию стран СНГ относительно длительности отпуска по беременности и родам, утверждать о ее сто процентной стабильности не приходится ввиду динамики социально-экономического, политического и культурного положения отдельных государств, примером тому может служить Республика Азербайджан. В рамках данного государства

был вынесен на рассмотрение законопроект, которым планируется увеличить срок отпуска по беременности и родам до 250 дней: 70 дней до родов и 180 календарных дней после родов [1]. Увеличение срока отпуска по беременности и родам можно считать вполне рациональным, причин для этого достаточно: необходимость женщины в восстановлении своего психофизиологического здоровья; предотвращение ситуаций, которые могут поспособствовать выкидышу ввиду физиологического или эмоционального перенапряжения на работе; устранение возможностей преждевременных родов.

Отпуск по беременности и родам в количестве 140 календарных дней (70 календарных дней до и после родов) установлен законодательствами Республики Армения [2], Республики Таджикистан [3] и Российской Федерации [4]. В Республике Туркменистан отпуск по беременности и родам предусматривается в количестве 112 календарных дней [5]. Следует обратить внимание, что это единственное государство из стран СНГ, где дородовый и послеродовый отпуска составляют по 56 календарных дней.

В случае осложненных родов практически всеми государствами в рамках стран СНГ был увеличен отпуск по беременности и родам, исключение составило лишь одно государство – Республика Казахстан [6], в законодательстве которого прописан общий срок отпуска для всех женщин в количестве 126 календарных дней без каких-либо отдельных моментов. В Российской Федерации [4] и Республике Таджикистан [3], в порядке исключения, отпуск по беременности и родам предоставляется в количестве 156 календарных дней, из которых 70 календарных дней приходится на период до родов и 86 после родов. Главным условием продления отпуска является факт того, что роды прошли с определенными осложнениями для здоровья женщины, которая нуждается в предоставлении ей дополнительного вре-

мени на восстановление своего физиологического состояния. Мы обращаем внимание на то, что из всех стран СНГ, в российском и таджикском законодательствах отпуск при осложненных родах составляет наибольшее количество календарных дней. В Республике Армения [2] такой отпуск сокращен на шесть календарных дней, что равняется 150 дням. Пожалуй, это единственное государство, в правовом акте которого предусмотрен именно такой срок при затрудненных родах. В Республике Азербайджан [7], Республике Беларусь [8], Республике Кыргызстан [9], Республике Молдова [10], Республике Узбекистан [11] и на Украине [12] отпуск по беременности и родам предусматривается до 140 календарных дней, из которых 70 календарных дней приходится на дородовый период и 70 календарных дней на послеродовый. В Республике Туркменистан предусматривается самый минимальный отпуск по беременности и родам при наличии каких-либо осложнений – 128 календарных дней, из которых 56 дней предоставляется до родов и 72 дня после родов [5].

Помимо названного условия (осложненные роды) отпуск по беременности и родам также увеличивается при рождении двух и более детей, однако и в этом случае не обошлось без специфики отдельных государств, входящих в состав стран СНГ. Например, рождение двух и более детей в Республике Казахстан [6] никаким образом не скажется на изменении отпуска по беременности и родам, установленного соответствующим законодательством в количестве 126 календарных дней. В случае рождения более одного ребенка в Республике Азербайджан [7], Республике Беларусь [8], Республике Кыргызстан [9], Республике Молдова [10], Республике Узбекистан [11] и на Украине [12] отпуск по беременности и родам продляется до 140 календарных дней, из которых на дородовый и послеродовый периоды приходится по 70 календарных дней. В Республике Туркменистан [5] при рождении более двух

Таблица 1 – Отпуск по беременности и родам в странах СНГ

Количество дней отпуска по беременности и родам	Страны Содружества Независимых Государств
112 календарных дней (56 дней до родов и 56 дней после родов)	Туркменистан
126 календарных дней (70 дней до родов и 56 дней после родов)	Азербайджан
	Беларусь
	Казахстан
	Кыргызстан
	Молдова
	Узбекистан
	Украина
140 календарных дней (70 дней до родов и 70 дней после родов)	Армения
	Россия
	Таджикистан

детей отпуск составляет 152 календарных дня, из которых 56 календарных дня приходится на дородовой период и 96 дней после родов. В пределах законодательств Республики Армения [2], Российской Федерации [4] и Республики Таджикистан [3] предусматривается увеличение количества дней пребывания женщин в отпуске по беременности и родам до 180 календарных дней, из которых отпуск до родов составляет 70 дней, а после родов – 110 календарных дней. Следует выделить Закон Российской Федерации «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 6 апреля 2015 года № 68-ФЗ [13], в котором выделяется право женщин на увеличение отпуска по беременности и родам в количестве 194 календарных дней, если их беременность является многоплодной. Аналогичные условия были выявлены в рамках закона Республики Молдова «О социальном пособии» от 13 июня 2008 года № 133-XVI [14]. В правовом акте регламентировано, что при беременности тремя и более зародышами отпуск по беременности и родам увеличивается на 56 календарных дней, из которых 42 дня приходится на дородовой период и 14 дней на после-

родовый отпуск (таблица 2). Такого рода решение вполне благоразумно по той лишь причине, что понятие «многоплодная беременность» предполагает рождение трех и более детей. Понятие «многоплодная беременность» существенно отличается от понятия «рождение двух и более детей», так как помимо того, что наблюдаются различия в минимальном определении количества рожденных детей, дополнительно следует привести и такой факт, как разнородность в продолжительности отпуска по беременности и родам. Как правило, при многоплодной беременности отмечается увеличение количества дней отпуска по беременности и родам.

В зависимости от условий жизни в рамках отдельно взятого государства были установлены различные критерии для предоставления льгот при беременности и родах. Главный юрист-консульт отдела трудового законодательства юридического управления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь Татьяна Валерьевна Рахубо в своих трудах обращает внимание на специфику регулирования труда беременных женщин при особых условиях работы [15].

Таблица 2 – Отпуск по беременности и родам в исключительных ситуациях

Отпуск по беременности и родам в исключительных ситуациях	Осложненные роды	Рождение более 1 ребенка
Азербайджан	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)
Армения	150 календарных дней (70 дней до родов и 85 после родов)	180 календарных дней (70 дней до родов и 110 после родов)
Беларусь	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)
Казахстан	–	–
Кыргызстан	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)
Молдова	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов), многоплодная беременность – 182 календарных дня (112 дней до родов и 70 после родов)
Россия	156 календарных дней (70 дней до родов и 86 после родов)	180 календарных дней (70 дней до родов и 110 после родов), многоплодная беременность – 194 календарных дня (84 дня до родов и 110 после родов)
Туркменистан	128 календарных дней (56 дней до родов и 72 после родов)	152 календарных дня (56 дней до родов и 96 после родов)
Таджикистан	156 календарных дней (70 дней до родов и 86 после родов)	180 календарных дней (70 дней до родов и 110 после родов)
Узбекистан	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)
Украина	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)	140 календарных дней (70 дней до родов и 70 после родов)

Часть 2 статьи 125 Трудового кодекса Республики Азербайджан от 28.04.2015 г. № 1268-IVQD [7] устанавливает льготы для женщин, работающих в сельскохозяйственном производстве. Таким женщинам отпуск по беременности и родам предоставляется следующей продолжительностью: при нормальных родах – 140 календарных дней (до и после родов по 70 календарных дней); при тяжелых родах – 156 календарных дней (до родов 70 календарных дней и после родов 86 календарных дней); при рождении двух и более детей – 180 календарных дней (до родов 70 календарных дней и после родов 110 календарных дней). Трудовым кодексом Кыргызской Республики от 18.12.2015 г. № 227 [9] (статья 307) работа женщин в высокогорных районах и отдаленных труднодоступных зонах относится к особым условиям труда, что в свою очередь влияет на продолжительность отпуска по беременности и родам. Итак, устанавливаются следующие сроки данного отпуска для такой категории женщин: если роды прошли благополучно, без каких-либо отягчающих последствий, то отпуск по беременности и родам составляет 140 календарных дней (по 70 календарных дней до и после родов). В тех ситуациях, когда роды являются осложненными, послеродовой отпуск увеличивается на 16 дней от общеустановленного отпуска и составляет 156 календарных дней (70 календарных дней до родов и 86 календарных дней после родов). А в случае рождения двух и более детей дородовой отпуск увеличивается на 40 календарных

дней и составляет 180 календарных дней (70 календарных дней до родов и 110 календарных дней после родов).

В Кодексе законов о труде Украины от 12.11.2015 г. № 801-VIII [12] в рамках статьи 179 к особым условиям жизни относят происшествие на Чернобыльской атомной электростанции, в результате которого пострадало определенное число женщин (при наличии 1–3 категорий). В случае если женщина является пострадавшей от катастрофы на ЧАЭС и имеет 1–3 категории, отпуск по беременности и родам будет предоставляться в количестве 180 календарных дней, из которых по 90 календарных дней до и после родов.

Содержание Трудового кодекса Республики Беларусь от 08.01.2015 г. № 238-3 (статья 184) [8] в некоторой степени в рамках рассматриваемой проблемы схоже с содержанием Кодекса Законов О Труде Украины от 12.11.2015 г. № 801-VIII [12]. Белорусским законодательством, если женщина постоянно (преимущественно) проживает на территории радиоактивного загрязнения и (или) работает на данной территории, предусматривается увеличение отпуска по беременности и родам до 146 календарных дней, из которых 90 календарных дней приходится на дородовой период и 56 календарных дней на послеродовой отпуск. В случае осложненных родов или же рождения двух и более детей общее количество отпуска по беременности и родам составляет 160 календарных дней. При этом важно отметить такую особенность, как возможность женщины, постоянно (преимущественно) проживаю-

Таблица 3 – Отпуск по беременности и родам при наличии особых условий жизни

Отпуск по беременности и родам при наличии особых условий жизни	Особые условия жизни	Срок отпуска по беременности и родам
Азербайджан	женщины, работающие в сельскохозяйственном производстве	<ul style="list-style-type: none"> • нормальные роды – 140 дней; • тяжелые роды – 156 дней; • рождение 2 и более детей – 180 дней
Беларусь	женщины, постоянно (преимущественно) проживают на территории радиоактивного загрязнения и (или) работают на территории радиоактивного загрязнения	<ul style="list-style-type: none"> • нормальные роды – 146 дней; • тяжелые роды; рождение 2 и более детей – 160 дней; • право на прохождение оздоровительных мероприятий
Кыргызстан	женщины, работающие в высокогорных районах и отдаленных труднодоступных зонах	<ul style="list-style-type: none"> • нормальные роды – 140 дней; • тяжелые роды – 156 дней; • рождение 2 и более детей – 180 дней
Украина	женщины, пострадавшие от катастрофы на ЧАЭС и имеющие 1–3 категории	<ul style="list-style-type: none"> • нормальные роды – 180 дней

щей на территории радиоактивного загрязнения и (или) работающей на данной территории, в родовом отпуске пройти курс оздоровительных мероприятий за пределами территории радиоактивного загрязнения. Существенным отличием условий украинского законодательства предоставления отпуска по беременности и родам при особых условиях жизни беременной является то, что главным условием для увеличения отпуска выступает факт того, что женщина пострадала от Чернобыльской катастрофы, а в Республике Беларусь – факт проживания или работы на территории радиоактивного загрязнения. Если для Украины имеет значение физиологическое состояние, то для Республики Беларусь – местонахождение беременной женщины. В целом как Республикой Азербайджан, Республикой Кыргызстан, Республикой Беларусь, так и Украиной преследовалась цель позаботиться о физиологическом состоянии женщины до и после родов при наличии специфических условий ее жизни (таблица 3). Директор ведущего Института педиатрии, акушерства и гинекологии Украины, академик Юрий Геннадьевич Антипкин обращает внимание на негативные последствия аварии на ЧАЭС и необходимость введения определенных льгот для такой категории граждан, что и было учтено законодательствами отдельных стран СНГ [16].

Заключение. Предоставление женщине отпуска по беременности и родам может расцениваться как косвенная гарантия защиты жизни пока еще не рожденного человека, однако такого рода защита отражает черты умеренного подхода при определении судьбы эмбриона человека. Таким образом, следует считать, что все одиннадцать стран СНГ избрали умеренный подход, в рамках которого допустимо сказать о полузащите человеческого эмбриона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срок декрета по беременности может увеличиться вдвое – до 250 дней // Xronika.az [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xronika.az/azerbaijan/767-srok-dekreta-po-beremennosti-v-azerbajdzhane.html>. – Дата доступа: 01.01.2016.
2. Трудовой кодекс Республики Армения от 30.12.2014 г. № ЗР-256 // Softportal3nn.tk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dl70.softportal3nn.tk/?page=lending&key=Трудовой+кодекс+республики+армения.zip>. – Дата доступа: 01.01.2016.
3. Трудовой кодекс Республики Таджикистан от 22.07.2013 г. № 981 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2317. – Дата доступа: 03.01.2016.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 02.05.2015 г. № 122-ФЗ // Consultant.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. – Дата доступа: 01.01.2016.
5. Трудовой кодекс Туркменистана от 28.02.2015 г. № 30-IV // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=27704. – Дата доступа: 03.01.2016.
6. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 21.07.2015 г. № 337-V ЗРК // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=16750. – Дата доступа: 04.01.2016.
7. Трудовой кодекс Азербайджанской Республики от 28.04.2015 г. № 1268-IVQD // Online.zakon.kz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420364. – Дата доступа: 03.01.2016.
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 08.01.2015 г. № 238-З // Ohrana-truda.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohrana-truda.by/files/file/5-trudovoj-kodeks-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 02.01.2016.
9. Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 18.12.2015 г. № 227 // Citykr.kg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citykr.kg/start/ru/pravo/kodeks-kr/344-2014-01-31-08-47-31>. – Дата доступа: 04.01.2016.
10. Трудовой кодекс Республики Молдова от 11.04.2014 г. № 62 // Online.zakon.kz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398053. – Дата доступа: 01.01.2016.
11. Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 01.07.2014 г. № 171-З // Parliament.gov.uz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.gov.uz/upload/files/laws/TRUD.pdf>. – Дата доступа: 01.01.2016.
12. Кодекс законов о труде Украины от 12.11.2015 г. № 801-VIII // Base.spininform.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8651. – Дата доступа: 01.01.2016.
13. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Закон Российской Федерации от 02.07.2013 г. № 167-ФЗ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1678. – Дата доступа: 04.01.2016.
14. О социальном пособии: Закон Республики Молдова от 29.05.2015 г. № 123 // lex.justice.md [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/358951/>. – Дата доступа: 03.01.2016.
15. Особенности регулирования труда женщин: права, гарантии // Otdelkadrov.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otdelkadrov.by/number/2009/7/0720095/>. – Дата доступа: 02.03.2016.
16. Антипкин: авария на ЧАЭС сказалась на здоровье беременных и детей // Ria.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20110426/368274905.html>. – Дата доступа: 02.03.2016.

Поступила в редакцию 24.03.2016 г.

Понятие субституции в теории права

Самбор Н.А.

Прилукский отдел полиции

Главного управления Национальной полиции в Черниговской области, Украина

В статье рассматриваются сложившееся в отраслевом праве понятие субституции, его содержание.

Цель статьи – изучение понятия субститута (субституции) в праве.

Материал и методы. Материалом исследования послужили доктрины и взгляды юристов на предмет научного познания – субституцию в праве. В основу положен диалектический метод познания, наряду с которым в качестве базовых методов исследования использованы исторический, сравнительно-правовой, индукции, дедукции, моделирования и толкования.

Результаты и их обсуждение. Изучение терминов субститута и субституции начато с уточнения данных понятий в лингвистике и нашло свое логическое продолжение в источниках права, а именно в работах древнеримских юристов. В то же время внимание акцентируется на том, что понятие «субституция» не получило надлежащего исследования в теории права, в результате чего образовался вакуум теоретических знаний данного понятия. На основании изучения понятия субституции в лингвистике, иных гуманитарных науках, а также в отраслевом праве предлагается доктринальное понимание данного термина в теории права.

Заключение. Для теории права крайне важно оперировать обобщенными понятиями, владеющими общими для всех отраслей права признаками. Исключительно благодаря теоретическому исследованию терминов и понятий в теории права возможны унификация юридического языка, правильное использование терминов и понятий, призванных обозначать одни и те же явления правовой действительности, что существенно облегчит правопонимание. Общетеоретическое понимание субституции гарантирует правильное использование данного понятия не только в теории права, но и в отраслевом праве при обозначении одних и тех же явлений, связанных с заменой то ли наследника, то ли предмета возмещения, то ли вида ответственности и т.д.

Ключевые слова: теория права, субституция, правопонимание субституции.

The Concept of Substitution in the Theory of Law

Sambor N.A.

*Pryluky City Police Department of the Main Administration of the National Police
in Chernihiv Region, Ukraine*

This article discusses the prevailing in industry law notion of substitution, its content.

The purpose of the article is the study of the concept of substitute (substitution) in law.

Material and methods. The material of the study is based on doctrines and opinions of lawyers on the subject of scientific knowledge – substitution in law. The basis is laid by dialectical method of knowledge, along with which as the main research methods historical, comparative legal, induction, deduction, modeling and interpretation are used.

Findings and their discussion. Studying the concept of substitution and substitute starts with clarifying this notion in linguistics, and finds its logical continuation in the sources of law, namely the works of Roman jurists. At the same time, emphasis is on the fact that the notion of substitution has not been properly investigated in the theory of law, resulting in vacuum of theoretical knowledge of the concept. On the basis of the research the concept of substitution in linguistics and other humanitarian sciences, as well as in the industry law, doctrinal understanding of the term in the theory of law is offered.

Conclusion. For the theory of law it is essential to operate with generic concepts, owning common to all branches of law features. Solely because of the theoretical study of the terms and concepts in the theory of law unification of legal language, correct use of terms and concepts designed to denote the same phenomenon of legal reality that will greatly facilitate the legal thinking, is possible. General theoretical understanding of substitution ensures the proper use of this concept, not only in the theory of law, but also in industry law when referring to the same phenomena associated with the replacement of whether the heir, whether the subject of compensation, or the type of liability etc.

Key words: theory of law, substitution, legal understanding of substitution.

Юридическая наука полна разных терминов, понятий и определений, которые, несмотря на разработку отраслей и подотраслей, институтов и отдельно взятых понятий, остаются малоизученными, такими, что требуют основательных теоретических исследований, особенно на нынешнем этапе раз-

вития правовых систем мира. Следует отметить, что для современных правовых систем характерно тесное переплетение, взаимопроникновение отраслей права, их институтов, что обуславливает переход понятий из одной отрасли в другую. Такие «заимствования» подталкивают к новому восприятию понятий, их содержания, которые были ранее присущи иным отраслям

или вообще не были присущи данным понятиям как правовым.

Каждый термин имеет свои специфику и особенности, поскольку может находить применение не только в правовой действительности, но и в иных общественных отношениях. Правовые термины и понятия часто имеют долгую историю возникновения и преобразования, ведь в разное время разные юристы вкладывали в эти понятия присущие исключительно их историческому периоду особенности. Ведь право как универсальный регулятор общественных отношений на современном этапе развития гражданского общества и государства и человечества в целом приобретает новые грани, позволяющие ему оставаться таковым, несмотря на изменчивость отношений, технический прогресс и т.д.

Юридическая терминология корнями уходит вглубь веков, ее истоки находятся в трактатах юристов Древнего Рима, чьи работы стали фундаментом для развития правовых знаний.

Одним из таких понятий и есть «субститут». В римском праве субститут как юридический термин неразрывно связан с наследственным правом. В указанной отрасли права римские юристы под понятием *substitutio* первоначально подразумевали назначение второго наследника на случай, если лицо, назначенное на первом месте, не сделается наследником [1]. Со временем вокруг указанного определения формируется комплекс норм, которые образуют соответствующий институт наследственного права. В то же время понятие «субститут» выходит за рамки наследственного и гражданского права, распространяясь и на иные отрасли, в первую очередь, на те, которые вышли из лоно гражданского права, а также проникая и в публично-правовые отношения, а соответственно – и нормы публичного, в том числе административного права.

Безусловно, мы не беремся утверждать то, что указанное понятие не было предметом научных исследований. Субститут как предмет научного изучения избрали для себя М.С. Абраменков, А.М. Палшкова, А.А. Кирилловых, Е.А. Кириллова и др. Но, так или иначе, субститут стал предметом научных поисков именно в рамках гражданского права, во время исследования вопросов наследственного права, определения порядка наследования имущественных или неимущественных прав. Некоторые незначительные вопросы субститута рассматривались в рамках уголовного права, тогда как в административно-деликтном праве о субституте вспоминается лишь вскользь, когда речь заходит о возможной замене административной ответственности дисциплинарной ответственностью для отдельных, прямо предусмотренных в законе субъектов.

Исходя из вышеизложенного целью данной статьи стало изучение понятия субститута (субституции) в праве.

Материал и методы. Материалом исследования послужили доктрины и взгляды юристов на предмет научного познания – субституцию в праве. В основу положен диалектический метод познания, наряду с которым в качестве базовых методов исследования использованы исторический, сравнительно-правовой, индукции, дедукции, моделирования и толкования.

Результаты и их обсуждение. Исследование понятия «субститут» считаем необходимым начать именно с его лексического значения, что позволит выстроить логическую цепочку понимания данного термина как в целом в науке, так и непосредственно в юридической науке, в том числе и отраслевое его понимание.

Субституция, -и, ж. (книжн.). Замещение одного другим, обычно сходным по назначению, по функции [2]. Именно так толкуется данное понятие С.И. Ожеговым.

Субститу́ция (лат. *substitutio* – подстановка): 1) замещение, подстановка; замещение одного лица другим; 2) лингв. замещение одного звука другим (Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2006). Также субституция: 1) замещение одного другим, обычно сходным по свойствам, назначению, напр. С. звуков; 2) юр. Назначение в завещании дополнительного наследника на случай, если первый почему-л. не вступит в права наследства (Новый словарь иностранных слов, by EdwART, 2009) [3]. Исходя из сказанного можем сделать вывод о том, что субституция – это термин, который определяет замещение одного явления или предмета другим.

Субституты (от лат. *substitutio* – замена) – взаимозаменяемые товары. Характеризуются тем, что рост цены на один товар вызывает увеличение потребления другого: снижение цены на один товар делает для потребителей менее желанным другой товар. Примерами таких товаров могут быть: апельсины и мандарины, кофе и чай и т.д. Изменение цен на товары-субституты является одним из основополагающих факторов, влияющих на кривую спроса. Уменьшение цены на первый из товаров-заменителей из взятой пары вызывает сдвиг кривой спроса второго товара влево. К примеру, при снижении цены на чай, многие потребители откажутся покупать привычное им количество кофе по старой цене (учитывая, что они легко могут перейти на ставший более дешевым чай), произойдет снижение спроса на кофе и сдвиг кривой спроса влево. Наоборот, при увеличении цены на чай большее число потребителей решит перейти на кофе (то есть при неизменной цене на кофе будет продано большее количество банок, чем

раньше), происходит сдвиг кривой спроса вправо. Товары считаются субститутами, если значение перекрестной эластичности больше нуля [4]. Товары-субституты – взаимозаменяемые, способные удовлетворить одни и те же потребности покупателей [5]. Приведенное толкование субститута указывает на то, что предметы, явления и т.д., которые составляют сферу влияния субститута, должны иметь сходные свойства, наличие которых позволяет говорить о возможности замены одного другим.

Таким образом, считаем, что понятие «субституция» в теории права должно иметь общелингвистические положения, которые наполняют содержание данного термина и формируют его толкование.

Продолжая общетеоретическое исследование понятия «субституция», во-первых, сталкиваемся с тем, что не так уж много работ по общей теории права раскрывают содержание понятий «субститут» и «субституция».

Проанализировав ряд отечественных и зарубежных учебников по теории права, отмечаем, что практически никто из авторов не использует в своем терминологическом словаре понятие «субститут». И лишь в одном издании по теории государства и права [6] мы встречаем данный термин, но в достаточно неординарном месте и с нестандартным содержанием. Так, указывается: «Процесс дифференциации правового регулирования проявляется, прежде всего, в разделении самой системы права на отрасли, подотрасли, институты и субституты» [6, с. 355]. Очевидно, что А.В. Мелехин субститут ставит в один ряд с такими понятиями, как отрасль и подотрасль права, институт права. В то же время, на наш взгляд, исследователь некорректно формулирует термин с использованием суффикса «суб-» (приставка в составе слов, имеющих значения: 1) находящийся ниже того или под тем, что обозначено основой слова, напр.: субкортикальный, субкавальный; 2) указывающий на подчинение, на зависимость одного действия или объекта от другого, напр.: субординация, субинспектор; 3) меньший по тому или иному параметру, чем то, что обозначено основой слова, напр.: субгигант, субконтинент; 4) находящийся около того, что обозначено основой слова, напр.: суборбитальный, субтропики [7]). В данном случае, очевидно, речь идет о субинституте как элементе правового института (который объединяет в себе совокупность однопорядковых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений [8, с. 430]), но ни в коей мере не о субституте. Вряд ли А.В. Мелехин имел в виду какое бы то ни было замещение отрасли права или института права.

На наш взгляд, введение в юридический обиход новых понятий, которые будут раскрывать явления, давать содержательное наполне-

ние новым терминам, крайне необходимо, с точки зрения развития общественных отношений, появления и развития новых их форм. В таких случаях необходимо учитывать лексическое значение данных терминов, которые определяют саму возможность их использования для обозначения определенных правовых явлений. В то же время считаем невозможным в специализированной литературе, какой является юридическая, по отношению к общему толкованию, предавать терминам абсолютно несвойственное им содержание.

Итак, понятие «субституция» («субститут») фактически не употребляется в рамках теории права. Это существенно обедняет саму теорию, поскольку отсутствует общетеоретическое определение данного понятия в юриспруденции, которое впоследствии могло бы детальнее раскрываться в отраслях права, приобретать новое содержательное наполнение в отраслевых или межотраслевых институтах права.

Субституция (от лат. *substituo* – ставлю вместо, передаю взамен) – 1) в наследственном праве указание (предназначение) дополнительного наследника (субститута) на случай, если основной умрет до открытия наследства или не примет его. При этом не имеет значения, входит ли субститут в круг наследников по закону. Он призывается и в случае, если основной наследник отстранен от наследования по причинам, предусмотренным законом; 2) в международном праве одна из форм материальной ответственности государств, разновидность реституции: замена неправомерно уничтоженного или поврежденного имущества, зданий, транспортных средств, художественных ценностей, личного имущества и т.п. [9; 10].

Детальнее рассмотрим содержание понятия «субституция» в международном праве. В источниках указывается, что разновидностью реституции является субституция – замена неправомерно уничтоженного или поврежденного имущества аналогичным по стоимости и назначению [11]. Можем встретить и более пространное определение, а именно в содержании понятия «субституция» (от лат. *substitutio* – постанова) – в международном праве подразумевается разновидность реституции; замена неправомерно уничтоженного или поврежденного имущества, зданий, транспортных средств, художественных ценностей, личного имущества и т.п. [12].

Не является исключением и отрасль гражданского права, в которой термин «субституция» служит для обозначения одной из форм материальной ответственности, проявляющейся в передаче пострадавшей стороне предметов, равных по стоимости и значению тем, которые были повреждены или уничтожены [13]. В то же время

следует отметить, что в ходе исследования института материальной ответственности практически не исследуется понятие субституции материальной ответственности.

В продолжение сказанного акцентируем внимание именно на наследственное право как отрасль права, которая вышла из лона гражданского права и до сих пор находится в сфере его интересов.

Институт назначения и подназначения является государственной гарантией наследования. Назначение предполагает предоставление наследодателю права определить наследника, которому он желает передать в наследство все свои материальные и нематериальные блага, посредством составления завещания, таким образом, наследодатель имеет право выбрать своего наследника даже среди тех лиц, которые не входят в круг наследников по закону. Подназначение представляет собой право наследодателя определить и указать в завещании замену назначенному наследнику, иными словами законом предусмотрена субституция, то есть замена выбывшей стороны стороной, наделенной теми же правами и обязанностями. Институт субституции перекликается с принципом свободы завещания, так как субституция позволяет завещателю предпринять меры для перехода наследства в иные руки [14].

Под словом «*substitutio*» первоначально подразумевали назначение второго наследника на случай, если лицо, назначенное на первом месте, не сделается наследником. Но с течением времени из этого общего понятия развились три случая субституции; эти три случая являются в своем окончательном развитии настолько различными между собой, что связать их в одну группу представляется возможным только чисто историческим путем, обращаясь к истории их развития из одной общей идеи. Эти три случая имеют разные названия: *substitutio vulgaris*, *substitutio pupillaris* и *substitutio quasi pupillaris*. Под *substitutio pupillaris* в развитом праве понимается такого рода институт: домовладыка имеет право, делая завещание о своем имуществе, назначить наследника также и своему малолетнему (*impubes*) нисходящему, стоящему непосредственно под его властью, на случай, если этот подвластный умрет раньше достижения *pubertas*, т.е. еще в том возрасте, когда он сам завещания совершать не может, а потому не может и назначить себе наследника сам. Такой наследник подвластного и назывался *substitutus*. Юстиниан создал по аналогии с *substitutio pupillaris* еще один вид субституции: *substitutio quasi pupillaris*, или *Iustiniana*. Эта субституция сводится к тому, что восходящие родственники

могут назначать своему безумному нисходящему наследника на случай, если этот нисходящий умрет, не выздоровев от своей душевной болезни. Нисходящий не должен стоять непременно под властью назначающего ему субститута, восходящего. Но восходящий должен оставить нисходящему *portio legitima*, должен совершить завещание и для самого себя и обязан выбрать субститута из числа нисходящих самого безумного, а за неимением их – из числа своих собственных нисходящих; при отсутствии последних его выбор свободен [1; 15; 16].

Проанализированное позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, субститут, как и субституция, был известен юристам Древнего Рима. Вместе с тем исторический путь данного понятия хотя и претерпевал изменения, тем не менее не нашел достойного развития именно в области теории права, оставаясь исключительно предметом исследования гражданского и наследственного права как его подотрасли, или самостоятельной отрасли, вышедшей именно из лона гражданского права.

Как видим из указанных значений, термин «субституция» характерен для наследственного и международного права, из чего можно заключить, что указанное понятие следует считать межотраслевым для юридических наук.

Но не можем не отметить, что термин «субститут» употребляется и в иных отраслях хозяйствования. Так, о субституте административной ответственности пишет А.А. Погребной [17, с. 30], подразумевая именно замену административной ответственности иным видом юридической ответственности, а именно дисциплинарной ответственностью.

Итак, сказанное позволяет резюмировать то, что субституция принадлежит не только предмету наследственного права, но также находит свое проявление и в иных отраслях права. Многогранность использования термина «субституция» в отраслевом праве и законодательстве требует формирования унифицированного понятия «субституция», которое может быть реализовано, на наш взгляд, исключительно в рамках предмета теории права.

Проанализировав научную литературу, можно сделать вывод о том, что понятие субституции в теории права фактически не исследуется, в результате чего образуется вакуум научных знаний, которые служат отправной точкой для дальнейшего изучения и использования данного понятия в юридической литературе.

На наш взгляд, формирование правопонимания термина «субституция» в теории права будет происходить путем обобщения знаний о дан-

ном понятии в отраслях права, то есть, используя индуктивный метод, при котором на основании понимания частных фактов термина «субституция» в отраслевом праве переходим к выделению общих положений данного понятия в общей теории права.

Наряду с освещенными вопросами понимания субституции в рамках международного и наследственного права считаем, что интерпретация социальной сущности субституции возможна в рамках именно теории права, где понятие «субституция» приобретает свою эвристичность, научную эффективность, которая и проявляет именно в теоретическом обосновании сущности субституции как правового понятия и категории, как предельно общего, родового и общего понятия субституции в целом для права.

Заключение. Исходя из вышеизложенного полагаем, что субституция – это исторически обусловленное явление в предмете юридической действительности, связанное с заменой одних предметов и явлений правовой действительности иными, которая (замена) обусловлена определенными интересами субъектов права, с учетом наличия у заменяемых объектов сходных содержания, роли, функций, задач, процесс замены которых в целом направлен на реализацию права как регулятора общественных отношений (в данном случае позитивного права как продукта деятельности социума) и достижения правовых целей.

В связи со сказанным считаем необходимым определить основные признаки субституции как правовой категории: 1) процесс замены понятий, предметов, явлений правовой действительности; 2) замена или подмена сходных по всем чертам понятий, предметов или явлений (в рамках родовидовых групп). При этом субституцию не следует путать с аналогией права, которая представляет собой один из способов преодоления пробелов в законодательстве, необходимый для целей правоприменения [18]. Субституция не замещает сложившегося пробела, она заменяет существующее понятие, явление правовой действительности, то есть субституция – это процесс именно замены, а не заполнения пробела; 3) процесс замены происходит исключительно в рамках существующих норм права; 4) субституция связана с реализацией субъектами права их интересов; 5) она предусматривает достижение правовых целей.

В заключение отметим, что для теории права крайне важно оперировать обобщенными понятиями, владеющими общими для всех отраслей права признаками. Исключительно благодаря теоретическому исследованию терминов и понятий в теории права возможны унификация юриди-

ческого языка, правильное использование терминов и понятий, призванных обозначать одни и те же явления правовой действительности, что существенно облегчит правопонимание.

В свою очередь считаем, что общетеоретическое понимание субституции гарантирует правильное использование данного понятия не только в теории права, но и в отраслевом праве при обозначении одних и тех же явлений, связанных с заменой то ли наследника, то ли предмета возмещения, или вида ответственности и т.д. Поэтому, на наш взгляд, необходимо продолжить исследование понятия субституции в теории права, результатом которого будет формирование унифицированного не только понятия субституции, но и правил применения субституции в тех или иных правоотношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Substitutiones [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://pravoznavec.com.ua/books/228/17243/35/>. – Дата доступа: 19.03.2016.
2. Субституция // Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/34920.shtml>. – Дата доступа: 21.03.2016.
3. Субституция [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34561/СУБСТИТУЦИЯ. – Дата доступа: 19.03.2016.
4. Субститут // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Субститут>. – Дата доступа: 02.04.2016.
5. Товар-субститут // Технічна енциклопедія TechTrend [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://techtrend.com.ua/index.php?newsid=8852>. – Дата доступа: 02.04.2016.
6. Мелехин, А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Мелехин. – М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с.
7. Префикс «Суб» // Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 1998. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/48123/суб. – Дата доступа: 21.03.2016.
8. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник для юрид. вузов и факультетов / В.С. Нерсисянц. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 552 с.
9. Субституция [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/slovar/s/5712.php>. – Дата доступа: 19.03.2016.
10. Субституция // Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://slovar.cc/pravo/slovar/2468982.html>. – Дата доступа: 21.03.2016.
11. Международное право [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnoe-pravo-3/58.htm>. – Дата доступа: 19.03.2016.
12. Субституция [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlmlmktgwu kt:llvwgiutgwz@lto9. – Дата доступа: 19.03.2016.
13. Зиганшина, Д.Р. ГЛОССАРИЙ «ВОДНОЕ ПРАВО» / Д.Р. Зиганшина [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://textbooks.global/pravo_prirodoresursnoe/substitutsiya-60047.html. – Дата доступа: 19.03.2016.
14. Назначение и подназначение (субституция) в наследственном праве [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://jurlib.blogspot.com/2014/05/blog-post_7136.html. – Дата доступа: 23.03.2016.
15. Палшкова, А.М. Субституция по законодательству РФ / А.М. Палшкова // Молодой ученый [Электронный ре-

- сурс]. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/2/141/>. – Дата доступа: 19.03.2016.
16. Смирнов, А.В. Юридические фикции и субституции как формальные средства доказывания / А.В. Смирнов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ugpr.ru/article/147-yuridicheskie-fiksii-i-substitutsii-kak-formalnye-sredstva-dokazyvaniya> – Дата доступа: 19.03.2016.
17. Кодекс України про адміністративні правопорушення: наук.-практ. коментар / Р.А. Калюжний [та ін.]. – 2-ге вид. – К.: Всеукраїнська асоціація видавців «Правова єдність», 2008. – 655 с.
18. Аналогия (право) // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Аналогия_\(право\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Аналогия_(право)). – Дата доступа: 07.04.2016.

Поступила в редакцию 03.05.2016 г.

УДК 341.241.8:34.05

Евразийский экономический союз и Европейский союз: сравнительно-правовая характеристика

Губаревич А.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»*

В современный период наиболее приоритетным направлением в международных правоотношениях является стабилизация взаимоотношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом, что проецирует внимание на уточнении принципов деятельности указанных объединений.

Цель статьи – на основе проведенной сравнительно-правовой характеристики законодательных актов, регулирующих деятельность Евразийского экономического союза и Европейского союза, показать генезис проблемы взаимодействия таких межгосударственных объединений.

Материал и методы. Материалом послужили национальные законодательства государств-участников Евразийского экономического союза, межгосударственные соглашения в рамках Евразийского экономического союза, международные договоры и соглашения в рамках Европейского союза. Основными методами исследования явились формально-логический, анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. В статье проведен сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих порядок деятельности таких межгосударственных объединений, как Евразийский экономический союз и Европейский союз. Показаны основные отличительные признаки в достижении поставленных перед Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом задач.

Заключение. Анализ законодательства показал, что основное отличие Евразийского экономического союза и Европейского союза в своих организационно-правовых формах состоит в декларировании основных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Европейский союз, декларированные ценности.

Eurasian Economic Union and the European Union: Comparative Legal Characteristics

Gubarevich A.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

At present the priority in international legal relations is to stabilize the relationships between the Eurasian Economic Union and the European Union, which projects focus on refining the principles of the activities of these associations.

Purpose of the article is on the basis of a comparative legal characteristics of legislative acts regulating the activities of the Eurasian Economic Union and the European Union to show the genesis of the issue of the interaction of such intergovernmental organizations as the Eurasian Economic Union and the European Union.

Material and methods. The material was the national legislation of the Eurasian Economic Union member states, interstate agreements within the Eurasian Economic Union, international treaties and agreements within the European Union. The main methods of the research are the formal and logical method of analysis and synthesis.

Findings and their discussion. In the article the comparative analysis of the legal rules governing the activities of such interstate organizations as the Eurasian Economic Union and the European Union is made. The basic features in the achieving the objectives by the Eurasian Economic Union and the European Union are shown.

Conclusion. Analysis of the legislation shows that the main difference between the Eurasian Economic Union and the European Union in their organizational and legal forms is the main differences in the declaration of values.

Key words: EAEC, EU, declared value.

Анализ положений Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного президентами России, Беларуси и Казахстана 29 мая 2014 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета (далее Высший совет) в Астане, показывает, что однозначного ответа на вопрос, какому соглашению в рамках европейской интеграции соответствует Договор о ЕАЭС, нет.

Цель статьи – на основе проведенной сравнительно-правовой характеристики законодательных актов, регулирующих деятельность Евразийского экономического союза и Европейского союза, показать генезис проблемы взаимодействия таких межгосударственных объединений.

Материал и методы. Материалом послужили национальные законодательства государств-участников Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС), межгосударственные соглашения в рамках ЕАЭС, международные договоры и соглашения в рамках Европейского союза. Основными методами исследования явились формально-логический, анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. С точки зрения декларируемых целей и содержания, согласно Договору о ЕАЭС, – это региональный проект с сугубо экономическими целями. В этом смысле евразийское соглашение больше походит на Римский договор о создании Европейского экономического сообщества 1957 г. Римский договор предлагал создать таможенный союз, общий рынок товаров, услуг, рабочей силы и капитала, а также единую транспортную и сельскохозяйственную политику. Установленный Римским договором 12-летний переходный период напоминает 10-летний переходный период в ряде экономических сфер, предложенный Договором о ЕАЭС. Договор о ЕАЭС определяет следующие временные периоды ликвидации барьеров в торговле наиболее чувствительными товарами:

- общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий – с 1 января 2016 г.;

- общий электроэнергетический рынок – не позднее 1 июля 2019 г.; причем до 1 июля 2015 г. Высший совет утверждает концепцию, а до 1 июля 2016 г. – программу формирования общего рынка с крайним сроком выполнения мероприятий программы 1 июля 2018 г.;

- общий рынок газа, а также нефти и нефтепродуктов – не позднее 1 января 2025 г.; причем до 1 января 2016 г. Высший совет утверждает соответствующие концепции, а до 1 января 2018 г.

программы формирования общего рынка газа, а также общего рынка нефти и нефтепродуктов с крайним сроком выполнения мероприятий программы 1 января 2024 г.

В соответствии с Договором о ЕАЭС Беларуси также предоставляется переходный период до 2016 г., в течение которого объем государственной поддержки сельского хозяйства должен быть уменьшен до 10% от валовой стоимости произведенных сельскохозяйственных товаров в целом. В Договоре о ЕАЭС, так же, как и в Римском договоре, отсутствуют отсылки к общим (евразийским) ценностям. Принципы свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод появились лишь в Маастрихтском договоре 1992 г., а явная отсылка к ценностям появилась лишь в Лиссабонском договоре (2007). Ныне действующий Договор о функционировании Европейского союза однозначно перечисляет ценности, на которых основан Евросоюз, – уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права меньшинств. Учитывая, что евразийские партнеры не включили в соглашение аспекты политической интеграции, не удивительно, что ценностная часть не получила достаточной проработки.

Тем не менее в статье 3 Договора о ЕАЭС перечисляется ряд принципов, на основе которых ЕАЭС должен осуществлять свою деятельность:

- уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности;

- уважение особенностей политического устройства государств-членов;

- обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов государств-членов;

- соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции;

- функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

С институциональной точки зрения Договор о ЕАЭС имеет много общего с более поздними, нежели Римский договор 1957 г., соглашениями о европейской интеграции. Так, Договор о ЕАЭС устанавливает, что высшим органом союза, который определяет стратегию, направления и перспективы формирования и развития ЕАЭС, является Высший Евразийский экономический совет, состоящий из глав государств-членов. Этот орган является аналогом высшего политического органа

Европейского совета, который был формализован лишь в 2009 г. со вступлением в силу Лиссабонского договора, с 1975 г. существует как неформальный орган ЕС. Однако при этом Договор о ЕАЭС не предусматривает создания наднационального парламентского органа, который, пусть и с весьма ограниченными компетенциями на то время, был создан еще в 1957 г. в соответствии с Римским договором о создании ЕЭС.

В статье 4 Договора о ЕАЭС перечислены три основные цели евразийского интеграционного проекта:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

В настоящее время европейская интеграция имеет широкий спектр целей и затрагивает самые разные аспекты. В сравнении с ЕАЭС они являются более разносторонними и в экономической (построение социальной рыночной экономики, содействие занятости и социальному прогрессу, защита и улучшение качества окружающей среды и др.), и в социальной (борьба против социального отчуждения, дискриминации, содействие справедливости и социальной защите, обеспечение равноправия женщин и мужчин, солидарность поколений, защита прав ребенка и др.), и в культурной сфере.

Что касается обеспечения макроэкономической устойчивости, с одной стороны, ее можно рассматривать как задачу краткосрочного периода, так как меры, инструменты и механизмы ее решения должны быть гибкими, адаптивными к меняющимся условиям. С другой стороны, макроэкономическая устойчивость является необходимым условием долгосрочного развития, так как служит критерием для экономических агентов при принятии решения в отношении своего присутствия в экономике той или иной страны. Опыт такого интеграционного объединения, как Европейский союз, показывает, что эффективно интегрироваться, принимая в расчет только экономические

составляющие, невозможно. Необходимо учитывать социальный фактор и обеспечивать достаточный уровень его качества и развития. В этой связи действия государств-членов ЕАЭС на национальном уровне должны обеспечивать:

- повышение уровня жизни населения – увеличение реальных доходов населения, соответствующих росту производительности труда, обеспечение социально приемлемого пенсионного обеспечения;
- повышение качества услуг образования и здравоохранения, снижение неравенства в доступе к ним населения;
- создание условий для решения населением жилищных вопросов;
- обеспечение социальной защиты малообеспеченных групп населения, в том числе используя потенциал негосударственных социально ориентированных некоммерческих организаций.

ЕАЭС придерживается скромной региональной повестки развития без претензий на продвижение своих принципов в отношении с внешним миром. В то же время Европейский союз, уже развивший и политический аспект интеграции, выступает как глобальный проект и продвигает свою повестку вовне. В отношении с внешним миром декларируются, в том числе, продвижение мира, безопасности и устойчивого развития на Земле, солидарность и взаимное уважение между народами, свободная и справедливая торговля, искоренение бедности и др.

Заключение. Поскольку евразийский интеграционный проект пока фокусируется лишь на экономике, содержание Договора о ЕАЭС выглядит намного более государственно-центричным, нежели Договор о функционировании ЕС. В Договоре о ЕАЭС не содержится отсылка к правам граждан государств-членов (кроме единственного упоминания в преамбуле соглашения), а тем более отсутствует приложение, подобное Хартии Европейского союза об основных правах. В Договоре о ЕАЭС не выражена приверженность принципам субсидиарности и пропорциональности. Для сравнения: в рамках Договора о функционировании ЕС прикладному применению этих принципов, целью которых является приближение принятия решений к гражданам, посвящен целый специальный протокол.

Поступила в редакцию 23.09.2015 г.

Реализация гражданами права на судебную защиту по вопросам пенсионного обеспечения

Лобацкая Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

В данной работе рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся реализации гражданами своего конституционного права на защиту своих интересов в суде в сфере пенсионного обеспечения.

Цель статьи – проведение всестороннего научного анализа теоретических и практических проблем, возникающих в процессе определения вида производства при защите пенсионных прав.

Материал и методы. Нормативно-правовую базу статьи составили: Конституция Республики Беларусь, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь и др. Использовались такие методы научного познания, как толкования правовых норм, компаративистики, системно-структурный, индукции, дедукции.

Результаты и их обсуждение. Развитие современного мира в условиях глобализации заставляет задуматься о ряде существенных вопросов, в частности, относительно содержания и развития прав человека. Среди множества прав человека заслуженное место занимает право на судебную защиту.

Заключение. Конституция Республики Беларусь в ст. 47 закрепила право каждого гражданина на социальное обеспечение в старости в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и ряде других случаев, предусмотренных законодательством. Кроме того, на конституционном уровне также гарантируется защита прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки.

Ключевые слова: факты, имеющие юридическое значение; особое производство; исковое производство; производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений.

Implementation of Citizens' Right for Judicial Protection on Pension Matters

Lobatskaya T.V

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In the article we examine current issues concerning implementation by citizens of their constitutional right for defense of their interests in court in the sphere of retirement fund.

The article aims at conducting comprehensive scientific analysis of theoretical and practical issues arising in the process of determining the form of proceedings while protecting pension rights.

Material and methods. The normative legislative base of the article is the Constitution of the Republic of Belarus, the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus etc. The methods of scientific knowledge such as the interpretation of legal rules, the comparative, the system and structural, induction, deduction were used.

Findings and their discussion. The development of contemporary world in conditions of globalization raises a number of significant questions about the substantive issues, in particular concerning the maintenance and development of human rights. Among the multiplicity of human rights, rightful place is taken by the right for judicial protection.

Conclusion. The Constitution of the Republic of Belarus in Article 47 enshrined the right of every citizen for social security in old age, in case of illness, disability, loss of breadwinner and other cases provided by law. Moreover, Constitution also guarantees the protection of rights and freedoms by competent, independent and impartial court within certain legal time frames.

Key words: facts of legal significance, special proceedings, civil proceedings, proceedings on cases arising from administrative legal relations.

На конституционном уровне закреплено, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение в старости в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и ряде других случаев, предусмотренных законом. Государство проявляет особую заботу о ве-

теранах войны и труда, а также о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов (ст. 47 Конституции Республики Беларусь). В статье 60 Конституции Республики Беларусь закреплено, что каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки.

Согласно Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее ГПК), всякое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод законных интересов в порядке, установленном законом.

Рассмотрим более детально это закрепленное конституционное положение на примере реализации гражданами своего права на судебную защиту в сфере пенсионного обеспечения.

Цель статьи – проведение всестороннего научного анализа теоретических и практических проблем, возникающих в процессе определения вида производства при защите пенсионных прав.

Материал и методы. Нормативно-правовую базу статьи составили: Конституция Республики Беларусь, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее ГПК) и др. Использовались такие методы научного познания, как толкования правовых норм, компаративистики, системно-структурный, индукции, дедукции.

Результаты и их обсуждение. Развитие современного мира в условиях глобализации заставляет задуматься о ряде существенных вопросов, в частности, относительно содержания и развития прав человека. Среди множества прав человека заслуженное место занимает право на судебную защиту.

По делам, связанным с реализацией гражданами права на пенсию по старости, обращение в суд за защитой указанного права возможно по достижении возраста, с которым законодатель связывает способность обладать правом на пенсию.

Также законодательством предусмотрено предоставление досрочной трудовой пенсии определенной категории граждан в независимости от возраста. В частности, к таким пенсиям относятся пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца.

Инвалидность является основанным юридическим фактом, с которым связано возникновение права на пенсию по инвалидности, на которую имеют граждане, признанные в установленном законом порядке инвалидами I, II, III групп. Причины и группы инвалидности, а также время ее наступления устанавливаются медико-реабилитационными экспертными комиссиями.

Основанием возникновения права на пенсию по случаю потери кормильца является смерть кормильца или признание судом его безвестно отсутствующим либо умершим. При этом правом на получение пенсии по случаю потери кормильца обладает определенный круг субъектов, а именно – нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении.

Из приведенных примеров видно, что для возникновения права на пенсию необходимо подтверждение ряда юридических фактов, некоторые из них могут быть установлены только в судебном порядке, например, если у гражданина отсутствуют письменные доказательства или по иным объективным причинам он не может получить правоустановительные документы.

В рамках гражданского судопроизводства в порядке особого производства закреплены порядок и условия рассмотрения таких дел.

В соответствии со ст. 77, 78 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» от 17 апреля 1992 года № 1596-XII (далее Закон) назначение и перерасчет пенсий производятся районным (городским) отделом социальной защиты. Однако по требованию лица, обратившегося за назначением или перерасчетом пенсии, нанимателя и других заинтересованных лиц (в том числе при несогласии с решением районного (городского) отдела социальной защиты) вопрос о назначении или перерасчете пенсии решается комиссией по назначению пенсий, образуемой районным (городским) исполнительным и распорядительным органом. Решение об отказе в назначении пенсии ввиду несоответствия условий, предусмотренных законодательством, во всех случаях принимается только комиссией по назначению пенсий. Решение органа, осуществляющего назначение и перерасчет пенсии, может быть обжаловано в вышестоящий орган социальной защиты. В случае несогласия лица, обратившегося за назначением или перерасчетом пенсии, работодателя и других заинтересованных лиц с принятым этим органом решением дело разрешается в судебном порядке.

Такие дела отнесены к компетенции суда в производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Так, согласно п. 5 ст. 335 ГПК суд рассматривает дела по жалобам на действия (бездействие) государственных органов и иных юридических лиц, а также организаций, не являющихся юридическими лицами, и должностных лиц, ущемляющих права граждан, а в случаях, предусмотренных актами законодательства, – и права юридических лиц.

Для данной категории дел согласно ст. 353 ГПК установлен внесудебный порядок обжалования, несоблюдение которого может привести к отказу в возбуждении дела на основании п. 2 ст. 246 ГПК.

Кроме того, действующее законодательство предусматривает взыскание с нанимателя ущерба за несвоевременность и неполноту оформления документов, необходимых для назначения и перерасчета пенсий, а также за недо-

стоверность содержащихся в них сведений согласно ст. 76 Закона. Законодательством устанавливается и ответственность пенсионера за нарушение норм пенсионного законодательства, например, по делам, связанным с взысканием с получателя пенсии сумм пенсий, излишне выплаченных пенсионеру вследствие злоупотребления с его стороны (ст. 93 Закона).

Проанализируем более подробно общие условия рассмотрения каждой вышеперечисленной категории дел в суде.

На основании постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. № 6 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с применением пенсионного законодательства» с последующими изменениями (далее постановление № 6) судами выделяются такие категории дел, связанные с применением пенсионного законодательства, как:

- об установлении фактов, имеющих юридическое значение, для назначения пенсии либо ее перерасчета.

На основании постановления № 6 суды вправе рассмотреть заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение для назначения пенсии либо ее перерасчета, до обращения за назначением пенсии либо за ее перерасчетом в случаях, если его установление не входит в компетенцию комиссии по назначению пенсий. К таким фактам, в частности, относятся: факт регистрации рождения, усыновления, брака, смерти; факт принадлежности правоустанавливающего документа; факт признания отцовства или факт отцовства. Данные дела, согласно ст. 361 ГПК, рассматриваются судом в порядке особого производства.

Необходимо отметить, что установление судом фактов возможно и при рассмотрении жалоб на решения комиссий по назначению пенсий, которые рассматриваются судами в порядке, предусмотренном ГПК для рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений.

Если решение комиссии основано на наличии или отсутствии факта, имеющего юридическое значение, спор о факте рассматривается по существу судом при разрешении жалобы. Например, установление факта участия в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

В настоящее время чаще всего судами рассматриваются дела об установлении фактов заработной платы за конкретный период в определенном размере. Так, в силу требований ч. 9 ст. 57 Закона размер заработка за период работы до 1 января 2003 г. подтверждается справкой, выдаваемой работодателем, а за период работы после 1 января 2003 г. – на основании сведений ин-

дивидуального (персонифицированного) учета. В случае прекращения деятельности работодателя справка о размере заработка выдается его правопреемником, архивом или органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в зависимости от того, где находятся на хранении бухгалтерские документы.

Причиной обращения граждан в суд является невозможность получения надлежащих документов, подтверждающих размер заработка во внесудебном порядке.

С 1 января 2003 г. вступил в силу на всей территории Республики Беларусь Закон от 6 января 1999 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования». Одной из целей учета согласно ст. 3 определено обеспечение достоверности сведений о страховом стаже застрахованного лица, выплатах (доходе), на которые начислены страховые взносы, и о страховых взносах.

Как правило, суды рассматривают в порядке особого производства требования заявителей об установлении факта получения зарплаты и за период работы после 1 января 2003 г., когда был введен персонифицированный учет.

Решением суда Октябрьского района г. Витебска, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Витебского областного суда, отказано в удовлетворении требований М. об установлении факта получения зарплаты за февраль–июль 2004 г., поскольку согласно базе данных персонифицированного учета период ее работы в указанное время не зачтен в стаж работы для назначения пенсии и за это время страховые взносы в ФСЗН не поступали.

Также в судебной практике есть случаи по рассмотрению требований заявителей об установлении факта получения зарплаты и за период только до декабря 2002 г.

Так, решением суда Московского района г. Минска установлен факт получения зарплаты Т. за период работы в ООО с января 1995 г. по декабрь 2002 г., хотя заявительница просила по май 2003 г., и обязательные страховые взносы в этот период уплачивались. В данном случае суд не учел, что введение индивидуального (персонифицированного) учета в систему государственного социального страхования не исключает разрешения по существу требований в полном объеме [1, с. 21–22];

- об обжаловании решения комиссии по назначению пенсий.

При принятии жалоб на решение комиссии по назначению пенсий суд должен во всех случа-

ях выяснять, обращался ли заявитель в вышестоящий орган социальной защиты, так как по данной категории дел предусмотрен предварительный внесудебный порядок обжалования решения комиссии по назначению пенсий.

В соответствии с п. 8 постановления № 6 при рассмотрении жалоб, связанных с правом на трудовую пенсию, следует учитывать, что с 1 сентября 1998 г. право на трудовую пенсию по возрасту, инвалидности и случаю потери кормильца имеют лица, которые в период работы либо занятия иными видами деятельности подлежали государственному социальному страхованию и за них, а также ими самими в предусмотренных законодательством о государственном социальном страховании случаях уплачивались страховые взносы.

На основе обобщения судебной практики Кеник К.И. делает выводы о том, что наиболее часто судами рассматриваются дела по жалобам лиц, которым отказано в назначении пенсии за выслугу лет в соответствии с законодательством о государственной службе.

Так П. обратилась в суд с жалобой на решение комиссии по назначению пенсий администрации Фрунзенского района г. Минска, отказавшей ей в назначении пенсии за выслугу лет.

При рассмотрении дела судом установлено, что П. работала в Национальном банке Республики Беларусь. 1 ноября 1990 г. ей была назначена пенсия по возрасту. После назначения пенсии она продолжала работать в Национальном банке Республики Беларусь, 31 мая 1994 г. уволена с работы в связи с выходом на пенсию по возрасту на основании ст. 32 Кодекса законов о труде Республики Беларусь (утратил силу 26 июля 1999 г. в связи с вступлением в силу Трудового кодекса Республики Беларусь).

В связи с принятием Закона о государственной службе, согласно которому действие данного Закона стало распространяться на лиц, которые занимают государственные должности в Национальном банке Республики Беларусь, П. обратилась в отдел социальной защиты о назначении ей пенсий за выслугу лет. Согласно поданному заявлению от 12 февраля 2004 г. пенсия П. по возрасту была переведена на пенсию за выслугу лет как служащей государственного аппарата, однако с 1 июня 2004 г. выплата данной пенсии была прекращена, поскольку она была назначена в нарушение ст. 54 Закона о государственной службе, при отсутствии двухлетнего стажа государственной службы после 1 марта 1994 г. После этой даты заявительница проработала только 3 месяца (с 1 марта по 31 мая 1994 г.).

При указанных обстоятельствах суд не удовлетворил требования заявителя [2, с. 37];

• о взыскании с нанимателя ущерба, причиненного несвоевременным и неполным оформлением документов, необходимых для назначения и перерасчета пенсии.

На основании ст. 76 Закона наниматели несут ответственность за своевременность, полноту оформления документов и достоверность содержащихся в них сведений. В связи с этим работодатели обязаны своевременно оформлять документы о стаже работы, заработке и результатах аттестации рабочих мест по условиям труда, необходимые для назначения пенсии, и своевременно представлять их в районные (городские) управления (отделы) по труду, занятости и социальной защите.

Необходимо обратить внимание, что наниматели несут материальную ответственность перед пенсионером за ущерб, причиненный несвоевременным и неполным оформлением документов, необходимых для назначения и перерасчета пенсии, которая может быть установлена как в административном, так и судебном порядке.

При этом, разрешая иски о возмещении материального ущерба, причиненного несвоевременным и неполным оформлением документов, необходимых для назначения и перерасчета пенсии, а также представлением документов, содержащих недостоверные сведения, судам необходимо выяснять, имеется ли вина нанимателей в его причинении. Под виной нанимателей следует понимать вину должностных лиц, на которых возложена обязанность по подготовке и оформлению необходимых для назначения пенсии документов, а если такие лица не назначены – вину руководителей юридических лиц.

Ж. обратилась в суд с иском к ОАО «Витебский приборостроительный завод» о возмещении ущерба, причиненного несвоевременным и неполным представлением в отдел социальной защиты документов о назначении пенсии. В заявлении указала, что работала у ответчика пресовщицом горячей штамповки. Право на пенсию за работу с особыми условиями труда у нее возникло в 2003 г., однако в связи с неполным представлением документов в назначении пенсии было отказано. Пенсия была ей назначена на основании решения суда Железнодорожного района г. Витебска от 15 мая 2008 г. В результате ею не получена пенсия за период с 12 декабря 2003 г. по 26 мая 2008 г. на сумму 12780450 руб., которые просила взыскать с ответчика.

Решением суда Октябрьского района г. Витебска исковые требования Ж. удовлетворены. При рассмотрении дела установлено, что

в 2004 г. она обращалась к администрации ОАО «Витебский приборостроительный завод» по поводу назначения ей льготной пенсии, однако ей было отказано в представлении документов в отдел социальной защиты.

В последующем при обращении истицы в суд Железнодорожного района г. Витебска с жалобой на решение комиссии по назначению пенсий суд решением от 15 мая 2008 г. обязал отдел социальной защиты назначить Ж. пенсию в соответствии со Списком № 1, утвержденным постановлением Совета Министров СССР № 1173 от 28 августа 1956 г. «Об утверждении списков производств, цехов, профессий и должностей, работа в которых дает право на государственную пенсию на льготных условиях и льготных размерах», в связи с выполнением ею работы по профессии «прессовщик по горячей штамповке» в период с 1 января 1977 г. по 1 июля 1983 г. Пенсия назначена и выплачивается с 27 мая 2008 г.

В связи с изложенным суд взыскал с нанятого 12780450 руб., определив размер ущерба в сумме недополученной пенсии за период с 12 декабря 2003 г. по 26 мая 2008 г. [3, с. 36];

- о взыскании с получателя пенсии сумм пенсий, излишне выплаченных пенсионеру вследствие злоупотреблений с его стороны.

Согласно п. 12 постановления № 6 взыскание сумм пенсий, излишне выплаченных пенсионеру вследствие злоупотреблений с его стороны (в результате представления документов с заведомо неправильными сведениями, сокрытия факта работы и т.п.), может производиться путем удержаний из пенсии на основании решения комиссии по назначению пенсий. Вместе с тем такой порядок взыскания излишне выплаченных сумм не исключает возможности предъявления органами социальной защиты исков в суде, если ими будет признано необходимым обращение взыскания не только на пенсию, но и на имущество должника. Суду подведомственны такие иски и в тех случаях, когда пенсия назначена другими органами.

Суммы пенсий, излишне полученные пенсионером согласно ст. 93 Закона о пенсионном обеспечении, подлежат взысканию в доход государства за все время, в течение которого они выплачивались, если иск был заявлен в пределах срока исковой давности, установленного Гражданским кодексом Республики Беларусь.

Кроме того, необходимо отметить, что в зависимости от субъектного состава сторон взыскание излишне выплаченных сумм пенсий может производиться в порядке гражданского и хозяйственного производства.

Решением Хозяйственного суда Брестской области от 24 июня 2009 (№ 329-2/2009) удовлетворены требования управления по труду, занятости и социальной защите райисполкома к УО «Государственный профессионально-технический колледж» о взыскании 1665300 руб. неосновательного обогащения.

В ходе судебного заседания было установлено, что с 24.04.2000 управлением по труду, занятости и социальной защите райисполкома Петровой П.П. на ее дочь Иванову И.И. была назначена пенсия по случаю потери кормильца за умершего отца Иванова И.А. Пенсия выплачивалась матери до совершеннолетия дочери, а с 01.09.2005 пенсия выплачивалась самой Ивановой И.И., поскольку она с 01.09.2005 является студенткой УО «Государственный профессионально-технический колледж». Согласно ст. 35 Закона выплата пенсии по случаю потери кормильца на детей старше 18 лет контролируется два раза в год – на 1 февраля и на 1 сентября на основании справок, выданных учебными заведениями.

Колледж 10.01.2008 выдал Ивановой И.И. справку о том, что она является студенткой дневного отделения с 01.09.2006 по 30.06.2008. На основании этой справки управлением по труду, занятости и социальной защите Ивановой И.И. продлевалась выплата пенсии с 01.02.2008 по 30.06.2008 в полном размере. По состоянию на 01.09.2008 была предоставлена справка от 18.08.2008 № 430, в которой было указано, что Иванова И.И. находилась в декретном отпуске по беременности и родам с 19.11.2007 по 23.03.2008, а с 24.03.2008 по 27.01.2011 ей предоставлен отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет. Согласно этой последней справке и выявилась переплата пенсии за указанный период в сумме 1654850 рублей, поскольку за время нахождения в отпуске по беременности и родам, а также в отпуске по уходу за ребенком до достижения им 3 лет пенсия по случаю потери кормильца не выплачивается.

В ст. 6 указанного Закона определено, что лицам по их выбору могут назначить либо пенсию, либо причитающееся им государственное ежемесячное пособие.

В соответствии со ст. 76 Закона именно работодатели и иные приравненные к ним учреждения несут ответственность за своевременность и полноту оформления документов и достоверность содержащихся в них сведений.

Суд установил, что произошла переплата пенсии по случаю потери кормильца учащейся Ивановой И.И. из-за отсутствия в справке, выданной ответчиком, всех необходимых сведений [4].

Заключение. Исходя из вышесказанного и с учетом норм, закрепленных в ГПК, можно сделать вывод, что в гражданском процессуальном праве сложилось традиционное разграничение категории дел, возникающих из пенсионного законодательства:

- об установлении фактов, имеющих юридическое значение, для назначения пенсии либо ее перерасчета;

- об обжаловании решения комиссии по назначению пенсий;

- о взыскании с нанимателя ущерба, причиненного несвоевременным и неполным оформлением документов, необходимых для назначения и перерасчета пенсии;

- о взыскании с получателя пенсии сумм пенсий, излишне выплаченных пенсионеру вследствие злоупотреблений с его стороны.

При этом дела по установлению юридических фактов, обжалование решений комиссий по назначению пенсий, по вине которых были неправильно установлены какие-либо факты, если

заинтересованными лицами выступают граждане, то согласно ст. 37 ГПК они рассматриваются по правилу гражданского судопроизводства в различных его видах. В порядке же хозяйственного судопроизводства рассматриваются дела о взыскании неосновательных выплат пенсий по вине юридических лиц в исковом производстве. Это требует учета процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения каждой из указанных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Практика рассмотрения судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2013. – № 3. – С. 20–30.
2. Кеник, К. Практика рассмотрения судами споров, связанных с применением пенсионного законодательства / К. Кеник // Судовы веснік. – 2012. – № 3. – С. 31–38.
3. Кеник, К. Практика рассмотрения судами споров, связанных с применением пенсионного законодательства / К. Кеник // Отдел кадров. – 2013. – № 5. – С. 24–36.
4. Решение хозяйственного суда Брестской области от 24 июня 2009 г. № 329-2/2009 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

Поступила в редакцию 23.09.2015 г.

Экономическая диагностика инновационно-инвестиционного потенциала Витебской области

Трацевская Л.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

В настоящее время конкурентоспособность как национальной, так и региональных экономик Республики Беларусь во многом определяется их инновационно-инвестиционными возможностями.

Цель данной статьи – исследование современного состояния инновационно-инвестиционного потенциала Витебской области и основных направлений его развития.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых-экономистов, статистические данные, характеризующие инновационную и инвестиционную активность участников экономики Витебской области. В качестве основных методов исследования использовались логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Переход к устойчивому развитию – ключевая социально-экономическая задача суверенной Беларуси. Важную роль в этом процессе призваны сыграть все ее регионы, в том числе и Витебская область. В настоящее время устойчивое развитие экономики данного региона напрямую связано с состоянием и дальнейшим развитием его инновационно-инвестиционного потенциала. Витебщина располагает для этого такими преимуществами, формирующими ее инвестиционную привлекательность, как выгодное геополитическое положение, развитые промышленный и агропромышленный комплексы, значительная культурно-историческая и природно-ресурсная база для успешного функционирования различных видов туризма (событийного, познавательного, религиозного, экологического, оздоровительного и др.). В связи с этим очень важно предпринимать усилия по расширению и наращиванию социально-экономических возможностей региона, проводить эффективную инновационно-инвестиционную политику, своевременно решать возникающие проблемы, стимулировать восприимчивость участников региональной экономики к инновациям.

Заключение. Витебская область располагает достаточным инновационным и инвестиционным потенциалом, позволяющим ее экономике устойчиво развиваться. Особую роль в этом призвана играть и играет проводимая в регионе инновационно-инвестиционная политика, которая нашла отражение в Программе инновационного и инвестиционного развития Витебской области на 2011–2015 гг. Последовательная реализация основных мероприятий программы будет способствовать дальнейшему положительному позиционированию региона как территории, выгодной для инновационной и инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: регион, инновационно-инвестиционный потенциал, направления развития.

Economic Diagnostics of Innovation and Investment Potential of Vitebsk Region

Tratsevskaya L.F.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

At present compatibility of both national and regional economies in the Republic of Belarus is determined to a great extent by their innovation and investment possibilities.

The aim of the article is study of the contemporary status of the investment and innovation potential of Vitebsk Region and basic directions of its development.

Material and methods. The material was works by home economy scientists, statistical data which characterize the innovation and investment activity of the participants of Vitebsk Region economy. As basic research methods, the logical and deductive, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis were used.

Findings and their discussion. Transition to sustainable development is a key social and economical task of sovereign Belarus. An important role in this process is played by all its Regions, Vitebsk Region including. At present sustainable development of the Region economy is directly connected with the status and further development of its innovation and investment potential. Vitebsk Region possesses such advantages for it, which shape its investment attraction, as beneficial geopolitical location, developed industrial and agricultural complexes, considerable cultural and historical as well as natural and resource base for successful functioning of different types of tourism (event, information, religious, ecological, health etc.). In this connection, it is important to take steps on expansion and increase of social and economic possibilities of the Region, conduct efficient innovation and investment policy, timely solve the arising problems, stimulate the participants' of the Region economy acceptability of innovations.

Conclusion. Vitebsk Region possesses sufficient innovation and investment potential which allows its economy to sustainably develop. Special role is played here by the ongoing innovation and investment policy in the Region which is reflected in the Innovation and Investment Program of Vitebsk Region Development for the Years of 2011–2015. Step by step implementation of its basic items will promote further positive position of the Region as the territory which is beneficial for innovation and investment activities.

Key words: region, innovation and investment potential, development directions.

В современных социально-экономических условиях важнейшей приоритетной тенденцией развития экономики как на общенациональном, так и на региональном уровне является формирование инновационно-инвестиционного потенциала, способного обеспечить ее устойчивое функционирование. Следствием перехода на инновационный путь развития являются серьезные инновационные преобразования, которые ведут к повышению инновационной активности как решающего фактора роста эффективности и конкурентоспособности экономической деятельности.

Проблема инноватизации региональной экономики, в том числе и экономики Витебской области, имеет свои принципиальные особенности, связанные с субъектами инновационно-инвестиционной деятельности региона. В первую очередь, среди них следует выделить промышленные предприятия, осуществляющие хозяйственную деятельность и развивающиеся на основе природно-ресурсного потенциала области. Это небольшие, имеющие замкнутый технологический цикл, относительно независимые от других регионов, производства. К ним относятся в основном предприятия местной промышленности и промышленности строительных материалов, часть предприятий легкой промышленности. Отличительной особенностью данных предприятий является недостаточно высокий технический и научно-технологический уровень, что делает их продукцию неконкурентоспособной на внешнем рынке вследствие низкого качества и примитивного товарного вида. На этих предприятиях незначителен удельный вес научно-технических кадров, велика доля ручного труда, технологическое оборудование и используемые технологии морально и физически устарели. Вследствие этого себестоимость продукции, производимой здесь, очень высока. Однако существование и функционирование таких предприятий для экономики Витебской области крайне необходимо. Именно на них возможны максимальное использование местных ресурсов, внедрение импортозамещающих и безотходных технологий и производств, развитие экспортного потенциала, трудоустройство большинства проживающего в местах их расположения населения. Поэтому реконструкция и техническое перевооружение этих предприятий, освоение на них современных технологий являются важной задачей региональной промышленной и инновационно-инвестиционной политики.

Следующая группа хозяйствующих субъектов – предприятия, использующие импортное сы-

рье и развивающиеся благодаря выгодному географическому положению региона. Их локализация обеспечивает удобный выход на внешний рынок сбыта готовой продукции (Польша, страны Балтии, Украина, Россия). К данной группе можно отнести предприятия электроэнергетики, легкой, химической и нефтеперерабатывающей промышленности. Это крупные, узкоспециализированные современные отраслеобразующие производства, хорошо технически оснащенные.

Третья группа предприятий представлена предприятиями машиностроения и металлообработки. Это мощные современные производства, обладающие высоким научно-техническим потенциалом, который в настоящее время практически исчерпан: оборудование многих из них физически и морально устарело, имеет место существенная нехватка высококвалифицированного и опытного персонала. В силу обозначенных причин многие предприятия данной группы испытывают трудности в освоении выпуска новой конкурентоспособной продукции.

Исходя из вышеобозначенного очевидно, что без активизации инновационной деятельности и создания реальных предпосылок формирования и развития современного инновационно-инвестиционного потенциала устойчивое функционирование экономики Витебской области невозможно.

Таким образом, цель настоящей статьи состоит в изучении современного состояния инновационно-инвестиционного потенциала Витебщины и важнейших направлений его развития.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых-экономистов, статистические данные, характеризующие инновационную и инвестиционную активность участников экономики Витебской области. В качестве основных методов исследования использовались логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Витебская область, имея выгодное экономико-географическое и геополитическое положение, не может не формировать положительного имиджа в глазах потенциальных инвесторов. Кроме того, важную роль в этом играет, по нашему мнению, создание в Республике Беларусь благоприятного инвестиционного климата. В стране имеется развитое инвестиционное законодательство, направленное на стимулирование инвестиционной деятельности, ее государственную поддержку, а также защиту прав инвесторов на территории республики, действует Консультативный Совет по иностранным инвестициям, возглавляемый премьер-

министром, функционирует 6 свободных экономических зон с преференциальными условиями деятельности.

Что же касается Витебщины, то, как показало исследование, финансирование реализуемых здесь инновационно-инвестиционных проектов осуществляется в рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь, отраслевых программ министерств и концернов, региональной научно-технической программы и инвестиционных договоров. При этом важнейшая роль в обеспечении реализации национальной Государственной программы инновационного развития и в формировании эффективной инновационной, динамично развивающейся социально ориентированной региональной экономики принадлежит Программе инновационного и инвестиционного развития Витебской области на 2011–2015 гг. [1].

В соответствии с данной Программой приоритетными направлениями региональной инвестиционной политики являются:

- развитие производственной сферы с реализацией инвестиционных проектов с высокой долей наукоемких и ресурсосберегающих технологий, экспортоориентированных и импортозамещающих производств;
- реконструкция и модернизация предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, обновление парка сельскохозяйственных машин;
- оказание содействия иностранным инвесторам в организации новых предприятий и производств;
- развитие малого предпринимательства; вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемого имущества, находящегося в коммунальной собственности Витебской области.

В этих целях в регионе созданы и совершенствуются условия, способствующие улучшению инвестиционного климата и притоку инвестиций в те сектора и отрасли экономики, развитие которых обеспечивает рациональную занятость населения, повышение конкурентоспособности региональных экономических комплексов, формирование достаточной налогооблагаемой базы, позволяющей содержать и развивать объекты региональной инфраструктуры.

Как показало исследование, во исполнение обозначенных направлений объем средств, ежегодно направляемых в Витебской области на инвестиции, составляет порядка 20 трлн рублей, из них на модернизацию производств направляется более 7 трлн [1]. Удельный вес бюджетных средств в объеме инвестиций составляет около 20%, доля

собственных средств организаций – 50%, заемных средств (без кредитов иностранных банков) – 14%, средств населения – 6%, иностранных источников – 7% [1]. Наиболее привлекательными для инвесторов являются такие сферы деятельности, как транспорт и логистика, энергетика, строительство и производство строительных материалов, сельское хозяйство, производство продуктов питания, торговля, фармацевтика. При этом особую значимость имеет инвестирование в модернизацию производства: удельный вес затрат на приобретение машин, оборудования и транспортных средств составляет более 30% в общем объеме инвестиций, вкладываемых в основной капитал [1].

Важную роль в осуществлении региональной инновационно-инвестиционной политики играет активизация привлечения иностранных инвестиций. Особое место в ее реализации принадлежит свободной экономической зоне «Витебск» (СЭЗ «Витебск»). Целью создания региональной СЭЗ являлось привлечение отечественных и иностранных инвестиций для организации и развития производств, основанных на новых и высоких технологиях, открытия дополнительных рабочих мест, обеспечения благоприятных условий для развития экономического потенциала Витебской области. С 1 мая 2004 г. СЭЗ «Витебск» находится в непосредственной близости от границ Евросоюза, что позволяет ей стать своего рода плацдармом в плане освоения перспективных рынков товаров и услуг России, стран СНГ и Балтии, скандинавских стран.

В настоящее время на территории СЭЗ «Витебск» зарегистрированы в качестве резидентов более 60 организаций, созданных с участием инвесторов из 10 стран мира (Германии, Польши, США, Чехии, России, Великобритании, Болгарии, Латвии, Литвы и Беларуси) [2]. Резиденты зоны – небольшие компании с количеством работающих до 100 человек. Действующими являются более 70% от числа зарегистрированных. Существующий здесь особый режим таможенного и налогового регулирования позволяет снизить финансовую нагрузку на резидентов на 30–40%. При ввозе на территорию зоны сырья, материалов и комплектующих таможенные платежи не взимаются. Кроме того, на иностранных инвесторов в СЭЗ «Витебск» распространяется система государственных гарантий охраны инвестиций, предусмотренная законодательством Республики Беларусь.

С целью дальнейшего развития СЭЗ «Витебск» как эффективного инструмента осуществления инвестиционной стратегии Витебской области в качестве одного из приоритетных направлений могут рассматривать-

ся инвестиционные программы по развитию здесь туристско-рекреационной инфраструктуры. Приоритет ее развития в регионе определяется наличием значительного количества объектов, притягательных для активной туристической деятельности. В связи с этим основными направлениями привлечения отечественных и иностранных инвестиций в данную сферу могут выступать: познавательное направление, использующее имеющийся историко-культурный потенциал Витебской области; экологическое направление, ориентированное на использование уникальных природных комплексов и объектов региона; аграрное направление (сельская рекреация), использующее специфику локальных историко-этнографических районов региона; спортивно-оздоровительное, использующее природные ландшафты и акватории Браславской, Лепельской и Ушачской групп озер, а также озера Плисса Глубокского района.

В качестве основных способов реализации обозначенных приоритетных направлений можно считать:

- разгосударствление и приватизацию организаций туристической и гостиничной сферы, продажу контрольных пакетов акций акционированных организаций на инвестиционном конкурсе;
- заключение долгосрочных контрактов на доверительное управление объектами гостиничного хозяйства с обязательствами по финансированию их реконструкции;
- сдачу гостиничных и туристических комплексов в аренду, создание совместных предприятий;
- привлечение на конкурсной основе известных в международном гостиничном бизнесе компаний по управлению отелями в качестве компаний-операторов;
- регистрацию в качестве резидентов СЭЗ «Витебск» субъектов хозяйствования, осуществляющих туристско-рекреационную деятельность.

Проведение данных мероприятий будет способствовать не только формированию своеобразного облика СЭЗ «Витебск» и расширению внешнеэкономических связей Витебской области, но отработке и совершенствованию механизма реализации в данном регионе успешной инвестиционной стратегии.

Кроме того, в рамках Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» местными органами власти Витебской области проводится целенаправленная работа по при-

влечению иностранных инвесторов для реализации проектов на территории региона. Витебским облисполкомом заключено 164 инвестиционных договора на общую сумму около 22,5 трлн рублей (сроки реализации – до 2020 г.). Завершена реализация 45 договоров, по которым освоено около 1,5 трлн рублей, создано более 2000 новых рабочих мест [1]. Так, за счет инвестиций Норвегии построены установки для получения свалочного газа на полигонах в Витебском районе, Орше и Полоцком районе, Чехии – завод по производству топливных гранул в Лиозно, Великобритании – завод по производству пищевой тары из полистерола, Италии – завод по выпуску рукавов высокого давления. С помощью украинских инвестиций ведется модернизация Оршанского авиаремонтного завода. Российские инвестиции присутствуют в строительстве предприятия по производству трубопроводной арматуры и завода по выпуску нестандартных металлоконструкций в Полоцком районе, молочно-товарных ферм в Городокском районе, торговых центров в Витебске, Орше и Полоцке, оздоровительных комплексов в Глубокском, Миорском и Браславском районах, объектов придорожного сервиса в Верхнедвинском районе. Кроме того, среди наиболее крупных инвестиционных проектов с участием иностранного капитала следует отметить строительство Полоцкой и Витебской ГЭС, по которым предполагается привлечь около 250 млн долларов США [1].

Что же касается наиболее значимых сфер приложения отечественных инвестиций, то на условиях частного и государственного партнерства планируется реализация проектов по строительству Бешенковичской и Верхнедвинской ГЭС, начата реализация проекта по возведению в Миорском районе завода по производству металлического листа и белой жести мощностью до 200 тыс. тонн в год. На аналогичных условиях возможна реализация проекта по строительству мусороперерабатывающего завода под Витебском, создание мусоросжигающего предприятия в Новополоцке, активизация проектов по созданию биогазовых установок, установки фотогальванических элементов, производства тепловых насосов.

По территории области проходят транспортные артерии, связывающие с Европой наиболее крупные и развитые экономические регионы России. Это два европейских транспортных коридора: Критский № 2 (Берлин–Варшава–Минск–Москва), Критский № 9 (Хельсинки–Санкт-Петербург–Киев–Кишинев–Бухарест). Такие крупные экономические центры, как Москва,

Санкт-Петербург, Киев, Варшава, Вильнюс, Рига, находятся на расстоянии 400–800 км от областного центра, удаленность от морского порта Клайпеды составляет 400 км [3]. Железнодорожные узлы Витебска и Орши имеют международное значение. В данных городах расположены аэропорты, обеспечивающие возможность организации грузовых и пассажирских авиаперевозок. Аэропорт «Витебск» категории IV «В» имеет разрешительный документ на эксплуатацию в ограниченных метеорологических условиях и способен принимать все типы современных авиалайнеров (Ил-76, Ту-154, В-737-800, В-757-200, А-310-200 и др.). Аэропорт на территории ОАО «Оршанский авиаремонтный завод» имеет класс «Б», что позволяет принимать воздушные суда в дневное время. По территории области проходит оптоволоконная линия от Орши до Берлина, газопровод Ямал–Европа. Значимость географического положения области повысилась в связи с наращиванием грузопотоков Россия–Калининградская область России. Обозначенные обстоятельства свидетельствуют о значительных логистических возможностях Витебщины [4].

Вследствие этого значимым для дальнейшего укрепления инновационно-инвестиционного потенциала региона является развитие транспортно-логистического комплекса в районе поселка Болбасово в целях вовлечения в экономический оборот аэродрома «Орша», а также возможностей оршанского железнодорожного и автомобильного транспортных узлов. Кроме того, учитывая преимущества географического местоположения Витебского транспортного коридора, на базе аэродрома «Витебск» предполагается реализация инвестиционного проекта по строительству терминалов для размещения, обслуживания и дозаправки самолетов малой авиации.

Инновационному развитию Витебской области в значительной мере способствуют наличие достаточно развитого научно-исследовательского потенциала и системы подготовки кадров, отвечающих структуре социально-экономического комплекса. Так, в настоящее время в регионе функционируют около 30 организаций, выполняющих научные исследования и разработки. Среди них 5 учреждений НАН Беларуси, республиканское унитарное предприятие «Белорусский проектный институт», 3 конструкторских и проектно-конструкторских бюро, 11 исследовательских и конструкторских подразделений промышленных организаций, 5 государственных учреждений, обеспечивающих получение высшего образования и ведущих активную научно-исследовательскую деятельность [1].

По широкому спектру направлений создана многоуровневая система подготовки как кадров рабочих специальностей, так и специалистов высшего звена в таких важных сферах деятельности, как ветеринария, швейная, текстильная, обувная промышленность, машиностроение, станкостроение, приборостроение, нефтехимия, энергетика, строительство, информационные технологии, медицина. Ряд региональных учреждений, обеспечивающих подготовку специалистов с высшим образованием, конкурентоспособен на международном рынке образовательных услуг.

На территории Витебской области осуществляют свою деятельность два научно-технологических парка: на базе УО «Витебский государственный технологический университет» и УО «Полоцкий государственный университет».

В ходе исследования удалось установить, что около 70 предприятий региональной промышленности – инновационно активны, то есть осуществляют затраты на технологические инновации (внедрение продукции или услуг, являющихся новыми или значительно улучшенными в части свойств или способов использования, применение нового или значительно улучшенного способа производства). Удельный вес таких предприятий составляет в региональном промышленном комплексе более 30%.

Наибольшее число инновационно активных предприятий (около 65%) осуществляет такие виды инновационной деятельности, как приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, производственное проектирование и другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрение новых услуг и методов их производства (более 40% предприятий, осуществляющих инновации). Исследованием и разработкой новых продуктов, услуг и новых производственных процессов занимаются 30% инновационно активных предприятий.

Таким образом, среди регионов Беларуси Витебская область занимает лидирующие позиции по удельному весу отгруженной инновационной продукции, который составляет более 30%. Наибольшая доля такой продукции приходится на предприятия, основным видом экономической деятельности которых является производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (более 70%). Инновационная продукция, произведенная предприятиями Витебской области, пользуется спросом не только у белорусских потребителей: за пределы Республики Беларусь поставляется более 40% общего объема инновационной продукции. В анализируемом периоде в страны СНГ отгружено инновационной продукции на сумму

3,8 трлн рублей (40% общего объема отгруженной на внешний рынок инновационной продукции), в том числе в Российскую Федерацию – 3,1 трлн рублей. В страны вне СНГ экспортировано инновационной продукции на 6 трлн рублей. В экспорте инновационной продукции более 80% занимает продукция предприятий по производству кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, около 7% – производство пищевых продуктов, 3% – продукция химической промышленности [5].

Дальнейшая реализация основных направлений региональной инновационно-инвестиционной политики позволит не только повысить социально-экономический потенциал Витебской области, но и создать достаточно весомые предпосылки для ее устойчивого развития.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить, что Витебская область располагает достаточным инновационным и инвестиционным потенциалом, позволяющим ее экономике устойчиво развиваться. Особую роль в его наращивании играет привлекательный для потенциальных инвесторов имидж региона. Постепенно вырисовывается концепция, в рамках которой разрабатываются мероприятия, направленные на положительное позиционирование Витебской области и популяризацию ее как у отечественных, так и иностранных инвесто-

ров. Особую роль в этом призвана играть и играет проводимая в регионе инновационно-инвестиционная политика. Все это, без сомнения, позволяет судить о Витебщине как о привлекательном, безопасном и, что самое главное, перспективном и выгодном для инновационной и инвестиционной деятельности регионе, предпочтение которому уже сейчас отдают инвесторы многих стран мира, что способствует осуществлению в данном регионе эффективной инвестиционной стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витебская область: регион больших возможностей. Витебск: ОДО «Дивимакс», 2015. – 90 с.
2. Tracevskaya, L.F. Role of image of the region in its realization investment strategy / L.F. Tracevskaya // Development of Scientific Thought in the 21 st Century: Problems and Perspectives: Composition of articles of The Second International Scientific – Practical Conference, Riga, Latvia, April 10, 2013. – Riga: Science Support Center SIA, 2013. – P. 13–15.
3. Решетников, Д.Г. География туризма Республики Беларусь: учеб.-метод. пособие / Д.Г. Решетников. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 2011. – 320 с.
4. Трацевская, Л.Ф. Социально-экономический потенциал и проблемы устойчивого развития Витебской области / Л.Ф. Трацевская // Право. Экономика. Психология. – 2015. – № 2. – С. 15–24.
5. Регионы Республики Беларусь. 2014: стат. сб. Т. 1 «Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 20.11.2015.

Поступила в редакцию 23.11.2015 г.

УДК 336.71:658.15(476.5)

Проблемы обеспечения конкурентоспособности банков при осуществлении проектного финансирования

Дём О.Д., Салашенко Ю.И.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

В условиях высокой инфляции для коммерческих банков становится затруднительным осуществлять долгосрочное кредитование субъектов хозяйствования, поскольку ухудшаются условия предоставления кредитов, падает спрос. Изменить ситуацию в лучшую сторону возможно за счет совершенствования механизма управления инвестициями и, прежде всего, инвестиционными проектами предприятий. В этой связи на первый план выходят вопросы экономического анализа и оценки эффективности инвестиционных проектов. Для того чтобы руководство банка могло принять обоснованные управленческие решения по проектному финансированию, необходимы научно-методологические разработки, точно оценивающие их эффективность. Это позволит снизить высокий риск для банков, связанный, в первую очередь, с невозвратом кредитов.

Цель статьи – разработать теоретические и методические основы взаимодействия банков и промышленных предприятий при реализации инвестиционных проектов для снижения рисков невозврата кредитов и повышения конкурентоспособности банков.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные коммерческого банка и промышленных предприятий г. Витебска, электронные информационные ресурсы, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, обзор журнальных статей по данной теме. Основные методы исследования: сравнение, группировка, горизонтальный и вертикальный анализ.

Результаты и их обсуждение. В статье показана необходимость улучшения взаимоотношений предприятий и банков при осуществлении проектного финансирования. Авторы предлагают собственную методику оценки инвестиционных проектов, в которой выделены финансовая и нефинансовая составляющие. Определены основы выбора направлений и условий кредитования инвестиционных проектов, а также критерии управления их рисками и ресурсами. Методика апробирована на 3 конкретных проектах и подтвердила свою значимость в повышении конкурентоспособности коммерческих банков.

Заключение. В соответствии с предлагаемыми подходами к оценке проектов можно также актуализировать существующие методики. Благодаря этому снизятся кредитный и процентный риски и, как следствие, повысится конкурентоспособность коммерческого банка.

Ключевые слова: конкурентоспособность банков, проектное финансирование, эффективная ставка, стоп-факторы, финансовая и нефинансовая составляющие, эффективная процентная ставка, диверсификация кредитного портфеля.

Issues of Competitiveness of Banks while Implementing Project Financing

Dziom V.D., Salashenka Yu.I.

Educational Establishment “Vitebsk State Technological University”

In the conditions of high rate inflation it becomes hard for commercial banks to perform long term lending to economy subjects since loan conditions get worse, demand is low. The situation can be improved by improvement of the mechanism of investment management and, first of all, investment projects of companies. Hence, issues of economical analysis and assessment of the efficiency of investment projects which come out onto the foreground. Bank administration can take grounded decisions on project financing if scientific and methodological development is available which assesses its efficiency accurately. This will make it possible for banks to reduce high risk connected first of all with non returned borrowings.

The aim is to develop theoretical and methodological bases for interaction of banks and industrial enterprises while implementing investment projects to reduce loan non-payment risks and increase bank competitiveness.

Material and methods. The research material was statistics of a commercial bank and industrial enterprises of the City of Vitebsk, e-information resources presented by the National Statistic Committee of the Republic of Belarus, revision of journal articles on the topic. The main methods are comparison, grouping, horizontal and vertical analysis.

Findings and their discussion. The necessity of improvement of the relations between companies and banks while project financing, is identified in the article. The authors offer their own methods of investment project assessment in which a financial and a non-financial components are singled out. Basics of direction and condition of investment project crediting choice are identified as well as criteria of their risk and resources management. The methods were tested on three projects and confirmed their significance in the increase of commercial banks' competitiveness.

Conclusion. According to the offered approaches to project assessment the existing methods can also be actualized. Thanks to this approach credit and interest risks will reduce and, consequently, competitiveness of a commercial bank will increase.

Key words: bank competitiveness, project financing, efficient interest rate, stop-factors, financial and non-financial components, diversification of the credit portfolio.

В условиях высокой инфляции для коммерческих банков становится затруднительным осуществлять долгосрочное кредитование субъектов хозяйствования, поскольку возрастают риски, ухудшаются условия предоставления кредитов, падает спрос. Вместе с тем привлечение инвестиций в реальный сектор экономики превращается в один из наиболее важных факторов, определяющих экономический рост и повышение конкурентоспособности всей национальной экономики. Инвестиции в основной капитал в январе–октябре 2015 года по сравнению с январем–октябрем 2014 года в сопоставимых ценах снизились на 14,1% (годом ранее – на 10,4%), при этом инвестиции в строительно-монтажные работы уменьшились на 8%, а затраты на приобретение машин, оборудования и транспортных средств снизились на 25,1%. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП за этот же период составила 22,8%,

тогда как в январе–октябре 2014 года – 26,2% [1]. Изменить ситуацию в лучшую сторону возможно за счет совершенствования механизма управления инвестициями и, прежде всего, инвестиционными проектами предприятий. В этой связи на первый план выходят вопросы экономического анализа и оценки эффективности инвестиционных проектов. Для того чтобы руководство банка могло принять обоснованные управленческие решения по проектному финансированию, необходимы научно-методологические разработки, точно оценивающие их эффективность. Это позволит снизить высокий риск для банков, связанный, в первую очередь, с невозвратом кредитов. В настоящее время проблема состоит в том, что одновременно со снижением доли инвестиций в основной капитал в ВВП возросла доля проблемных кредитов в банковском портфеле до 11%, что отрицательно сказывается на конкурентоспособности коммерческих банков.

Текущие условия функционирования банковской системы Республики Беларусь и проводимая Национальным банком Республики Беларусь политика направлены на обеспечение национальной безопасности, что делает актуальной проблему повышения конкурентоспособности коммерческих банков. Перед банковской системой поставлена сложная задача, которая заключается в необходимости переориентации аккумулируемых в ней ресурсов от спекулятивных операций на финансовых рынках к расширению взаимоотношений с предприятиями. Это будет способствовать оздоровлению реального сектора экономики и создаст основу для развития и повышения конкурентоспособности самой банковской системы.

Целью исследования является разработка теоретических и методических основ взаимодействия банков и промышленных предприятий при реализации инвестиционных проектов для снижения рисков невозврата кредитов, а также апробация разработанной методики оценки инвестиционных проектов в коммерческом банке. В соответствии с поставленной целью потребовалось решение следующих задач:

- определить сущность банковского проектного финансирования (далее ПФ);
- дать характеристику механизма взаимодействия промышленных предприятий и банков при финансировании инвестиционных проектов;
- исследовать взаимодействие кредитных организаций и предприятий как субъектов рыночной экономики при реализации инвестиционных проектов;
- разработать и апробировать собственную методику анализа инвестиционных проектов предприятий промышленности по 3 организациям.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные коммерческого банка и промышленных предприятий г. Витебска, электронные информационные ресурсы, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, обзор журнальных статей по данной теме. Основные методы исследования: сравнение, группировка, горизонтальный и вертикальный анализ.

Результаты и их обсуждение. Банковское проектное финансирование – это инструмент реализации долгосрочных инвестиционных проектов, направленных на модернизацию и развитие производственной базы экономики. В научной литературе не существует единого понятия «проектное финансирование». Наиболее актуальное и полное определение дано Э.Р. Йескомба – это метод привлечения долгосрочного заемного финансирования для крупных проектов посредством «финансового инжиниринга», основанный на займе

под денежный поток, создаваемый только самим проектом; он зависит от детальной оценки создания проекта, операционных рисков и рисков дохода и их распределения между инвесторами, заимодавцами и другими участниками на основании контрактов и других договорных соглашений [2, с. 11].

Проектное финансирование можно рассматривать в широком и узком значении. В широком смысле понятие используется как способ мобилизации различных источников финансирования и комплексного использования разных методов финансирования инвестиционных проектов; другими словами, «финансирование проектов». Узкое понятие ПФ как способа кредитования инвестиционных проектов означает, что главным источником возврата средств являются генерируемые самим проектом денежные потоки, при этом основными кредиторами таких проектов выступают коммерческие банки. В ряде случаев возможно не прямое кредитование через выкуп выпускаемых проектной компанией ценных бумаг, например, акций или облигаций.

Следует подчеркнуть, что основу эффективной системы банковского инвестиционного кредитования составляют следующие управляющие элементы:

- методические основы выбора направлений кредитования инвестиционных проектов;
- методические основы формирования условий кредитования инвестиционных проектов;
- методические основы управления рисками в системе банковского кредитования инвестиционных проектов;
- методические основы рационального распределения финансовых ресурсов в процессе банковского кредитования инвестиционных проектов.

Отметим, что два первых элемента относятся к стратегической подсистеме, последний элемент – к оперативной (тактической) подсистеме. Вопрос управления рисками в системе банковского кредитования инвестиционных проектов следует рассматривать как в стратегическом, так и в тактическом аспекте. На сегодняшний момент ПФ существует практически в методологическом вакууме, так как для оценки кредитоспособности проектов используется типовая инструкция [3], либо банки пользуются своими корпоративными методиками, основываясь на собственной методологической базе, опыте сотрудников, опыте реализации проектов. То есть процесс организации рассмотрения, оценки и анализа проектов носит весьма субъективный характер, методики могут содержать ошибочные термины, расчетные формулы и необоснованные допущения. В результате такая ситуация может приводить к принятию ошибочных инвестиционных решений. Процесс реали-

зации ПФ в банке включает в себя ряд последовательных этапов, образующих в совокупности проектный цикл, через который проходит весь поток заявок на финансирование проектов посредством организации ПФ (предоставления продукта «ПФ»):

1. Получение полного пакета документов и формальная проверка заявки на соответствие условиям предоставления ПФ в банке. Оценивается возможность выдачи кредита банком исходя из лимитов на категории заемщиков, проверяется соблюдение обязательных банковских нормативов при возможной выдаче кредита (Н4, Н6, Н7, Н12 и др.).
2. Анализ инвестиционного проекта. Получение предварительных выводов по проекту, согласование их с клиентом, подготовка заключения для рассмотрения на кредитном комитете банка.
3. Рассмотрение заявки на кредитном комитете банка и принятие решения о финансировании либо об отказе в финансировании.
4. Заключение кредитного соглашения. Оформление кредитной, залоговой и иной документации. Выдача кредитных средств.
5. Контроль за целевым использованием кредита. Мониторинг проекта и обслуживания кредита.
6. Возврат кредитных средств.
7. Итоговая оценка результатов реализации проекта.

Предлагаемая методика используется непосредственно на втором этапе проектного цикла.

В данном случае банку необходимо каким-либо образом оценить эффективность и целесообразность участия в проекте, иметь возможность сравнивать между собой различные предлагаемые проекты и выбирать проекты с наибольшей интегральной оценкой. Схематично логическая последовательность этапов методики представлена на рисунке 1.

В целях сопоставимости финансовой и нефинансовой составляющих необходимо первой дать качественную характеристику: участие финансово эффективно или неэффективно, а также определить степень эффективности.

Затраты банка, связанные с участием в ПФ, выражаются в трансфертной ставке (r_{tr}), минимальном уровне комиссий, требуемой норме доходности [2].

Для кредитующего подразделения банка в каждый момент времени это заданные величины. Поэтому следует сосредоточиться на оценке доходов. Основой для оценки финансовой эффективности участия банка в ПФ является модель денежных потоков проекта. Денежные потоки рассматриваются в рамках построения финансовой модели с учетом субординации средств, предоставленных другими кредиторами и акционерами. Банку следует определять эффективность проекта в целом, основываясь на чистом денежном потоке для компании – NCF (net cash flow), и эффективность проекта для банка, основываясь на чистом денежном потоке для банка – $NCFDEBT$ или $CADS$ (net cash flow to debt или cash available for debt service).

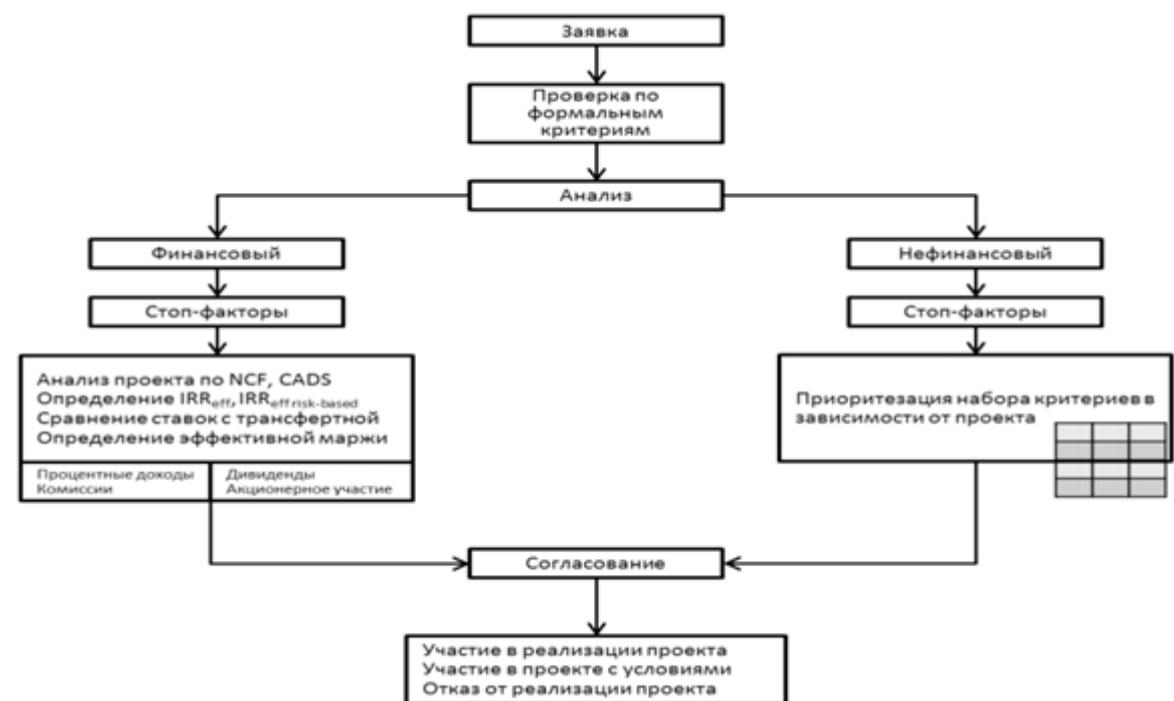

Рисунок 1 – Логическая последовательность этапов методики.

Источник: [2].

Вначале предлагается ряд критериев (стоп-факторов), предъявляемых к заявке, выполнение которых в совокупности является обязательным и позволяет переходить к расчету показателей эффективности проекта. Критерии будут способствовать минимизации большинства возможных финансовых рисков для банка, связанных с проектом.

1. Доля собственных средств в источниках финансирования проекта больше или равна 30% от общей стоимости проекта (бюджета капитальных затрат и потребности в оборотных средствах в рамках проекта, без учета процентных платежей по кредитам банка). В зависимости от общего уровня риска проекта (в том числе уровня операционного рычага и степени волатильности цен на сырье и готовую продукцию), отраслевой принадлежности, стадии жизненного цикла данный показатель может быть понижен или повышен. Доля собственного участия выполняет функцию залогового дисконта по отношению к активам проекта, которые являются залогом для банка.

2. Расчетный срок возврата кредита не должен превышать 7 лет (10 лет). Такой срок является наиболее характерным для отечественного банковского рынка проектного финансирования, его превышение обосновывается отдельно.

3. Минимальный коэффициент покрытия долга $DSCR > 1,5$. То есть при моделировании графика погашения по кредиту не более $2/3$ денежного потока до обслуживания долга идет на уплату процентов и погашение тела кредита.

$DSCR$ (debt service coverage ratio) = (чистый ДП + проценты к уплате + погашение основного долга) / (проценты к уплате + погашение основного долга) = $NOPLAT / (interest + principle debt payment)$.

4. $NPV > 0$, $IRR > WACC$ (по NCF), $(M)IRR >$ максимальной ставки по кредиту (по NCFDEBT), $PP < 7 - 10$ лет. Денежные потоки рассчитываются без учета терминальной стоимости проекта (за исключением случая, когда планируется продажа проекта в конце срока). На основании NCFDEBT можно определить показатели финансовой прочности проекта для банка: NPV – объем дополнительных средств, который можно будет направить на обслуживание долга; IRR – максимальная ставка кредитования. Отход от данных критериев возможен, если проект является частью стратегии обеспечения качества бизнес-процессов (т.е. имеется объективное логическое обоснование невыполнения какого-либо критерия).

5. В залог банку передается 100% акций (долей) проектной компании, а также все имущество, приобретаемое и создаваемое в рамках проекта.

6. Уровень долговой нагрузки. До момента окончания инвестиционной фазы проекта и выхода проекта на проектную мощность прогнозный показатель уровня долговой нагрузки компании-заемщика совместно с его поручителями Debt/EBITDA или его эквивалент, рассчитываемый на основе РСБУ, не превышает 5,0х, а после выхода на проектную мощность не превышает 3,0х отдельно по компании-заемщику. Долг – весь финансовый долг компании. Показатели определены как средние по рынку, их превышение должно обосновываться отдельно.

7. Уровень процентной нагрузки. До окончания инвестиционной фазы проекта и выхода на проектную мощность показатель обслуживания процентной нагрузки компании-заемщика совместно с его поручителями должен превышать 2,0х. Обслуживание процентной нагрузки $(ICR, interest\ coverage\ ratio) = EBITDA / interest\ payments$.

8. Коэффициент общей ликвидности = текущие активы / текущие пассивы на последнюю отчетную дату заемщика консолидированно с поручителями превышают 1,0. То есть, как минимум, внеоборотные активы полностью профинансированы за счет собственного капитала и долгосрочного долга. Другими словами, текущие активы или оборотные кредиты не отвлеклись на финансирование капитальных вложений компании, иные инвестиционные цели или покрытие убытков.

9. В случае невыполнения какого-либо из вышеперечисленных условий заемщику необходимо предоставить дополнительное обеспечение (залог, поручительство и т.д.), покрывающее выявленные риски проекта.

10. Экономическая способность выполнить обязательства по внесению собственных средств, т.е. наличие реальной возможности инициаторов внести необходимую сумму. Вывод делается на основе анализа финансовой отчетности инициаторов, поручителей. Далее можно выделить два вида дохода банка: как кредитора и как акционера (собственника).

Доходы банка как кредитора включают:

1. Процентный доход – является основным для банка. При его оценке необходимо основываться на двух показателях: минимальная ставка кредитования и максимальная ставка кредитования. Минимальная ставка кредитования представляет собой трансфертную ставку. При кредитовании под минимальную ставку доход кредитующего подразделения будет равен нулю. Максимальная ставка кредитования отражает возможности проекта, т.е. максимально возможную нагрузку на проект. При заданном запасе прочности (коэффициенте покрытия долга),

характеризующем уровень рисков по проекту, можно определить свободный денежный поток, который может быть направлен на обслуживание задолженности перед банком. То есть, рассматривая чистый денежный поток проекта для банка (NCFDEBT), можно рассчитать IRR проекта, которая будет показывать максимальную ставку кредитования.

2. Банк как кредитор может получать комиссионный доход. При кредитовании банк оказывает заёмщику различные услуги, за что получает соответствующие комиссии (таблица 1).

При оценке эффективности ПФ банку целесообразно использовать понятия эффективной ставки и эффективной маржи. Расчет эффективной ставки основан на определении внутренней нормы доходности (IRReff) разнонаправленного денежного потока для банка с учетом стоимостных компонентов и временного распределения притоков и оттоков. То есть в расчет денежного потока включаются все платежи заемщика в пользу банка, связанные с обслуживанием ссуды, комиссии за расчетное и операционное обслуживание, оплата консультационных услуг и т.д. В составе эффективной ставки можно выделить те элементы доходов, получение которых является вероятностным, т.е. подверженным риску. Прежде всего, это процентные доходы. В связи с этим для оценки эффективности необходимо определять эффективную ставку с учетом риска (IRReff risk-based). Такая ставка может быть определена на основе размера резервирования (РВПС), отражающего риск по ссуде (например, резерв 20%, значит, вероятность получения дохода 80%). Определение разме-

ра резерва для целей определения вероятностной эффективной ставки может опираться на методику Национального банка.

Однако при этом банк должен применять мотивированное суждение для наиболее адекватной оценки размера резерва. Сравнение IRReff risk-based с гтр дает в результате такую величину, как эффективная маржа (ЭМ). Процентная ставка по проектному кредиту – результат переговоров, но в любом случае для банка она должна в конечном итоге приводить к получению приемлемой эффективной маржи.

Если банк оценивает риски как высокие, опасения банка находят свое выражение в увеличении процентной ставки. Возникает противоречие: с одной стороны, банк ожидает большую отдачу взамен принимаемых рисков, с другой – увеличивается финансовая нагрузка на проект, что снижает его эффективность. Поэтому необходим баланс между величиной процентной ставки и рисками проекта.

В случае если увеличение процентной ставки по кредитным ресурсам, связанное с оценкой рисков, приводит к неэффективности проекта (для акционеров или менеджмента), вызванной увеличением нагрузки на проект, банку следует воздержаться от участия в таком проекте. Сводную оценку доходности целесообразно определять следующим образом (на примере конкретного проекта 1 – таблица 2):

Таким образом, эффективная ставка кредитования, учитывающая предполагаемое обесценение ссуды, превышает стоимость фондирования (требуемый минимальный уровень доходно-

Таблица 1 – Комиссионные доходы банка при кредитовании

Услуга	Комиссия
Экспертиза проекта, оформление кредитной заявки	Плата за открытие кредитной линии
Предоставление возможности получения кредита в любой момент времени по требованию	Плата за пользование лимитом кредитной линии
Подготовка документации, регистрация залогов и т.д.	Плата за пользование кредитом

Составлено авторами.

Таблица 2 – Сводная оценка доходности проекта 1, %

Вложения	Эффективная ставка	Риск вложений	Вероятностная эффект. ставка
Рассматриваемый кредит	16,91	10	15,22
Портфель проектного финансирования банка на сопоставимый срок	14,00	15	11,90
Стоимость фондирования на сопоставимый срок	10,25	0	10,25
Среднесрочная ставка рынка ГКО-ОФЗ	6,09	0	6,09
Вероятностная эффективная маржа			4,97

Составлено авторами.

сти кредита), вероятностная эффективная маржа составляет 4,97%. Средний уровень доходности портфеля проектного финансирования банка на сопоставимый срок ниже доходности предполагаемого кредита. Эффективная вероятностная маржа кредита по сравнению с портфелем проектов составляет 3,32%. Далее следует определить единый показатель финансовой эффективности сделки для банка на примере конкретного проекта 1 (таблица 3):

Таким образом, эффективность участия банка в ПФ соответствует всем критериям, то есть доходность вложений выше, чем требуемый минимальный уровень и доходность безрисковых вложений, эффективность выше, чем по портфелю в среднем. Следовательно, уровень финансовой эффективности – высокий. Для банка как акционера (собственника) проектной компании доходом являются либо дивиденды, либо выручка от продажи акций (долей). При долевым финансировании также необходим учет расходов, связанных с риском (выражающимся в резервах на прочие потери). Аналогичным образом приводятся доходы и расходы к единой базе и в последующем сравниваются.

1. Дивиденды. Для определения размера возможных дивидендов необходимо провести анализ эффективности проекта с точки зрения акционеров при заданных параметрах кредита (на основании чистого денежного потока для акционерного капитала – NCFEQ). Необходимо отметить, что выплата дивидендов согласно закону «Об акционерных обществах» не гарантирована. В соответствии с законом необходимо одобрение собранием акционеров. Для принятия решения о выплате дивидендов необходимо простое большинство голосов. Однако если банк не владеет необходимым количеством акций проектной компании, то он может остаться без дивидендов, если в составе собственников нет инвесторов

со схожими интересами, например других банков, но при условии, чтобы совокупная доля таких банков составляла более 50%. Важным аспектом является также налогообложение дивидендных выплат.

2. Продажа доли (пакета акций). Банк – это не стратегический инвестор, основная цель банка – продать акции после того, как бизнес заработает, т.е. после окончания инвестиционной фазы или через некоторое время после ее окончания. Необходимость участия в капитале проектной компании возникает из-за недостаточности собственных средств инициаторов. То есть все финансирование будет состоять из кредита под определенную ставку и акционерного участия со значительно большей доходностью в силу больших рисков для собственников. В таком случае банк может компенсировать дополнительные риски возможностью заработать на росте рыночной капитализации компании. Например, путем получения опционов на покупку по текущей рыночной стоимости и продажу по будущей рыночной стоимости миноритарного пакета акций компании, путем заключения сделок РЕПО или прямого вхождения в капитал по номиналу через банковские дочерние структуры. Банк может предоставлять и прочие продукты и услуги при участии в проектом финансировании в силу его комплексного характера. Доходы от оказания прочих услуг в рамках проектного финансирования, как правило, являются комиссионными. Эти услуги не связаны с размещением денежных средств, однако при этом могут быть связаны с кредитным риском и, следовательно, могут содержать соответствующую надбавку за риск.

3. Нефинансовая составляющая. При оценке нефинансовой составляющей необходимо убедиться, что предлагаемый проект с целью минимизации возможных рисков удовлетворяет всем следующим критериям (стоп-факторы):

Таблица 3 – Оценка финансовой эффективности проекта 1

Критерий	Соответствие	Вес критерия*, %	Итого, %
Доходность больше минимально требуемого уровня доходности банка	1	60	60
Эффективная маржа больше среднего уровня эффективной маржи по аналогичным активам банка	1	30	30
Доходность больше доходности низкорискованных (безрисковых активов)	1	10	10
Итого			100

*Вес определяется банком исходя из приоритетов политики по размещению денежных средств, однако наибольший вес должен иметь первый критерий, так как если он не выполняется, то эффективность не может быть признана высокой. При невыполнении критерия 2 эффективность не может быть признана выше, чем средняя.

Составлено авторами.

1. Взаимосвязь проекта с основным бизнесом заемщика. Проект должен быть технологически обоснованным.

2. Ключевые члены команды проекта имеют значительный опыт работы в данной отрасли.

3. Проработанность вопросов снабжения и сбыта продукции. Если это возможно, наличие предварительных контрактов и соглашений о намерениях, подтверждающих не менее 50–70% заложенного в финансовых прогнозах объема продаж продукции проекта и поставок ключевого сырья в рамках проекта, либо доминантная позиция на региональном рынке и налаженные и действующие каналы снабжения и продаж.

4. Качество поставщиков и подрядчиков инвестиционной фазы проекта, их опыт, репутация, экономические возможности.

5. Наличие качественного бизнес-плана проекта.

6. В случае невыполнения какого-либо из вышеперечисленных условий заемщику необходимо предоставить дополнительное обеспечение (залог, поручительство и т.д.), покрывающее выявленные риски проекта.

Нефинансовая эффективность представляет собой широкий спектр ожидаемых результатов участия банка в проектном финансировании, которые можно структурировать следующим образом (на примере конкретного проекта 1 – таблица 4):

Вес каждого фактора нефинансовой эффективности не является постоянным, в каждом конкретном случае должен определяться отдельно.

В данном случае результат балльной оценки нефинансовой эффективности характеризует вы-

Таблица 4 – Оценка нефинансовой эффективности проекта 1

Показатель	Соответствие проекта	Вес элемента*	Комментарий	Итого
Улучшение репутации банка	0	3	Проект является крупным, имеет большое значение для региона и предполагает взаимодействие с иностранными финансовыми институтами	0
Расширение продуктового ряда	1	3	Предоставление широкого перечня дополнительных продуктов клиенту	3
Налаживание отношений с определенным клиентом	1	2	В дальнейшем банк ожидает реализацию новых инвестиционных проектов с клиентом	2
Диверсификация портфеля активов	1	3	Участие в данном проекте способствует диверсификации портфеля активов	3
Получение преимуществ в конкурентной борьбе	0	2	Банк нацелен на укрепление рыночного положения в конкурентной борьбе с другими банками	0
Результаты политического характера	1	3	Большая значимость проекта для территории, поддержка местных властей, социальный эффект	3
Итого		16		11
Итого в % от максимально возможного результата				69%

*Исходя из его важности для банка (0–3).

Составлено авторами.

Таблица 5 – Итоговое согласование результатов

Эффективность	Значение, %	Вес*	Итого, %
Финансовая	100	0,7	70
Нефинансовая	73	0,3	21,9
Итого			91,9

*Вес определяется банком исходя из приоритетов политики по размещению денежных средств.

Составлено авторами.

Таблица 6 – Сводная оценка доходности проектов 2 и 3, %

Вложения	Проект 2			Проект 3		
	Эффективная ставка	Риск вложений	Вероятностная эффективная ставка	Эффективная ставка	Риск вложений	Вероятностная эффективная ставка
Рассматриваемый кредит	17,07	15	14,85	15,29	10	13,9
Портфель проектного финансирования банка на сопоставимый срок	14	15	11,9	14	15	11,9
Стоимость фондирования на сопоставимый срок	11,5	0	11,5	10,8	0	10,8
Среднесрочная ставка рынка ГКО	6,09	0	6,09	6,09	0	6,09
Вероятностная эффективная маржа			3,35			3,1

Составлено авторами.

Таблица 7 – Оценка финансовой эффективности проектов 2 и 3

Критерий	Проект 2			Проект 3		
	Соответствие	Вес критерия, %	Итого, %	Соответствие	Вес критерия, %	Итого, %
Доходность больше минимального требуемого уровня доходности	1	60	60	1	60	60
Эффективная маржа больше среднего уровня эффективной маржи по аналогичным активам банка	1	30	30	1	30	30
Доходность больше доходности низкорискованных (безрисковых активов)	1	10	10	1	10	10
Итого			100			100

Составлено авторами.

Таблица 8 – Оценка нефинансовой эффективности проекта 2

Показатель	Соответствие проекта	Вес элемента*	Комментарий	Итого
Улучшение репутации банка	0	3	Проект является крупным, имеет большое значение для региона и предполагает взаимодействие с иностранными финансовыми институтами	0
Расширение продуктового ряда	1	3	Предоставление широкого перечня дополнительных продуктов клиенту	3

Диверсификация портфеля активов	1	3	Участие в данном проекте способствует диверсификации портфеля активов	3
Получение преимуществ в конкурентной борьбе	0	2	Банк нацелен на укрепление рыночного положения в конкурентной борьбе с другими банками	0
Результаты политического характера	0	3	Большая значимость проекта для территории, поддержка местных властей, социальный эффект	0
Итого		16		6
Итого в % от максимально возможного результата				37,5%

*Исходя из его важности для банка (0–3).

Составлено авторами.

Таблица 9 – Оценка нефинансовой эффективности проекта 3

Показатель	Соответствие проекта	Вес элемента*	Комментарий	Итого
Улучшение репутации банка	0	3	Проект является крупным, имеет большое значение для региона и предполагает взаимодействие с иностранными финансовыми институтами	0
Расширение продуктового ряда	1	3	Предоставление широкого перечня дополнительных продуктов клиенту	3
Налаживание отношений с определенным клиентом	0	2	В дальнейшем банк ожидает реализации новых инвестиционных проектов с клиентом	0
Диверсификация портфеля активов	1	3	Участие в данном проекте способствует диверсификации портфеля активов	3
Получение преимуществ в конкурентной борьбе	1	2	Банк нацелен на укрепление рыночного положения в конкурентной борьбе с другими банками	2
Результаты политического характера	0	3	Большая значимость проекта для территории, поддержка местных властей, социальный эффект	0
Итого		16		6
Итого в % от максимально возможного результата				50 %

Составлено авторами.

Таблица 10 – Итоговое согласование результатов по проектам 2 и 3

Эффективность	Проект 2			Проект 3		
	Значение, %	Вес	Итого, %	Значение, %	Вес	Итого, %
Финансовая	100	0,7	70	100	70	70
Нефинансовая	37,5	0,3	11,25	50	0,3	15
Итого			81,25			85

Составлено авторами.

сокую заинтересованность банка в участии в рассматриваемом проекте. Нефинансовая эффективность является высокой. Общий (интегральный) показатель эффективности участия банка в ПФ можно определить как взвешенную сумму финансовой и нефинансовой эффективности (на примере конкретного проекта 1 – таблица 5).

Возможна следующая градация итоговых значений: 0–33% – низкая эффективность, 34–66% – средняя эффективность, 67–100% – высокая эффективность.

В итоге – эффективность участия банка в проектном финансировании проекта 1 является высокой.

Апробируем методику еще на двух конкретных проектах, предлагаемых к финансированию. Назовем их проекты 2 и 3 (таблица 6).

Эффективная ставка кредитования, учитывающая предполагаемое обесценение ссуды, превышает стоимость фондирования (требуемый минимальный уровень доходности кредита), вероятностная эффективная маржа составляет 3,35%

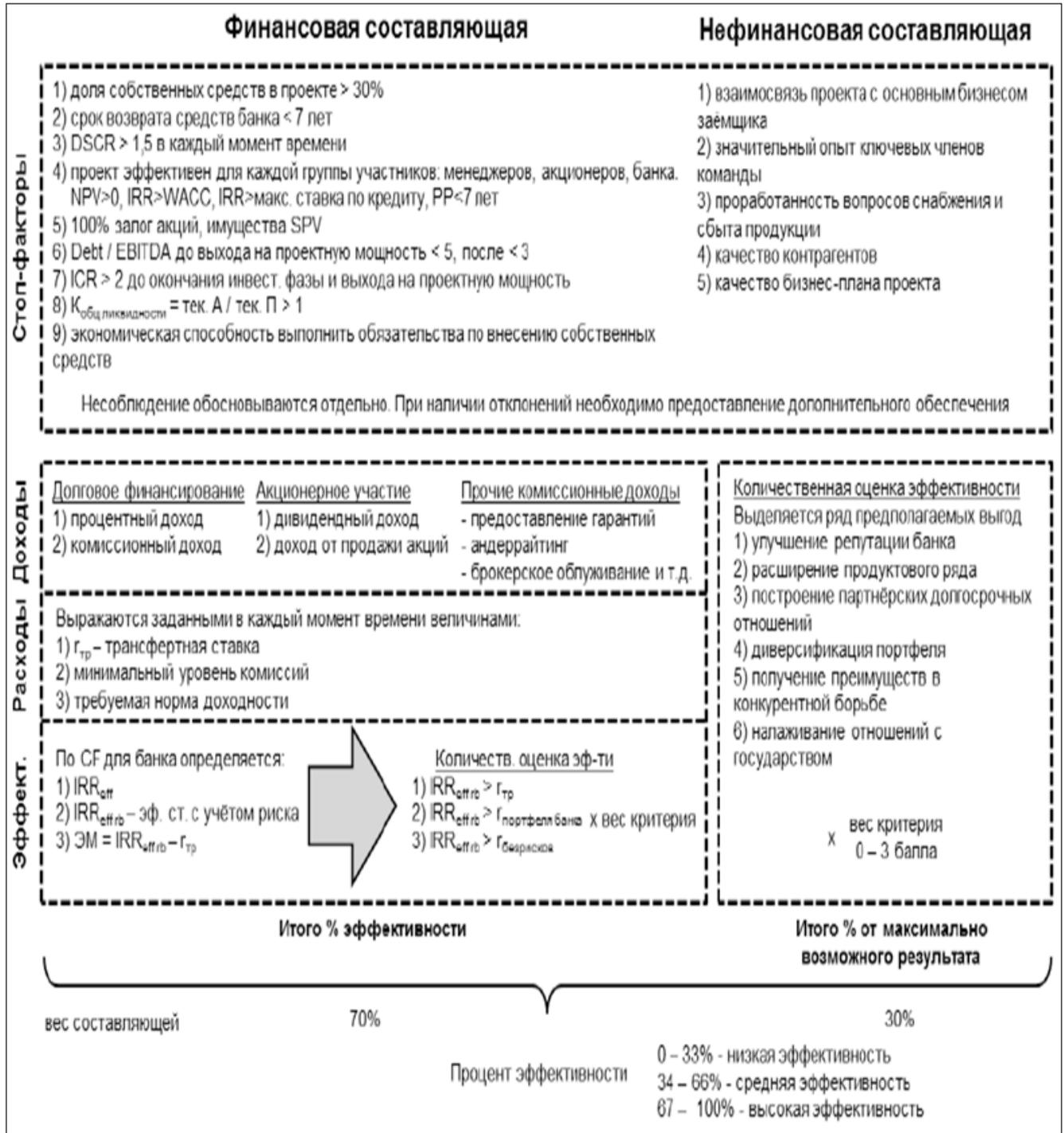

Рисунок 2 – Подробная схема методики анализа инвестиционного проекта.

Собственная разработка.

по проекту 2 и 3,1% по проекту 3. Средний уровень доходности портфеля проектного финансирования банка на сопоставимый срок ниже доходности предполагаемого кредита. Эффективная вероятностная маржа кредита по сравнению с портфелем проектов составляет 2,95% по проекту 2 и 2% по проекту 3. Далее следует определить единый показатель финансовой эффективности сделки для банка на примере конкретных проектов 2 и 3 (таблица 7):

Таким образом, эффективность участия банка в проектном финансировании соответствует всем критериям, т.е. доходность вложений выше, чем требуемый минимальный уровень и доходность безрисковых вложений, эффективность выше, чем по портфелю в среднем. Следовательно, уровень финансовой эффективности – высокий.

Проведем анализ нефинансовой составляющей эффективности по проекту 2 в таблице 8.

В данном случае результат балльной оценки нефинансовой эффективности характеризует низкую заинтересованность банка в участии в рассматриваемом проекте.

Проведем оценку нефинансовой эффективности проекта 3 (таблица 9).

Общий (интегральный) показатель эффективности участия банка в проектном финансировании можно определить как взвешенную сумму финансовой и нефинансовой эффективности (на примере конкретных проектов 2 и 3 – таблица 10).

Таким образом, эффективность участия банка в финансировании проектов 1 и 2 высокая.

Подводя итог всему вышесказанному, представим подробную графическую схему методики анализа инвестиционного проекта банком (рисунок 2).

Заключение. Таким образом, мы предложили и апробировали методику анализа инвестиционных проектов для целей банковского проектного финансирования. Особенностью ее является выде-

ление финансовой и нефинансовой составляющих проекта и определение их весовостей. Финансовая составляющая определяется на основе трех критериев: доходность больше минимально требуемого уровня доходности банка, эффективная маржа выше среднего уровня по аналогичным активам банка, доходность больше доходности низкорискованных или безрисковых активов. По каждому критерию банк самостоятельно определяет удельный вес. В финансовой составляющей также определены состав и границы стоп-факторов. Особый интерес представляет нефинансовая составляющая. Она оценивается по таким показателям, как улучшение репутации банка, расширение продуктового ряда, налаживание отношений с определенным клиентом, диверсификация портфеля активов, получение преимуществ в конкурентной борьбе, результаты политического характера. Проведенная апробация свидетельствует о целесообразности внедрения данной методики. В соответствии с предлагаемыми подходами к оценке проектов можно также актуализировать существующие методики. Благодаря использованию данного подхода, снизятся кредитный и процентный риски и, как следствие, повысится конкурентоспособность коммерческого банка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь. Аналитическое обозрение январь–ноябрь 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/publications/ЕcTendencies/ger_2015_11_ot.pdf. – Дата доступа: 28.04.2016 г.
2. Воронцов, Б.В. Банковское кредитование инвестиционных проектов в промышленности: монография / Б.В. Воронцов, М.А. Колесников. – СПб.: ГУАП, 2007. – 132 с.
3. Об утверждении Инструкции о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования: постановление Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от 27 декабря 2011 г. № 140/206 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=W21224865>. – Дата доступа: 28.04.2016 г.

Поступила в редакцию 18.05.2016 г.

Подготовка специалистов высшего звена в рамках процесса глобализации

Сенько Т.В.

Университет Яна Кокхановского в Кельце, Польша

На современном этапе развития общества и совершенствования системы образования мы сталкиваемся с таким явлением, как переход от адаптационного образования к образованию критично-креативному, направленному на ценности, связанные с человеком и его жизнью. Данный подход ставит перед педагогами, работающими в высшей школе и подготавливающими специалистов для работы в системе «человек–человек», все более трудные и ответственные задачи.

Целью статьи является описание, анализ и интерпретация основных компонентов подготовки специалистов в высшей школе в рамках процесса глобализации.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, касающиеся заявленной темы. Автором использован теоретический анализ проблемы подготовки специалистов высшего звена в рамках процесса глобализации.

Результаты и их обсуждение. Автор статьи 1) рассматривает вопросы, связанные с моделированием современной системы подготовки специалистов высшего звена; 2) основное внимание уделяет тому, каким образом нужно готовить специалистов в ситуации интенсивного развития науки и техники, информатизации жизненного пространства и процессом глобализации; 3) подчеркивает, что в современных психолого-педагогических исследованиях акцент делается, прежде всего, на проблемах формирования профессиональной компетентности при подготовке студентов к работе в системе «человек–человек»; 4) характеризует важнейшие задачи преподавания в высшей школе на современном этапе развития общества; 5) делает основной акцент на понятии личностной зрелости как наиболее важном компоненте в рамках профессиональной компетентности специалистов высшей школы.

Заключение. Инвестиции в человеческий потенциал – это самые экономически эффективные инвестиции сегодня.

Ключевые слова: моделирование современной системы высшей школы, подготовка специалистов, процесс глобализации, профессиональная компетентность, личностная зрелость.

Training Specialists of Advanced Education Within the Process of Globalization

Senko T.V.

Jan Kokhanovski University, Keltzi, Poland

At the present stage of social development and improvement of education system we come across the phenomenon of the transition from adaptation type education to critically creative one which aims at values connected with man and his life. This approach sets difficult and responsible problems for university teachers and those who work in the system of man to man.

The aim of the article is description, analysis and interpretation of the main components of training in higher school as part of the globalization process.

Material and methods. The material of the research is works by outstanding home and foreign psychologists on the topic. The author used theoretical analysis of training specialists in higher education within the process of globalization.

Findings and their discussion. In this article the author 1) considers issues related to modeling modern system of senior professionals; 2) focuses on the way in which you need to train specialists in the situation of rapid development of science and technology, informatization of the living space and the process of globalization; 3) points out that in modern psychological and pedagogical research focuses primarily on issues of shaping professional competence in training students to work in the man to man system; 4) describes the most important tasks of teaching in higher school at the present stage of development of society; 5) mainly focuses on the concept of personal maturity as the most important component within professional competence of higher school specialists.

Conclusion. Investments in human potential are the most cost-effective investments today.

Key words: modeling modern system of higher education, training specialists, the process of globalization, professional competence, personal maturity.

Моделирование современной системы подготовки специалистов высшего звена, основой которого являются, прежде всего: высокий уровень подготовки специалистов,

творчество и инновационность, повышение квалификации, профессиональных знаний и умений в течение всей жизни, – рождает вопрос о том, каким образом нужно готовить специалистов в ситуации интенсивного развития науки

и техники, информатизации жизненного пространства и процесса глобализации. На современном этапе развития общества и совершенствования системы образования мы сталкиваемся с таким явлением, как переход от *адаптационного образования к образованию критично-креативному*, направленному на ценности, связанные с человеком и его жизнью. Данный подход ставит перед педагогами, работающими в высшей школе и подготавливающими специалистов для работы в системе «человек–человек», все более трудные и ответственные задачи. Не менее важным вопросом является и то, *какие компоненты структуры высшего образования являются наиболее значимыми сегодня.*

Целью статьи является описание, анализ и интерпретация основных компонентов подготовки специалистов в высшей школе в рамках процесса глобализации.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, касающиеся заявленной темы. Проведен теоретический анализ проблемы подготовки специалистов высшего звена в рамках процесса глобализации.

Результаты и их обсуждение. *Важнейшими задачами преподавания в высшей школе и высшего образования в целом на современном этапе развития общества являются следующие:*

- 1) передача знаний и опыта;
- 2) использование научных методов в преподавании, научное обоснование требований к обучению и создание условий, формирующих творческие способности студентов по соответствующим научным направлениям;
- 3) развитие ценностей студентов и социальных отношений;
- 4) развитие управленческих навыков в сочетании с чувством ответственности;
- 5) формирование готовности к участию в социально-культурном и национально-патриотическом развитии подрастающего поколения;
- 6) подготовка профессиональных кадров в различных областях.

Каждое из этих направлений может вызывать определенные трудности. В связи с этим преподаватели высшей школы должны быть готовы к разработке методов их преодоления [1; 2].

Комплексная программа обучения в современной высшей школе должна сформировать систему дискретных единиц обучения, а именно:

- 1) лекции;
- 2) семинарские занятия;
- 3) семинар, ведущий к написанию диссертации (бакалавра, магистра или доктора наук);

4) семинар, на котором обсуждаются конкретные вопросы, связанные с подготовкой в рамках конкретной специальности или специализации (без написания диссертации);

5) практические занятия;

6) лабораторные занятия по определенным темам;

7) различные практики под руководством специалиста в данной области;

8) личные или коллективные консультации.

Важно, чтобы в программе обучение в рамках высшего образования определялось как нечто целое, например, знания, навыки, компетенции, а также подчеркивалось, что *лежит в основе этого целого: процессы обучения, решение конкретных образовательных задач, определения важнейших понятий, мотивация и положительное отношение к учебной деятельности, а также опыт – в зависимости от академической сферы* [3]. Подобная программа позволяет преподавателю высшей школы обеспечить интерес к учебному процессу с одновременным систематическим контролем знаний студентов. Хорошая программа преподавания в высшей школе всегда должна быть гибкой и разнообразной в зависимости от субъектов учебного процесса. Особое место в учебных программах высших учебных заведений должно отводиться педагогической практике, которая должна стать главным компонентом *активного обучения* студентов за счет включения их собственной деятельности и их собственных ресурсов в учебный процесс. Иногда эта деятельность включает *самосознание* студента и его *метаосведомленность*, что позволяет определить, на какой стадии развития он находится, насколько реализованы в данный момент обучения его потенциальные возможности какие перспективы могут ожидать его в будущем. Активный и самостоятельный студент именно в рамках прохождения правильно организованной практики начинает понимать, что значит находиться на высоком уровне развития и более эффективно функционировать на профессиональном уровне.

Элементы профессиональной компетентности преподавателя. Во многих психолого-педагогических исследованиях делается акцент на том, что при подготовке студентов к работе в системе «человек–человек» специалисты высшего звена должны развивать у них прежде всего профессиональную компетентность, заключающуюся в:

– понимании всего того, что связано с педагогическим процессом, а также как собственными личностными и поведенческими характеристика-

ми педагога, так и личностными и поведенческими характеристиками учащихся;

– подготовленности к инновациям и принятию критично-креативной доктрины в обучении и воспитании;

– развитию способности и мотивации к самопознанию, саморазвитию и самообразованию;

– сформированности коммуникативных умений и навыков;

– использовании в профессиональной деятельности открытого диалога и распространении идеалов гуманизма;

– сформированности умения контроля и оценки достижений и проблем как учеников, так и своих собственных [4–9].

Данные элементы профессиональной компетентности должны формироваться в рамках каждого компонента структуры высшего образования: их отражение мы должны находить в его целях и программах обучения, в требованиях к профессиональному развитию преподавателей высшей школы, а также в требованиях к личности и личностному развитию как преподавателей высшей школы, так и студентов.

Личностная зрелость как важнейший компонент профессиональной компетентности.

Не вызывает сомнения факт, что все рассмотренные выше компоненты являются обязательными в модели подготовки специалиста высшей школы на этапе глобализации современного общества. Однако наиболее важным компонентом в рамках их профессиональной компетентности являются, на наш взгляд, личностная зрелость и личностный подход при организации образовательного процесса в современной высшей школе. Реализация личностного подхода предполагает развитие содержательной, операционной и мотивационной ее сторон. Ведущие компоненты личности специалиста высшей школы – это уровень субъективного контроля, субъективное «Я» и рефлексия, проявляющиеся как в личностном, так и в профессиональном плане отношений [10; 11].

Почему именно на этом важно акцентировать внимание, рассматривая основные проблемы подготовки молодых специалистов для системы образования? Известно, что личность может быть сформирована только личностно зрелой личностью. Поэтому особое значение должно быть уделено требованиям к личности преподавателя высшей школы, а также разработке образца такой личности, включающей аспекты и параметры функционирования человека, работающего в академической среде. Прежде всего необходимо принимать во внимание психологические компоненты личности преподавателей высшей шко-

лы, лежащие в когнитивной, эмоционально-мотивационной и поведенческой сферах. Личностная зрелость – это, прежде всего, социальная зрелость, выражающаяся в том, насколько адекватно преподаватель высшей школы понимает свое место в обществе, каким мировоззрением или философией руководствуется, каково его отношение к общественным институтам (нормам морали и права, законам и социальным ценностям), к своим обязанностям и своему труду.

Социальная зрелость – это более широкое понятие, включающее в себя не только такие виды зрелости, как гражданскую, моральную и эстетическую, но и предполагающее наличие личностной (психологической) зрелости. Вместе с тем личностная зрелость характеризуется как сложное образование, входящее в общую структуру личности и взаимосвязанное с личностными особенностями человека. В период личностной зрелости различные личностные особенности, а также типы деятельности интегрируются и в своих развитых формах порождают совмещенные способы жизнедеятельности человека, поднимающие развитие личности на качественно новый уровень.

Психологи выделяют различные характеристики личностной зрелости. Анализ различных подходов и концептуальных позиций позволяет выделить основные черты и характеристики психологически зрелой личности, а также ее базовые компоненты и основные критерии, уровни психологической организации, конкретные черты, важные показатели, индикаторы личностно зрелой или личностно незрелой личности. Рассмотрим их более подробно.

1. Психологически зрелой личностью является человек, достигший высокого уровня психического развития – способный вести себя независимо от воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствоваться собственными, сознательно поставленными целями, активно и сознательно управлять своим поведением [12–14].

2. Критериями личностной зрелости являются активная жизненная позиция и осуществление личностью свободного выбора, при котором человек несет ответственность за свой выбор, умеет осуществлять свою жизненную стратегию, не скован заранее предрешенным исходом, воспринимает совершаемое им как совершаемое в силу внутренней необходимости, идет на риск, способен не только выигрывать, но и терять [15; 16].

3. Базовыми компонентами, входящими в структуру личностной зрелости, являются: адекватность целеполагания и самоотражения,

самоконтроль поведения, эмоциональная зрелость, высокий уровень реализованности событий жизни, активность, самостоятельность, ответственность, терпимость, саморазвитие и интегративный компонент – позитивное мышление. Вокруг базовых компонентов группируется множество других [17; 18].

4. *Уровнями психологической организации* зрелой личности являются ее интегрированное функционирование и качественная переработка на высшем уровне способов взаимоотношений с миром и установление для каждого из них своего места, определяемого типологией тех жизненных ситуаций, с которыми личности приходится справляться [19].

5. *Индикаторами* личностной зрелости являются адекватный возрасту уровень зрелости эмоциональной, познавательной, поведенческой сфер, адаптивность в микросоциальных отношениях, соответствие субъективных образов отражаемым объектам реальности и характера реакций – внешним раздражителям, способность к саморегуляции своих чувств, поведения; поддержание активности, перспективное планирование жизненных целей [20].

6. Конкретными *чертами* зрелой личности являются: стремление к творчеству и проявление творческого начала в разнообразных сферах жизни, восприимчивость к широкому кругу явлений социальной жизни; интеллектуальная активность в постановке жизненных проблем, готовность к их пониманию и решению; избирательный характер эмоциональной чувствительности и восприимчивости к определенным явлениям окружающего мира и человеческих отношений, мобильность способностей, то есть умение реализовать в соответствующих действиях присущие человеку потенции, которые он хотел бы раскрыть, рефлексия на свой духовный облик, служащая задачам самоорганизации [21].

7. *Характеристиками* психологически зрелой личности являются: развитое чувство ответственности, развитые ценности, самостоятельность, потребность в заботе о других людях, активное участие в жизни общества и эффективное использование своих знаний и способностей, активное доминантно-положительное отношение к себе и окружающим людям, способность к психологической близости с другим человеком, возможность конструктивного решения жизненных проблем на пути к наиболее полной самореализации, личностный способ бытия [22–25].

8. Зрелая личность характеризуется и по степени *самоактуализации*, зрелости ценностно-смысловой сферы и уровню личностной ориен-

тировки. Процесс личностной ориентировки направлен на последовательную реализацию таких задач, как: ориентировка в своих личностных ценностях, формирование самосознания как отражения реализации ценностного отношения к миру, построение жизненной перспективы в рамках своей системы личностных ценностей [26].

9. Значимым показателем зрелости личности является уровень доверия к себе – овладение собой и своей сущностью, ценностная позиция по отношению к себе, стремление не только к ответственности миру, в котором живешь, но и к ответственности самому себе и ценностным представлениям о себе самом [27].

10. Для личностно зрелого человека характерно умение *строить зрелые межличностные отношения*: отношения принятия и понимания между двумя самоактуализирующимися и демонстрирующими высокий уровень внутренней конгруэнтности и аутентичности личностями, отношения между людьми, способными к совершению ответственных поступков и сознающими ценностно-смысловые и мировоззренческие предпосылки и следствия своих поступков, отношения между людьми, каждый из которых видит в себе и другом целостность и ценность человеческого бытия [28].

11. В качестве *индикаторов недостаточной личностной зрелости* выступают наличие внутриличностных конфликтов, тревожность и неуверенность в себе, психическое напряжение, симптомы невротических реакций, акцентуированные черты, недостаточная адекватность в уровне зрелости различных личностных сфер, неполная адаптивность в микросоциальных процессах, трудности саморегуляции своих состояний, чувств, поведения и др. [29].

12. Саморазвитие является *непрерывным процессом*. Ни один человек не может претендовать на роль полностью развитой и зрелой личности. Поведение зрелого человека всегда мотивировано осознанными процессами, а поведение незрелых лиц чаще направляется неосознанными мотивами, проистекающими из переживаний детства [30].

Важно подчеркнуть, что серьезным препятствием в личностном развитии и профессиональном функционировании преподавателя высшей школы может стать его эгоцентризм, проявляемый даже в самой малой степени. *Позитивное отношение* преподавателя к студентам, использование *положительных форм личностного поведения*, как доминантных, так и подчинительных, во взаимодействии с ними в сочетании с умом и мудростью педагога, его компетентностью и ав-

торитетом, смягчает или отменяет все формы эгоцентризма и позволяет личностно зрелому преподавателю высшей школы использовать наиболее сложные способы принятия перспектив развития личности другого человека [23; 30].

Как видим, главной во всех характеристиках и критериях зрелой личности является мысль об активной личности, способной ставить новые задачи и стремиться к различным целям, – словом, о личности как субъекте противоречивого процесса ее жизненного пути. Именно такая активная и сознательно действующая личность педагога высшей школы может стать образцом для будущих специалистов системы образования. Именно она поможет создать условия для полноценного формирования личности каждого молодого человека, решившего посвятить себя психолого-педагогической деятельности и выстраивать полноценный диалог в системе взаимодействия «педагог высшей школы–студент» на каждой ступени образовательного процесса.

Коммуникативная компетентность педагога высшей школы. Именно полноценное взаимодействие и умение выстраивать полноценный диалог являются основой коммуникативной компетентности педагога высшей школы, овладение которой впоследствии поможет каждому специалисту системы образования выстраивать полноценный диалог в системе взаимодействия «учитель–ученик», «учитель–родители», «учитель–учитель», «учитель–психолог», «учитель–администрация учебного заведения», «учитель–общество» Основная проблема, требующая решения в рамках данного направления, – это формирование в период обучения в высшей школе умения будущих специалистов *строить диалог* в рамках субъект-субъект-объектного взаимодействия; то есть такой диалог, который, в конечном счете, приводит к успеху как во взаимодействии между партнерами, так и успеху в деятельности, в которую они включены. Диалог в данном случае мы рассматриваем не в узком понимании – как разговор, беседу нескольких лиц, которые говорят попеременно и не планируют свою речь. Нас интересует проблема профессионального диалога в широком смысле, который позволяет решать психологические проблемы и оказывать содействие в развитии личности. Такому диалогу необходимо учить, показывая и объясняя, прежде всего, его значение в личностном и профессиональном становлении специалиста высшей школы и его роль в решении самых сложных профессиональных проблем [10].

Для выстраивания такого полноценного диалога важны коммуникативные умения и навыки, способность каждым из участников процесса ком-

муникации самостоятельно определять, каким образом он должен поступать в той или иной ситуации, и определять линию своего поведения в данной ситуации. Педагоги и их ученики, вступающие в межличностное взаимодействие, взаимно интерпретируют слова, жесты и поступки друг друга. Успех взаимодействия и положительные отношения между его участниками могут возникнуть только в том случае, если в рамках каждой ситуации возникает понимание, основанное на *правильной взаимной интерпретации слов, жестов, тех или иных форм поведения* участников взаимодействия. Образовательный процесс не может и не должен рассматриваться в отрыве от анализа процесса коммуникации между педагогами и теми, кого они учат, независимо от того, о какой ступени образовательного процесса идет речь. И в дошкольных учреждениях, и в школах, и в высших учебных заведениях особое место в процессе коммуникации отводится сегодня не только вербальному, но и невербальному поведению как педагогов, так и их учеников. Объяснение учебного материала, принятие и понимание учащимися идей, высказываемых педагогами, вопросы к учащимся и их ответы, оценка знаний и многое другое в образовательном процессе в огромной мере, как считают многие специалисты, опираются на невербальные элементы коммуникации [31–33].

Взаимопонимание участников образовательного процесса будет более эффективным в том случае, если в нем принимает участие максимальное число студентов, а главным видимым результатом коммуникации будет высокая активность всех его участников. В ходе взаимодействия в диаде «педагог–студент» элементы вербальной и невербальной коммуникации, используемой педагогом, *улучшают контакт* со студентами. Данная коммуникация имеет существенный терапевтический эффект, так как именно она является *главным условием для создания атмосферы взаимопонимания и доверия* между педагогами и студентами, а также для формирования психологического климата коллектива, положительно влияющего на развитие творческой активности и достижения высоких успехов в образовательном процессе [34; 35].

В целом, коммуникативная компетентность педагога высшей школы является еще одним важным интегративным компонентом модели «учителя учителей», позволяющим на высоком уровне реализовать комплексную программу обучения в высшей школе в рамках процесса глобализации современного общества.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, важно подчеркнуть, что инвестиции в челове-

ческий потенциал, способствование умственно-духовному развитию молодого человека, повышение его знаний, умений и навыков, а также формирование его отношений с окружающими людьми – это самые экономически эффективные инвестиции сегодня. Именно они могут поднять уровень человеческого существования на более высокую и действенную ступень. И ответственность за реализацию этой важной задачи лежит на каждом, кто занимается подготовкой специалистов в современных высших образовательных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Turska, D. Edukacja jako „impuls do pełnego rozwoju”? W kręgu jungowskich inspiracji / D. Turska // Psychologia Rozwojowa. – 2011. – № 16, z. 2. – S. 13–20.
2. Turska, E. Ścieżki edukacyjne młodych kobiet i mężczyzn, a struktura ich wartości zawodowych / E. Turska, M. Stasiła-Sieradzka, A. Diec // Czasopismo Psychologiczne. – 2012. – №18. – S. 307–315.
3. Eckstein, D. Stimulus/response learning in masked congruency priming of faces: Evidence for covert mental classifications? / D. Eckstein, R.N. Henson // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 2012. – № 65. – S. 92–120.
4. Banach, C. Pedagogzy o edukacji nauczycielskiej / C. Banach // Nauczyciele akademicy w procesie kształcenia pedagogów / K. Duraj-Nowakowa (red.). – Kraków-Łowicz, 1999. – S. 402–406.
5. Kochanowska, E. W powstawaniu modelu „nauczyciela nauczycieli” / E. Kochanowska // Edukacja Jutra / T. Koszycz, J. Jonkisz, S. Toczek-Werner (red.). – Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 2007. – T. 1. – S. 349–354.
6. Senko, T. Fear of an examination as a type of school fear vs forms of personality behavior of pupils / T. Senko // Teacher's competences and the learning environment / Ed. I. Radovanovic, Z. Zaslona. – Belgrad: University of Belgrade, 2011. – S. 125–143.
7. Walesa, C. Psychologiczna analiza dydaktyki szkoły wyższej / C. Walesa // Horyzonty Psychologii. – 2013. – T. 3. – S. 71–90.
8. Сенько, Т.В. Основные компоненты современной системы подготовки специалистов высшего звена в рамках процесса глобализации / Т.В. Сенько // Наук. вісн. Мукачівськ. держ. ун-ту. Сер. Педагогіка та психологія. – 2015. – Вип. 1(1). – С. 158–163.
9. Сенько, Т.В. Современная высшая школа: модель «учителя учителей» / Т.В. Сенько // Психосфера / Е.Е. Сапогова (ред.). – Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. – Вип. девятый. – С. 504–512.
10. Сенько, Т.В. Психология взаимодействия / Т.В. Сенько. – Минск: Изд-во Карандашев, 1998. – Ч. 2: Диагностика и коррекция личностного поведения.
11. Senko, T. Diagnoza zachowań osobowościowych / T. Senko. – Legnica: Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Witelona w Legnicy, 2015.
12. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1978. – № 4. – С. 23–35.
13. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1979а. – № 2. – С. 47–56.
14. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1979б. – № 4. – С. 23–33.
15. Асмолов, А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – М.: Изд-во Смысл, 2001.
16. Леонтьев, Д.А. Поиск смысла в новом тысячелетии / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 129–130.
17. Шамионов, Р.М. Психология социального поведения личности / Р.М. Шамионов. – Саратов: Изд. центр Наука, 2009.
18. Реан, А.А. Аутоагрессивный паттерн личности / А.А. Реан // Ананьевские чтения-98 / А.А. Крылов (общ. ред.); С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. психологии. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – С. 52–54.
19. Андиферова, Л.И. Системный подход в психологии личности / Л.И. Андиферова // Принцип системности в психологических исследованиях. – М.: Изд-во Наука, 1990. – С. 61–78.
20. Харитонов, А.Н. Признаки зрелых, трудных и нарушенных семейных межличностных отношений / А.Н. Харитонов // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всерос. съезда психологов: в 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. 8. – С. 24–62.
21. Якобсон, П.М. Психология чувств и мотивации / П.М. Якобсон. – М.: Изд-во Ин-та практ. психологии; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998.
22. Абульханова-Славская, К.А. Личностные механизмы регуляции деятельности / К.А. Абульханова-Славская // Психология формирования и развития личности. – М.: Изд-во Наука, 1981. – С. 19–44.
23. Сенько, Т.В. Психология взаимодействия / Т.В. Сенько. – Минск: Изд-во Карандашев, 1999. – Ч. 1: Базисная структура межличностного взаимодействия.
24. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Изд-во Школа-Пресс, 1995.
25. Senko, T. Diagnoza zachowań osobowościowych / T. Senko. – Legnica: Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Witelona w Legnicy, 2015.
26. Ивков, Н.Н. Условия и динамика разрешения ценностных противоречий в зрелости: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Н.Н. Ивков. – М., 2002.
27. Скрипкина, Т.П. Доверие к себе как условие развития личности / Т.П. Скрипкина // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 95–103.
28. Минигалиева, М.Р. Зрелые межличностные отношения / М.Р. Минигалиева, Н.П. Ничипоренко // Семейная психология и семейная терапия. – 2002. – № 1. – С. 86–97.
29. Битянова, Н.Р. Психология личностного роста / Н.Р. Битянова. – М.: Изд-во Междунар. пед. акад., 1995.
30. Torf, B. Principals perceptions of the causes of teacher ineffectiveness / B. Torf, D. Sessions // Journal of Educational Psychology. – 2005. – № 97. – S. 530–537.
31. Aves, C. Zrozum swojego przedszkolaka / C. Aves. – Warszawa: Wyd. K. E LIBER, 2007.
32. Knapp, M.L. Komunikacja niewerbalna w interakcjach międzyludzkich / M.L. Knapp, A. Ju Hall. – Wrocław: Wyd. ASTRUM, 2000.
33. Kowalska, G. Kompetencje nauczyciela efektywną komunikacją interpersonalną w procesie edukacyjnym / G. Kowalska // Edukacja. – 2000. – № 3. – S. 41–49.
34. Scherban, T. Właściwości psychologiczne komunikacji edukacyjnej / T. Scherban // Psychologiczno-pedagogiczne wsparcie rozwoju dzieci i młodzieży / T. Senko (red.). – Nowy Sącz: Wyd. Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Nowym Sączu, 2014. – S. 35–52.
35. Wawrzyniak-Beszterda, R. Doświadczenia komunikacyjne uczniów w czasie lekcji / R. Wawrzyniak-Beszterda. – Kraków: Oficyna Wydawnicza «Impuls», 2002.

Поступила в редакцию 09.03.2016 г.

Единство формы и содержания в уровневой периодизации развития

Карандашев Ю.Н.

Университет Яна Кохановского в Кельце, Польша

Центральной проблемой психологии развития является периодизация онтогенеза. Не просто деление жизни на отдельные периоды, а создание теории, которая объясняла бы, почему индивидуальная жизнь делится на периоды определенным образом. Автор считает, что поиски ответа на этот вопрос должны завершиться утверждением, что единственной причиной периодизации онтогенеза является рост уровней организации живой материи. Логика и основания такого подхода представлены в настоящей статье.

Целью данной работы является описание авторской эволюционной концепции и периодизации онтогенетического развития, являющейся уровневой периодизацией.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых психологов, касающиеся заявленной проблемы. Использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: теоретический анализ и синтез, моделирование, триангуляция. Методы применялись в системе, но выбор каждого из них определялся возможностью метода устанавливать причинную связь, выявлять внутреннюю структуру, движущие силы развития предметов, процессов и отношений, а также его способностью вступать во взаимосвязи с другими методами.

Результаты и их обсуждение. Анализ истории проблемы показал, что все составляющие для создания уровневой периодизации онтогенетического развития были налицо. Первая версия уровневой периодизации предложена автором в 1981 году. Она свидетельствует о том, что как исторически, так и содержательно ситуация в то время уже созрела.

Заключение. Разработанная автором уровневая периодизация онтогенетического развития существенно отличается от традиционных, линейных периодизаций развития. Она не только делит жизнь человека на возрастные периоды, но и объясняет, почему ее нужно делить именно таким образом. В основу данной периодизации положены те уровни организации материи, которые относятся к жизни человека, и из них выводится деление на возрастные периоды.

Ключевые слова: уровневая периодизация, онтогенез, периодизация, периоды развития, уровень организации, иерархия уровней, филогенез, хронология развития, возрастные границы.

Unity of Form and Substance in the Multi-Level Periodization of Development

Karandashev Yu.N.

Jan Kokhanovski University, Keltzi, Poland

The central issue of the psychology of development is periodization of ontogenesis. It is not just division of life into periods but creation of a theory, which would explain why an individual life is divided into periods in a certain way. The author thinks that search for the answer to this question should be completed with a statement that the only reason for periodization of ontogenesis is the growth of levels of living matter organization. The logics and bases of such approach are presented in the article.

The aim of the article is description of the author's evolutionary conception and periodization of ontogenesis development, which is level periodization. The author used methods of scientific psychological research of the theoretical level: theoretical analysis and synthesis, modeling, triangulation.

Material and methods. The material of the research is works by famous foreign and home scholars psychologists which concern the issue. Methods of scientific psychological research of the theoretical level: theoretical analysis and synthesis, modeling, triangulation are used. The methods were used in the system but the choice of each of them was defined by the ability of the method to establish the reason connection, find out inner structure, motion forces of the development of subjects, processes and relations as well as its ability to correlate with other methods.

Findings and their discussion. The analysis of the history of the issue shows that all the components for level periodization of ontogenesis development are available. The first version of the level periodization was offered by the author in 1981 which testifies to the fact that both historically and contently the situation was ready then.

Conclusion. The developed by the author level periodization of ontogenesis development differs significantly from traditional linear development periodizations. It not only divides human life into age periods but also explains why it should be divided like this. It takes as the basis those levels of organization of matter which refer to human life and concludes about division into age periods.

Key words: periodization, dividing ontogenesis into periods, multi-level periodization, development stages, organization level, hierarchy of levels, phylogenesis, chronology of development, developmental boundaries.

В психологии существуют разные периодизации развития. Уровневой (точнее – многоуровневой) мы будем называть любую периодизацию развития, соотносящую возрастные пе-

риоды с уровнями организации живой материи. Соответственно линейной (точнее – одноуровневой) будет называться каждая периодизация, не связывающая возрастные периоды с уровнями организации материи.

Целью данной статьи является описание авторской эволюционной концепции и периодизации онтогенетического развития, являющейся (пока еще в единственном числе) уровневой периодизацией. Для описания данной концепции необходимо рассмотреть историю проблемы и решить пять задач [1–4]. Первая – это анализ идеи происхождения и развития в трактате Аристотеля. Вторая – это понимание онтогенеза как результата филогенетического развития. Третья – это определение понятия ведущей функции в модели развития Л.С. Выготского. Четвертая – это уровневый анализ периодизаций онтогенетического развития. И, наконец, пятая – это анализ наиболее известных иерархий уровней организации живой материи.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, касающиеся заявленной проблемы. Используются методы научного психологического исследования теоретического уровня: теоретический анализ и синтез, моделирование, триангуляция. Методы применялись в системе, но выбор каждого из них определялся возможностью метода устанавливать причинную связь, выявлять внутреннюю структуру, движущие силы развития предметов, процессов и отношений, а также его способностью вступать во взаимосвязи с другими методами.

Результаты и их обсуждение. 1. Анализ «Трактата о душе» Аристотеля [5] показывает, что в основу его положена идея происхождения: «В последующем всегда содержится в возможности предшествующее». Ее зеркальным отражением является тезис: «Предшествующее является основой последующего». Однако Аристотель идет много дальше. Эволюционную шкалу включения, т.е. накопления «предыдущего в последующем», он делит на две ветви: филогенез и онтогенез. И потому далее оставалось первую представить уровнями организации, а вторую – возрастными периодами, ну и потом соотнести их между собой.

Из этой идеи спустя много веков будущая биология забрала себе ветвь филогенеза и построила эволюционную теорию. В основу ее было положено понятие вида, расширенное позднее до их иерархии. Опираясь на понятия фенотипа, биология начала строить дерево происхождения видов. Психология же, в свою очередь, забрала себе ветвь онтогенеза и начала строить возрастные периодизации развития. Очевидность параллели фило- и онтогенеза, указанная еще Аристотелем, воплотилась в теориях рекапиту-

ляции и, в частности, в биогенетическом законе Геккеля–Мюллера.

2. Согласно последним данным онтогенетическое развитие в определенной степени повторяет развитие филогенетическое. И хотя данная параллель относилась в основном к ранним, преимущественно пренатальным периодам развития, позднее она была перенесена также на постнатальные периоды, но уже с меньшим успехом. История эта закончилась тем, что биогенетический закон был признан ненаучным и отвергнут. Однако проблема соотношения двух видов развития: фило- и онтогенетического – продолжала оставаться предметом исследований, в частности, в трудах А.Н. Северцова.

Почему попытка соотнесения фило- и онтогенеза оказалась неудачной? Дело в том, что само явление параллелизма было обнаружено только в морфологических исследованиях, т.е. не выходило за их пределы. Вместе с тем развитие любого организма не ограничивается рамками одной только морфологии. Чтобы построить периодизацию онтогенеза, явно недостаточно рассматривать только морфологические изменения. Нужно идти по всем уровням организации живой материи. Но биология пошла в последующем в сторону генетического уровня, т.е. в направлении начала онтогенеза, а не его продолжения.

3. Проблема периодизации постнатального онтогенеза была поставлена Л.С. Выготским, который заявил, что психическое развитие имеет свою собственную природу и не сводится к иным формам развития. Однако само психическое развитие он не делил на уровни организации, а потому его идея не нашла дальнейшего продолжения и не смогла повлиять на развитие возрастной психологии.

Наш анализ теории Л.С. Выготского показал [6], что предложенная им формальная периодизация развития относится к категории педагогических, а потому интереса для науки не представляет. Что же касается его теории развития, она остается линейной, т.е. не выходит за пределы одного уровня, хотя и вводит важнейший элемент, без которого уровневая периодизация развития не состоялась бы. Речь идет о понятии ведущей функции развития, которая оплодотворяет собою все остальные, уже существующие психические функции и переводит их на новый этап своего развития. Эта идея была несомненным развитием схемы развития, предложенной Аристотелем, переводя ее в новую плоскость понимания.

4. Линейные периодизации постнатального развития берут свое начало с давних времен. Жизнь человека естественным образом делилась на этапы, и это находило отражение в ее описании. Со временем данные описания достигли вполне научного уровня и смогли стать самостоятельным предметом исследования [7]. Наш анализ концепций и периодизаций развития [8; 9], сделанный на основе книги А. Фламмера [10], показал, что их можно упорядочить следующим образом.

Все начинается с традиционной постановки проблемы в виде системы «субъект–среда», которая перерастает, с одной стороны, в эндогенные теории развития (ранние теории созревания (А. Гезелл, Г. Вернер, А. Буземан) и более поздние вариации) и с другой – в экзогенные теории (ранний бихевиоризм (Б. Скиннер, С. Бижу и Д. Баер, Р. Сир) и более поздние вариации).

Исчерпав возможности системы «субъект–среда», психология развития двинулась в сторону дифференциации психических явлений. Первым направлением было психоаналитическое (З. Фрейд, Э. Эриксон, К. Роджерс и др.), вторым – когнитивное (Ж. Пиаже, Л. Кольберг, К. Фишер, Р. Кейз, Д. Клаар и др.), третьим – направление социализации (Л.С. Выготский, А. Валлон, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, М.И. Лисина и др.), четвертым – социально-экологическое (У. Бронфенбреннер, К.Ф. Ригель, А.В. Петровский и др.), пятым – направление саморазвития (Р. Лернер, личностный контроль развития, критические жизненные события и др.) и шестым – системное направление, пытающееся объединить все стороны развития в одно целое. Слово «пытающееся» является здесь ключевым; оно подчеркивает безнадежность попыток интеграции существующих концепций и периодизаций средствами традиционной психологии. Необходим был выход за ее пределы с последующим возвратом к ней на новой основе [11; 12].

На фоне отсутствия единой концепции и периодизации развития все большую силу и власть набирает эмпирическое направление с выраженными признаками прагматизма. Оно начинается со скромной дефиниции предмета психологии развития через категорию изменения во времени и введения разных характеристик этого изменения [8, с. 25–36]. Потом ставятся простые вопросы: что изменяется? как изменяется? почему изменяется? в каком направлении изменяется? Казалось бы, очень важные и нужные в методическом плане вопросы. Но суть в том, что это направление заявляло и до сих пор заявляет свою самодостаточность, выступая тем самым феноменологическим

направлением, отрицающим какие-либо концепции периодизации.

Проведенный нами анализ названных теорий и периодизаций развития, которые, безусловно, не исчерпывают всего их множества, – свидетельствует о том, что ни одна концепция, ни одна периодизация не берет за основу уровни организации живой материи. Иными словами, ни одна из них не может быть отнесена к категории уровневых. Конечно, в ряде концепций содержатся ссылки, призывы и попытки ввести уровни, но, во-первых, это не уровни организации, во-вторых, это не уровни организации живой материи и, в-третьих, все это не находит воплощения в схеме периодизации развития. Что касается феноменологического направления, то оно вообще выходит за пределы научного понимания мира, отрицая саму необходимость объяснения развития.

5. Проблема соотношения разных уровней организации нервной системы ставилась нейрофизиологами и психиатрами уже в начале XX века (Э. Кречмер, Э. Эдингер и др.). Обращаясь к законам, сформулированным Э. Кречмером [13, с. 285–286], Л.С. Выготский объяснял развитие ребенка на первом году жизни. Правда, все это не вылилось в периодизацию онтогенеза, но представление об уровнях организации, пусть еще только нервной системы, однако уже существовало. Дальнейшее развитие данного направления добавило много новых сведений к представлению о иерархии уровней организации жизни в онтогенезе, но оно все же не замкнулось на постнатальной периодизации развития.

Что касается уровней организации жизни в филогенезе, на протяжении уже сравнительно долгого времени наиболее популярным и официально принятым считается их деление на следующие уровни: атомный, молекулярный, биомолекулярный, органоидный, клеточный, тканевый, органный, системный, организменный, популяционно-видовой, биогеоценотический, экосистемный и биосферный. В основу этой иерархии уровней кладется понятие биосистемы, которая определяется как экосистема, т.е. сообщество живых организмов, среды их обитания и системы связей, осуществляющей обмен веществом и энергией между ними. Иначе говоря, в основе данного деления лежит видовой, филогенетический критерий жизни.

Признавая его право на существование, позволим себе однако не согласиться с ним в пользу онтогенетического критерия. Так, каждый из нас является носителем той жизни, которая возникает в момент зачатия и уходит в момент смер-

ти. Сообщество живых организмов, взятое само по себе, не рождается и не умирает. Оно увеличивается или уменьшается в своей численности по мере рождения или умирания составляющих его особей. Поэтому уровни организации индивидуальной жизни нужно искать не в сообществах индивидов, а в самом индивиде. Тем более, что психология развития изучает не развитие сообществ, а развитие индивидов, из которых последние состоят.

Вместе с тем видовой подход к делению филогенеза на уровни организации жизни позволил четко сформулировать основные требования к построению их иерархии. Согласно этим требованиям, каждый уровень организации должен быть представлен системой определенного типа, которая состоит из подсистем предыдущего уровня и является подсистемой системы уровня, следующего за данным. Отсюда следует, что любая иерархия уровней организации должна быть вполне *плотной*, а потому в каждой паре соседних уровней исключено существование промежуточных уровней.

Подводя итог краткому анализу истории проблемы, нетрудно заметить, что все составляющие для создания уровневой периодизации онтогенетического развития были налицо. Первая версия уровневой периодизации была предложена автором [1] уже в 1981 году, что свидетельствует о том, что как исторически, так и содержательно ситуация в то время уже созрела. Однако не только она определяет развитие науки, но также ее ведущие представители, институты и традиции, называемые словом «парадигма».

Теоретические основы. Целью данного раздела является рассмотрение трех задач. Первая – это анализ уровня организации как причины возрастного периода. Вторая – это построение хронологии и временной метрики онтогенетического развития. И третья – это описание уровневой периодизации онтогенетического развития.

1. Как видно из истории проблемы, уровни организации жизни могут рассматриваться в двух плоскостях: филогенетической и онтогенетической. Первая нас не интересует, потому как в сегодняшнем нашем организме нет той рыбы, которая когда-то вышла на сушу, чтобы стать человеком. Нас будут интересовать исключительно уровни организации нашей индивидуальной жизни. И мы прямо заявляем, что появление каждого нового уровня организации в индивидуальном развитии человека сопровождается новым возрастным периодом его жизни. При этом подчеркиваем, что появление уровня организации выступает причиной, а воз-

растной период является следствием периода. Соответственно, противоположное утверждение будет ложно.

Реализацией этого положения является приведенная ниже таблица 1, в которой даны последовательно: а) порядковый номер уровня организации, равный 1 при зарождении жизни; б) название уровня организации; в) основные признаки уровня; г) формация уровня как его базовый элемент; д) определение формации через формацию предыдущего уровня организации; ж) начальная функция уровня, превращающая предыдущую формацию в последующую; з) объяснение термина, обозначающего начальную функцию; и) возрастной период, соответствующий данному уровню организации; к) начало возраста, в котором происходит переход на новый уровень организации и появляется соответствующий возрастной период.

Каждый из вышеперечисленных возрастных периодов мог бы с полным основанием называться в строгом соответствии с названием уровня организации (например, новорожденность – сенсогенезом), однако для облегчения понимания мы предпочитаем оставаться при существующих названиях возрастных периодов. И далее с учетом того, что каждый из введенных периодов представлен самостоятельным уровнем организации, за которым нет других возрастных периодов, – мы их именуем начальными, т.е. первичными, главными, основными.

Переходя к задаче хронологии и метрики развития, введем сначала понятие квадратной матрицы, столбцы которой представляют уровни организации, а строки – возрастные периоды (таблица 2).

Диагональные клетки «левый верх – правый низ»: $(i-1)/(i-1)$ и i/i – представляют собой реализацию предыдущей задачи, выводящей из каждого нового уровня организации соответствующий возрастной период. Увеличив число столбцов и строк данной матрицы до 11, мы бы уложили в нее весь изложенный материал.

Целью же квадратной матрицы является показать, как соотносятся между собой соседние уровни организации и возрастные периоды. Во-первых, правая верхняя клетка, представленная как $(i-1)/i$, не имеет реального содержания, так как в возрастном периоде $i-1$ не может существовать уровень организации i , как впрочем и большие от него. Отсюда следует, что содержательный смысл могут иметь только клетки матрицы, принадлежащие ее нижнему треугольнику, т.е. находящиеся под диагональю, а верхний треугольник оставался бы пустым, т.е. незадействованным.

Таблица 1 – Эмпирические характеристики перехода от уровней организации к возрастным периодам

№	Уровень организации	Признаки уровня	Формация уровня	Определение формации	Начальная функция	Объяснение функции	Возрастной период	Начало возраста
0	цитологический	клетка как носитель ДНК	гамета	цитологическая конфигурация ДНК	репликация	репродукция ДНК	гаметогенез	—
1	генетический	наследственная система организма	зигота	генетическая конфигурация гамет	рекомбинация	обмен генами	мейоз	0,0 ч.
2	морфологический	соматическая структура организма	ткань	морфологическая конфигурация клеток	конформация	взаимное укладывание	гистогенез	18,7 ч.
3	физиологический	обменные процессы организма	интеракция	физиологическая конфигурация тканей	регуляция	химическое воздействие	эмбриогенез	3,9 дн.
4	интероцептивный	отражение внутренних органов тела	реакция	интероцептивная конфигурация интеракций	иннервация	нервное опосредование	органогенез	2,3 нед.
5	проприоцептивный	отражение скелетно-мышечной системы	рефлекс	проприоцептивная конфигурация реакций	координация	соотнесение органов тела	системогенез	2,2 мес.
6	сенсорный	непосредственное отражение среды	локус*	сенсорная конфигурация рефлексов	локализация	место-нахождение	новорожденность	0,0 мес.
7	перцептивный	образ одного явления на фоне другого	объект	перцептивная конфигурация локусов	идентификация	сопоставление объектов	младенчество	1,6 мес.
8	атрибутивный	свойство объекта А выступать объектом В	ситуация	атрибутивная конфигурация объектов	репрезентация	представление ситуаций	раннее детство	8,1 мес.
9	когнитивный	отображение среды с чужой точки зрения	позиция	когнитивная конфигурация ситуаций	рационализация	обоснование позиций	позднее детство	2,8 лет
10	институциональный	права и обязательства социального субъекта	личность	институциональная конфигурация позиций	персонализация	наделение своим «Я»	взрослость	11,5 лет

* локус (лат. locus) – место; здесь образ точечного объекта, характеризующего местоположением и модальностью

Таблица 2 – Квадратная матрица

Уровни > периоды V	i-1	i
i-1	(i-1)/(i-1)	(i-1)/i
i	i/(i-1)	i/i

Таблица 3 – Раздвоение начального периода

Уровни > периоды V	i-1	i
i-1	(i-1)/(i-1)	
	i1	i/(i-1)=0
i	i2	i/(i-1)=1
		i/i

Во-вторых, левая нижняя клетка матрицы, представленная как $i/(i-1)$ и определяющая структуру возрастного периода i на уровне организации $i-1$, может принимать два значения. Первое – нулевое: суть его состоит в том, что уровень организации i не взаимодействует с уровнем $i-1$. Второе – единичное: уровень организации i взаимодействует с уровнем $i-1$. Представим это в виде следующей матрицы (таблица 3).

Как видим, начальный период i благодаря соответственно отсутствию или присутствию в нем предыдущего уровня организации i , раздваивается на два подпериода i_1 и i_2 . Это правило раздвоения действует однако по отношению не только к начальному периоду, но и к любому его подпериоду при переходе на предыдущий уровень организации.

Расширяя далее число уровней до 5, мы получим формальную периодизацию развития в следующем виде (таблица 4).

Здесь в левом верхнем углу показано, что правая часть таблицы относится к структуре уровней организации каждого периода (v – их новообразования), а левая – к дифференциации возрастных периодов. Что до средней части, она представляет хронологию и метрику развития.

Во-первых, в построении иерархии уровней мы исходили из положения, что добавление каждого нового уровня организации увеличивает длительность нового периода по сравнению с предыдущим. Во-вторых, у нас не было оснований различать между собой соседние переходы между уровнями, а потому все они были приняты за эквидистантные, т.е. равно отстоящие

Таблица 4 – Формальная периодизация развития

Уровни > периоды V		Усл. ед.	Пренат. границы	Постнат. границы	1	2	3	4	5					
1		1	1(0,0ч)	1(0,0м)	v(1,1)									
2		21	2	2(18,7ч)	2(1,6м)	v(1,2)	v(2,1)							
		22	2	3(2,3д)	3(4,9м)	v(1,3)								
3		31	311	4	4(3,9д)	4(8,1м)	v(1,4)	v(3,1)						
			312	4	5(7,0д)	5(1,2г)	v(1,5)							
		32	321	4	6(10,1д)	6(1,8г)	v(1,6)				v(2,3)			
			322	4	7(13,3д)	7(2,3г)	v(1,7)							
4		41	411	4111	8	8(2,3н)	8(2,8г)	v(2,4)	v(3,2)	v(4,1)				
				4112	8	9(3,2н)	9(3,9г)					v(1,9)		
			412	4121	8	10(4,1н)	10(5,0г)					v(1,10)		
				4122	8	11(5,0н)	11(6,1г)					v(1,11)		
		42	421	4211	8	12(5,9н)	12(7,2г)	v(1,12)				v(2,6)		
				4212	8	13(6,8н)	13(8,3г)	v(1,13)						
			422	4221	8	14(7,7н)	14(9,3г)	v(1,14)					v(2,7)	
				4222	8	15(8,6н)	15(10,4г)	v(1,15)						
5		51	511	5111	16	16(2,2м)	16(11,5г)	v(2,8)	v(3,4)	v(4,2)				
				5112	16	17(2,6м)	17(13,7г)					v(1,17)		
				5112	51121	16	18(3,0м)					18(15,8г)	v(1,18)	
			51122		511221	16	19(3,5м)					19(18,0г)	v(1,19)	
					511222	16	20(3,9м)					20(20,2г)	v(1,20)	
			512	5121	51211	16	21(4,3м)					21(22,3г)	v(1,21)	v(2,10)
		51212			16	22(4,7м)	22(24,5г)	v(1,22)						
		5122		51221	16	23(5,1м)	23(26,7г)	v(1,23)				v(2,11)		
				51222	16	24(5,5м)	24(28,8г)	v(1,24)						
				51221	512211	16	25(6,0м)	25(31,0г)					v(1,25)	
					512212	16	26(6,4м)	26(33,1г)					v(1,26)	
		52		521	5211	52111	16	27(6,8м)				27(35,3г)	v(1,27)	v(2,13)
52112	16					28(7,2м)	28(37,5г)	v(1,28)						
5212	52121				16	29(7,6м)	29(39,6г)	v(1,29)						
	52122				16	30(8,0м)	30(41,8г)	v(1,30)						
522	5221			52211	16	31(8,5м)	31(44,0г)	v(1,31)	v(2,15)					
				52212	16	32(8,9м)	32(46,1г)	v(1,32)						
	5222			52221	16	33(9,3м)	33(48,2г)	v(1,33)						
				52222	522221	16	34(9,7м)	34(50,3г)		v(1,34)				
					522222	16	35(10,1м)	35(52,4г)		v(1,35)				

Обозначения: ч – часы, д – дни, н – недели, м – месяцы, г – годы

друг от друга. В-третьих, не было оснований различать периоды соседних уровней на какую-то определенную величину, а потому с учетом равнозначности уровней было принято, что в рамках каждого уровня организации, множителем, увеличивающим длительность периода, является число 2. Из этого следует, что длительности соседних начальных периодов связаны между собой пропорцией 1:4.

В столбце «Усл. ед.», т.е. «условные единицы», представлена длительность каждого возрастного периода в условных единицах, где единицей измерения является длительность начального периода первого уровня. Соответственно, для двух уровней организации получаем 2 единицы, для трех – 4, для четырех – 8 и для пяти – 16. Это, собственно, и есть исходная возрастная шкала, опирающаяся на условные единицы происходящих изменений (об этом писал Л.С. Выготский, критикуя существующие периодизации).

Чтобы привести эту условную возрастную шкалу к хронологической метрике, выраженной в единицах атомных часов, которыми мы привыкли пользоваться, нужно определить значение условной единицы. Для пренатального возраста имеем пять уровней, что соответствует приведенной формальной периодизации. Число условных единиц длительности, составляющих этот период жизни, равно сумме значений в столбце «условные единицы», т.е. 341 усл. ед. Пренатальный период, от момента зачатия до появления на свет, составляет 266 дней. Теперь остается поделить длительность пренатального возраста в единицах атомных часов на число условных возрастных единиц и получить длительность одной единицы: $p=266/341=0,78$ дня. Следующим шагом можно определить длительность отдельного возрастного периода путем умножения полученного значения условной единицы длительности на число составляющих его единиц. И, наконец, последним шагом является постепенное суммирование этих хронологических значений, дающее искомые возрастные границы, представленные в столбце «Пренат. границы», т.е. «пренатальные возрастные границы».

То же самое повторим для постнатального возраста. Число составляющих его уровней организации также принимаем за 5 (пренатальные уровни организации во внимание не берутся). Исходной точкой на временной шкале является здесь акт рождения ребенка. В качестве завершающей точки на временной шкале может быть взят только возраст перехода от детства к взрослости: 11,5 лет, потому что конец взрослости не поддается определению на шкале времени. Теперь остается поделить временную длительность детства на чис-

ло условных единиц для четырех уровней, равное 85, и получить длительность одной условной единицы: $p=4140/85=48,7$ дня=1,62 мес. Следующим шагом можно определить длительность отдельного возрастного периода путем умножения полученного значения условной единицы длительности на число составляющих его единиц. И, наконец, окончательным шагом является постепенное суммирование этих хронологических значений, дающее искомые возрастные границы, представленные в столбце «Постнат. границы», т.е. «постнатальные возрастные границы».

В заключение темы хронологии подчеркнем два важных обстоятельства. Первое состоит в том, что периодизация онтогенеза в нашем изложении состоит из двух периодизаций: пренатальной и постнатальной, – хотя сама иерархия уровней и общая, и непрерывная. Этот факт можно отнести к недостаткам периодизации, однако мы не видим возможности объединить их в одну. Вполне возможно, что такого объединения вообще не должно существовать. Данный факт можно отнести также к особенностям перехода от пренатального развития к постнатальному, связанного с завершением системогенеза, в котором морфологические и физиологические изменения занимали довольно много времени, а в сенсогенезе (новорожденность), перцептогенезе (младенчество) и в следующих возрастах отходят на задний план. Такое предположение нам представляется более правдоподобным.

Второе обстоятельство касается хронологических границ онтогенеза, вычисленных на базе эмпирических данных, но теоретическим путем. Если бы эти данные были результатом эмпирического исследования, мы, безусловно, дали бы статистическую оценку вариативности средних значений. Однако представленные нами теоретические значения границ – это только кандидаты на средние арифметические значения, а потому вариативность конкретных значений может оцениваться только как теоретическая, т.е. аккумулирующаяся как при переходе от каждого начального периода к следующему, так и внутри начальных периодов.

Следующей, третьей задачей этого раздела является представление содержания уровневой периодизации онтогенетического развития, опирающейся на изложенные выше результаты. Это значит, что формальную периодизацию развития нужно наполнить содержанием конкретных уровней организации и возрастных периодов (таблица 5).

В представленной таблице содержательная периодизация онтогенетического развития дана в сокращении по причине нехватки места

Таблица 5 – Содержательная периодизация развития

НОМЕР	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
УРОВЕНЬ	цитологический	генетический	морфологический	физиологический	интерцептивный	проприоцептивный	сенсорный	перцептивный	атрибутивный	когнитивный	институциональный
ФОРМАЦИЯ	гамета	зигота	ткань	интеракция	реакция	рефлекс	локус	объект	ситуация	позиция	личность
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
0:	о/1: репликация										
1:	о/2: конъюгация	1/1: рекомбинация									
	о/3: кроссинговер										
2:	о/4: ...	1/2: сегментация	2/1: конформация								
		1/3: агрегация									
3:		1/4: ...	2/2: аккомодация	3/1: регуляция							
			2/3: асимметрия								
4:			2/4: ...	3/2: аферентация	4/1: иннервация						
						3/3: эферентация					
5:				3/4: ...	4/2: акцептация	5/1: координация					
							4/3: мотивация				
6: новорожденность					4/4: ...	5/2: ориентация	6/1: локализация				
								5/3: навигация			

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
7: младен- чество						5/4: ...	6/2: узна- вание 6/3: повто- рение	7/1: идентифи- фикация				
							6/4: пони- мание 6/5: адре- сация 6/6: ими- тация 6/7: заме- щение 6/8: ...	7/2: сигнифи- кация 7/3: символи- зация 7/4: апер- цепция 7/5: вооб- ражение 7/6: отоб- ражение 7/7: мыш- ление 7/8: авто- номизация 7/9: perso- нификация 7/10: само- ориентация 7/11: самоде- терминация 7/12: само- осознание 7/13: само- отношение 7/14: само- подтверж- дение 7/15: само- совершенство- вание	8/1: репрезен- тация			
8: раннее детство									8/2: осознание			
									8/3: ин- теллект	9/1: рациона- лизация		
9: позднее детство												
10: взрослость									8/4: самовы- деление	9/2: самоакту- ализация		
									8/5: самоопре- деление			
									8/6: само- утверж- дение		10/1: персона- лизация	
										9/3: самореа- лизация		
										8/7: само- развитие		

для ее развернутого вида. Как видим, в верхних строках (заголовок таблицы) заданы номера и названия уровней организации, а также названия их формации. В первом столбце, тоже заголовочном, поданы номера, названия начальных возрастных периодов и их начало. По диагонали таблицы поданы номера и названия начальных функций развития. Из отсутствующих выше материалов в данную таблицу введены номера и названия ведущих функций, которыми представлены начальные функции развития на нескольких предыдущих уровнях. Соответственно, по сравнению с таблицей 4, дифференциация начальных возрастных периодов только обозначена. Дальнейшее изложение восполнит это содержание.

Конфигурация уровней и структура начальных периодов. Заложив исходную базу уровневой периодизации развития, нам остается лишь конкретизировать зависимость структуры каждого начального возрастного периода от конфигурации уровней, определяющей каждый его подпериод.

1-й, *генетический*, уровень организации следует за *цитологическим*. Его основу составляет генетическая интеграция цитологических систем, представленная формацией *гамета*, в генетическую систему, представленную формацией *зигота*. Этот процесс называется начальной функцией – *рекомбинация*, суть которой состоит в построении генетических связей в структуре зиготы. Генетическому уровню организации соответствует начальный период, называемый *мейоз* (возраст 0,0 часа).

На цитологическом уровне функция *рекомбинация* представлена: в первой половине мейоза – ведущей функцией *конъюгация*, когда цитологические системы еще не аффилированы в генетические (возраст 0,0 часа), а во второй половине – функцией *кроссинговер*, когда аффилиация уже наступила и цитологические системы взаимодействуют с генетическими (возраст 9,4 часа).

2-й, *морфологический*, уровень организации следует за *генетическим*. Его основу составляет морфологическая интеграция генетических систем, представленная формацией *зигота*, в морфологическую систему, представленную формацией *клеточная ткань*. Этот процесс называется начальной функцией *конформация*, суть которой состоит в построении морфологических связей в структуре ткани. Морфологическому уровню организации соответствует начальный период, называемый *гистогенез* (возраст 18,7 часа).

На генетическом уровне функция *конформация* представлена: в первой половине гистогенеза – ведущей функцией *сегментации*, ког-

да генетические системы еще не аффилированы в морфологические (возраст 18,7 часа), а во второй половине – функцией *агрегации*, когда аффилиация уже наступила и генетические системы взаимодействуют с морфологическими (возраст 2,3 дня).

3-й, *физиологический*, уровень организации следует за *морфологическим*. Его основу составляет физиологическая интеграция морфологических систем, представленная формацией *клеточная ткань*, в физиологическую систему, представленную формацией *интеракция*. Этот процесс называется начальной функцией – *регуляция*, суть которой состоит в построении физиологических связей в структуре интеракции. Физиологическому уровню организации соответствует начальный период, называемый *эмбриогенез* (возраст 3,9 дня).

На морфологическом уровне функция *регуляция* представлена: в первой половине эмбриогенеза – ведущей функцией *аккомодация*, когда морфологические системы еще не аффилированы в физиологические (возраст 3,9 дня), а во второй половине – функцией *ассимиляции*, когда аффилиация уже наступила и морфологические системы взаимодействуют с физиологическими (возраст 10,1 дня).

4-й, *интероцептивный*, уровень организации следует за *физиологическим*. Его основу составляет интероцептивная интеграция физиологических систем, представленная формацией *интеракция*, в интероцептивную систему, представленную формацией *реакция*. Этот процесс называется начальной функцией *иннервация*, суть которой состоит в построении интероцептивных связей в структуре реакции. Интероцептивному уровню организации соответствует начальный период, называемый *органогенез* (возраст 2,3 нед.).

На физиологическом уровне функция *иннервация* представлена: в первой половине органогенеза – ведущей функцией *афферентация*, когда физиологические системы еще не аффилированы в интероцептивные (возраст 2,3 нед.), а во второй половине – функцией *эфферентация*, когда аффилиация уже наступила и физиологические системы взаимодействуют с интероцептивными (возраст 5,9 нед.).

5-й, *проприоцептивный*, уровень организации следует за *интероцептивным*. Его основу составляет проприоцептивная интеграция интероцептивных систем, представленная формацией *реакция*, в проприоцептивную систему, представленную формацией *рефлекс*. Этот процесс называется начальной функцией – *координация*, суть которой состоит в построении проприоцептивных связей в структуре рефлекса. Проприоцептивному

уровню организации соответствует начальный период, называемый *системогенез* (возраст 2,2 мес.).

На интероцептивном уровне функция координация представлена: в первой половине системогенеза – ведущей функцией *акцептация*, когда интероцептивные системы еще не аффилированы в проприоцептивные (возраст 2,2 мес.), а во второй половине – функцией *мотивация*, когда аффилиация уже наступила и интероцептивные системы взаимодействуют с проприоцептивными (возраст 5,5 мес.).

6-й, *сенсорный*, уровень организации следует за *проприоцептивным*. Его основу составляет сенсорная интеграция проприоцептивных систем, представленных формацией *рефлекс*, в сенсорную систему, представленную формацией *локус*. Этот процесс называется начальной функцией *локализация*, суть которой состоит в построении сенсорных связей в образе локуса как точечного объекта. Сенсорному уровню организации соответствует начальный период, называемый *новорожденность* (возраст 0,0 мес.).

На проприоцептивном уровне функция локализация представлена: в первой половине новорожденности – ведущей функцией *ориентация*, когда проприоцептивные системы еще не аффилированы в сенсорные (возраст 0,0 мес.), а во второй половине – функцией *навигация*, когда аффилиация уже наступила и проприоцептивные системы взаимодействуют с сенсорными (возраст 0,8 мес.).

7-й, *перцептивный*, уровень организации следует за *сенсорным*. Его основу составляет перцептивная интеграция сенсорных систем, представленных формацией *локус*, в перцептивную систему, представленную формацией *объект*. Этот процесс называется начальной функцией *идентификация*, суть которой состоит в построении перцептивных связей в образе объекта. Перцептивному уровню организации соответствует начальный период, называемый *младенчество* (возраст 1,6 мес.).

На сенсорном уровне функция идентификация представлена: в первой половине младенчества – ведущей функцией *узнавание*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 1,6 мес.), а во второй половине – функцией *повторение*, когда аффилиация уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 4,9 мес.).

8-й, *атрибутивный*, уровень организации следует за *перцептивным*. Его основу составляет атрибутивная интеграция перцептивных систем, представленных формацией *объект*, в атрибутивную систему, представленную формацией *ситуация*. Этот процесс называется начальной функцией *репрезентация*, суть которой состоит в построении атрибутивных связей в познавательной ситуации индивида.

Атрибутивному уровню организации соответствует начальный период, называемый *раннее детство* (возраст 8,1 мес.).

На перцептивном уровне функция *репрезентация* представлена: в первой половине раннего детства – ведущей функцией *сигнификация*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 8,1 мес.), а во второй половине – функцией *символизация*, когда аффилиация уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 1,8 года).

На сенсорном уровне функция *сигнификация* представлена: в первой четверти раннего детства – ведущей функцией *понимание*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 8,1 мес.), а во второй половине – функцией *адресация*, когда аффилиация уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 1,2 года).

На сенсорном уровне функция *символизация* представлена: в третьей четверти раннего возраста – ведущей функцией *имитация*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 1,8 года), а в четвертой четверти – функцией *замещение*, когда аффилиация уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 2,3 года).

9-й, *когнитивный*, уровень организации следует за *атрибутивным*. Его основу составляет когнитивная интеграция атрибутивных систем, представленных формацией *ситуация*, в когнитивную систему, представленную формацией *позиция*. Этот процесс называется начальной функцией *рационализация*, суть которой состоит в построении когнитивных связей в познавательной позиции индивида. Когнитивному уровню организации соответствует начальный период, называемый *позднее детство* (возраст 2,8 года).

На атрибутивном уровне функция *рационализация* представлена: в первой половине позднего детства, называемой *дошкольный возраст*, – ведущей функцией *осознание*, когда атрибутивные системы еще не аффилированы в когнитивные (возраст 2,8 года), а во второй половине, называемой *младший школьный возраст*, – функцией *интеллект*, когда аффилиация уже наступила и атрибутивные системы взаимодействуют с когнитивными (возраст 7,2 года).

На перцептивном уровне функция *осознание* представлена: в первой половине дошкольного возраста – ведущей функцией *аперцепция*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 2,8 года), а во второй по-

ловине – функцией *воображение*, когда *аффилиация* уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 5,0 года).

На сенсорном уровне функция *аперцепция* представлена: в первой четверти дошкольного возраста – ведущей функцией *дислокация*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 2,8 года), а во второй четверти – функцией *диспозиция*, когда *аффилиация* уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 3,9 года).

На сенсорном уровне функция *воображение* представлена: в третьей четверти дошкольного возраста – ведущей функцией *реконструкция*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 5,0 года), а в четвертой четверти – функцией *интерпретация*, когда *аффилиация* уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 6,1 года).

На перцептивном уровне функция *интеллект* представлена: в первой четверти *младшего школьного возраста* – ведущей функцией *отображение*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 7,2 года), а во второй четверти – функцией *мышление*, когда *аффилиация* уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 9,3 года).

На сенсорном уровне функция *отображение* представлена: в первой четверти *младшего школьного возраста* – ведущей функцией *конкретизация*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 7,2 года), а во второй четверти – функцией *систематизация*, когда *аффилиация* уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 8,3 года).

На сенсорном уровне функция *мышление* представлена: в третьей четверти *младшего школьного возраста* – ведущей функцией *абстрагирование*, когда сенсорные системы еще не аффилированы в перцептивные (возраст 9,3 года), а в четвертой четверти – функцией *концептуализация*, когда *аффилиация* уже наступила и сенсорные системы взаимодействуют с перцептивными (возраст 10,4 года).

10-й, *институциональный*, уровень организации следует за *когнитивным*. Его основу составляет институциональная интеграция когнитивных систем, представленная *формацией позиция*, в институциональную систему, представленную *формацией личность*. Этот процесс называется начальной функцией *персонализация*, суть которой состоит в построении институциональных связей

в личности индивида. Институциональному уровню организации соответствует начальный период, называемый *взрослостью* (возраст 11,5 года).

На когнитивном уровне функция *персонализация* представлена: в первой половине *взрослости* – ведущей функцией *самоактуализация*, когда когнитивные системы еще не аффилированы в институциональные (возраст 11,5 года), а во второй половине – функцией *самореализация*, когда *аффилиация* уже наступила и когнитивные системы взаимодействуют с институциональными (возраст 28,8 года).

На атрибутивном уровне функция *самоактуализация* представлена: в первой четверти *взрослости*, называемой *юношеский возраст*, – ведущей функцией *самовыделение*, когда атрибутивные системы еще не аффилированы в когнитивные (возраст 11,5 года), а во второй четверти, называемой *ранняя взрослость*, – функцией *самоопределение*, когда *аффилиация* уже наступила и атрибутивные системы взаимодействуют с когнитивными (возраст 20,2 года).

На перцептивном уровне функция *самовыделение* представлена: в первой половине *юношеского возраста* – ведущей функцией *автономизация*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 11,5 года), а во второй половине – функцией *персонификация*, когда *аффилиация* уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 15,8 года).

На перцептивном уровне функция *самоопределение* представлена: в первой половине *ранней взрослости* – ведущей функцией *самориентация*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 20,2 года), а во второй половине – функцией *самодетерминация*, когда *аффилиация* уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 24,5 года).

На атрибутивном уровне функция *самореализация* представлена: в третьей четверти *взрослости*, называемой *средняя взрослость* – ведущей функцией *самоутверждение*, когда атрибутивные системы еще не аффилированы в когнитивные (возраст 28,8 года), а в четвертой четверти, называемой *поздняя взрослость*, – функцией *саморазвитие*, когда *аффилиация* уже наступила и атрибутивные системы взаимодействуют с когнитивными (возраст 37,5 года).

На перцептивном уровне функция *самоутверждение* представлена: в первой половине *средней взрослости* – ведущей функцией *самосознание*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 28,8 года),

а во второй половине – функцией *самоотношения*, когда аффилиация уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 33,1 года).

На перцептивном уровне функция *саморазвития* представлена: в первой половине поздней взрослости – ведущей функцией *самоподтверждение*, когда перцептивные системы еще не аффилированы в атрибутивные (возраст 37,5 года), а во второй половине – функцией *самосовершенствование*, когда аффилиация уже наступила и перцептивные системы взаимодействуют с атрибутивными (возраст 41,8 года).

Инволюция уровней и период старения. Хотя слово «генез» и переводится как «развитие», само понятие онтогенеза включает в себя весь возрастной период, заключенный между зачатием и смертью. Поэтому мы делим его на период развития и период инволюции. Что представляет собой период развития, было показано выше. Чем является период инволюции, догадаться не трудно. Инволюция – это не что иное, как распад уровней организации, а потому как бы возвращение к прежним возрастным периодам.

Понятно, что регрессивный ход изменений не возвращает прежние возраста, а только частично воспроизводит их внешний облик. Развитие в них совершается в обратном направлении, а потому мы имеем дело с процессами увядания, а не роста. Собственно, именно это и называется старением. Его причиной является не столько невозможность развиваться дальше, обусловленная какими-либо факторами (это был бы самый лучший вариант старости), а прежде всего невозможность удержаться на достигнутом ранее уровне организации и в достигнутом возрастном периоде.

Более того, если их распад совершается не строго в обратной последовательности, а происходит в порядке, так или иначе отклоняющемся от обратного хода развития, тогда мы говорим уже не о старении, а о инволюции патологического характера, связанной с разного рода болезнями. Однако на этой теме мы не будем задерживаться, так как она не имеет собственной природы, а производна от законов развития.

Заключение. Изложенная выше уровневая периодизация онтогенетического развития существенно отличается от традиционных, линейных периодизаций развития. Она не только делит

жизнь человека на возрастные периоды, но и объясняет, почему ее нужно делить именно таким образом. Она берет за основу те уровни организации материи, которые относятся к жизни человека, и из них выводит деление на возрастные периоды. Она может показаться непривычной, слишком простой или слишком сложной, но суть дела не в этом. Нас не должно интересовать, какой она может показаться (глыба традиций висит над нами и мешает думать самостоятельно) – нам должно быть важно, чтобы она была правильной [14]. И если бы Аристотель пришел к ней в свое время, история развития психологии имела бы, возможно, совершенно иной облик, а сегодняшняя психология разительно отличалась от существующей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карандашев, Ю.Н. Как дети понимают взрослых / Ю.Н. Карандашев. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 208 с.
2. Karandaschew, Ju. Lebensspannenpsychologie: Theoretische Einfuehrung, Oder das funktional-stadiale Modell der psychischen Entwicklung des Menschen / Ju. Karandaschew. – Luebeck: Hansisches Verlagskontor, 1993. – 134 с.
3. Карандашев, Ю.Н. Эволюционная концепция и периодизация онтогенетического развития / Ю.Н. Карандашев. – Бельско-Бяла: Карандашев, 2013. – 110 с.
4. Karandashev, Yu. Ewolucyjna koncepcja i periodyzacja rozwoju ontogenetycznego / Ju. Karandaschew. – Bielsko-Biala: Karandashev, 2013. – 110 с.
5. Karandashev, Yu. Traktat O duszy. Rozwój czy pochodzenie? / Ju. Karandaschew // Horyzonty psychologii. – Wydawnictwo: Wyższa Szkoła Ekonomiki i Innowacji w Lublinie, 2012. – Tom II. – С. 57–73.
6. Karandashev, Yu. Metateoria rozwoju L.S. Wygotskiego: opis formalny / Ju. Karandaschew // Horyzonty psychologii. – Wydawnictwo: Wyższa Szkoła Ekonomiki i Innowacji w Lublinie, 2012. – Tom 1, nr 1. – С. 37–60.
7. Liberska, H. Teorie rozwoju psychicznego / H. Liberska // Psychologia rozwoju człowieka / red. J. Trempała. – Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2011. – С. 71–126.
8. Карандашев, Ю.Н. Психология развития: учеб. пособие / Ю.Н. Карандашев. – Минск: Карандашев, 1997. – Ч. 1: Введение. – 240 с.
9. Карандашев, Ю.Н. Психология развития / Ю.Н. Карандашев. – Минск: Карандашев, 1987. – Ч. 2: Общая теория систем. – 224 с.
10. Flammer, A. Entwicklungstheorien: Psychologische Theorien der menschlichen Entwicklung / A. Flammer. – Bern-Goettingen-Toronto-Seattle, 1988. – 358 с.
11. Карандашев, Ю.Н. Развивающиеся роботы будущего / Ю.Н. Карандашев. – Минск: Выш. шк., 1989. – 256 с.
12. Карандашев, Ю.Н. Диагностика нервно-психического развития в раннем детстве / Ю.Н. Карандашев, Ю. Ховер. – Минск: Карандашев, 2003. – 304 с.
13. Выготский, Л.С. Собрание сочинений / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4: Детская. – 432 с.
14. Карандашев, Ю.Н. Предмет, содержание и структура психологической науки / Ю.Н. Карандашев // Психосфера / Е.Е. Сапогова (ред.). – Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. – Вып. 6. – С. 49–65.

Поступила в редакцию 09.03.2016 г.

Становление профессиональной идентичности: новая полиция в Украине

Посохова Я.С.

Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина

В современных условиях комплексной модернизации системы органов внутренних дел Украины актуализировалась проблема создания соответствующих предпосылок преодоления кризиса идентичности будущих полицейских.

Цель данной научной работы – изучение показателей личностной и социальной идентичности патрульных полицейских, благодаря чему можно распознать первые признаки разлада человека с собой и со своим социальным окружением.

Материал и методы. В исследовании принимали участие слушатели курсов первичной профессиональной подготовки патрульной полиции Украины в количестве 270 человек. Нами был использован опросник «Определения уровня личностной и социальной идентичности» А.А. Урбановича, который состоит из 96 вопросов и 8 шкал. Был осуществлен анализ личностной и социальной идентичности по следующим позициям: служба, материальное положение, внутренний мир, здоровье, семья, отношения с окружающими, будущее, я и общество, в котором живу.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о готовности будущих патрульных полицейских взаимодействовать с окружающими, уметь слушать, помогать и уважать людей, что необходимо для поддержания порядка и общественной безопасности. Личностная идентичность выражена в умении совмещать профессиональную деятельность с личной жизнью, отмечена также тенденция к развитию внутреннего мира и поддержанию физического здоровья, что определяет гармоничность личности этих испытуемых. В то же время было выявлено, что проявления социальной идентичности преобладают над проявлениями личностной идентичности.

Заключение. Необходимы психологическое сопровождение и спецификация формирующих воздействий в системе подготовки патрульного полицейского как одного из представителей правоохранительной функции государства на базе специализированных центров.

Ключевые слова: социальная и личностная идентичность, слушатели, трансформация, идентификация, личность.

Shaping Professional Identity: New Police in Ukraine

Posokhova Y.S.

Kharkiv National University of Internal Affairs, Ukraine

Modern conditions of complex modernization of the system of law enforcement authorities of Ukraine actualized the issue of creating the appropriate prerequisites for overcoming the identity crisis of would-be police officers.

The purpose of the scientific work is to reveal the level of personality and social identity with the help of which it is possible to identify first signs of the person's disagreement with himself and his social environment.

Material and methods. The study was designed to investigate particularities of personality and social identity of students of primary vocational training of the patrol police of Ukraine. The sample consisted of three subsamples: with low, middle and high level of the identity, in general 270 subjects. We used the questionnaire "Determination of the level of personal and social identity" by A.A. Urbanovich which consisted of 96 questions and 8 scales. We carried out analysis of personal and social identity in the positions: work, financial situation, inner peace, health, family, relationships, future, Me and the society where I live.

Findings and their discussion. The findings indicate readiness of would-be patrol officers interact with others, the ability to listen, help and respect people that it is necessary to maintain order and public safety. The personal identity is expressed in the ability to combine professional work with personal life, as well as the tendency to develop inner peace and the maintenance of physical health that determines the harmony of the personality of the subjects. At the same time, it was revealed that the manifestations of social identity prevail over manifestations of personal identity.

Conclusion. There is the need for psychological support and specification of the forming influences in the training of patrol police, as one of the representatives of the law enforcement functions of the state on the basis of specialized psychological centers.

Key words: social and personality identity, cadets, transformation, identification, personality.

Интерес к проблеме профессиональной идентичности в современной психологической науке неуклонно возрастает и приобретает особую актуальность, поскольку стремительно изменяющиеся социально-экономические условия диктуют новые требования к подготовке спе-

циалистов. Претерпевшая за последние два года серьезные преобразования система правоохранительных органов Украины предоставила психологам практически уникальную возможность наблюдать процессы становления таких феноменов, как профессиональное сознание, профессиональная идентичность, профессиональная компетент-

ность в условиях естественного эксперимента и практически «с чистого листа».

12 января 2015 г. Президент Украины Указом № 5/2015 утвердил «Стратегию устойчивого развития “Украина – 2020”», которая является основным инструментом достижения целей устойчивого развития в будущем для Украины и представляет собой программный документ долгосрочного действия, основанный на современных международных принципах сосуществования человечества и окружающей среды. В «Стратегии...» определяется цель, задачи и приоритетные направления поступательного развития украинского общества на пути к обеспечению сбалансированности экономических, социальных и экологических факторов на основе создания действенных механизмов защиты конституционных прав и свобод человека, формирования гражданского общества, обеспечения в нем политической стабильности и взаимопонимания.

Ради этого движение вперед будет осуществляться по многим направлениям, но одним из важнейших векторов данного пути является реформирование правоохранительных органов Украины. Цель государственной политики в этой сфере – корректировка задач и функций правоохранительных органов, внедрение новых принципов прохождения службы, новых критериев оценки работы правоохранителей для повышения уровня защиты прав и свобод человека, а также интересов общества и государства от противоправных посягательств.

Согласно «Стратегии...» [1] необходимо обеспечить прозрачную систему конкурсного отбора лиц на должности, создать новую систему аттестации персонала органов правопорядка, изменить подходы к подготовке работников этих органов, что должно способствовать изменению их отношения к выполнению служебных обязанностей, обеспечению, прежде всего, безопасности каждой личности, ее личных и имущественных прав, общественных и государственных интересов.

Согласно ст. 52 закона Украины «О Национальной полиции» конкурс на службу в полиции обязательно проводится среди лиц, которые впервые принимаются на службу в полицию с назначением на должности младшего состава полиции. В результате проводимых реформ, провозглашенной целью которых является полная «перезагрузка» дискредитовавшей себя системы милиции, полиция Украины, и в частности ее патрульная служба, пополнилась многочисленными свежими кадрами. Так, среди новых патрульных полицейских – люди раз-

ных профессий: бывшие строители, предприниматели, юристы, архитекторы, ветеринары, технологи и обладатели степени MBA, прошедшие в течение двух с половиной месяцев специальную подготовку. Всех их объединяет стремление бороться с коррупцией и найти себя в другой профессиональной деятельности. И все они находятся в процессе профессионального становления. Причем для большинства из них речь будет идти о вторичной (а для некоторых и более) профессионализации и, соответственно, о процессах формирования новой профессиональной идентичности.

Разработке теоретических и методологических основ психологического обеспечения функционирования органов внутренних дел Украины посвящены научные работы А.М. Бандурки, А.К. Бессмертного, А.С. Васильева, Е.В. Землянкой, А.Т. Комзюка, А.В. Негодченко, А.И. Остапенко, В.М. Плишкина, А.П. Рябченко, В.К. Шкарупы и др.

Спектр проблем, которые рассматриваются учеными в связи с данной тематикой, очень широк. Так, например, влияние на самосознание последствий социальных перемен и ситуации неопределенности изучали Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, С.А. Коначева, Н.М. Лебедева, Е.Г. Луковицкая, С.П. Поцелуев, Т.Г. Стефаненко, Т. Sarbin и другие. Проблема социальной идентичности в современной отечественной и зарубежной психологии представлена как один из ключевых моментов психологии социального познания (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Г.Я. Миненков, Е.Т. Соколова, Л.М. Дробижина, В.А. Ядова, S. Hitlin, J. Deschamps, T. Devos, R. Jenkins, H. Tajfel и другие).

Наиболее признанной теорией социальной идентичности является теория Н. Tajfel, в которой отображены общепсихологические, социально-психологические и когнитивистские направления изучения данного феномена. Главной идеей теории является заключение автора о том, что при реальном взаимодействии с другими группами идентичность может проявляться в пределах четырех континуумов: когнитивного, поведенческого, аттитюдов, убеждений. Н. Tajfel говорит, что, с одной стороны, локализованы формы межличностного взаимодействия, т.е. наблюдается актуализация личностной идентичности, а с другой – происходит взаимодействие людей как представителей определенных общностей, соответственно наблюдается актуализация социальной идентичности. Автор акцентирует внимание на стремлении человека достигать позитивной самооценки

коротким путем, поэтому он будет стремиться наладить межгрупповые отношения. Таким образом, в различных ситуациях один и тот же человек может вести себя либо как личность, либо как член группы. Согласно теории социальной идентичности Н. Tajfel, через групповое членство человек реализует базальную потребность в самопризнании и самоуважении.

Исследователь М. Яромовиц рассматривала социальную и личностную идентичность как два взаимоисключающих понятия. Для эмпирического изучения личностной и социальной идентичности она разработала специальный «Опросник социальной перцепции» («Questionnaire of Social Perception»). Психолог предположила, что низкий уровень отличий «Я» от «Мы» свидетельствует о недостаточно развитой способности человека осознавать нужды, состояния и цели других «Они», и, наоборот, наличие способности осознавать потребности и цели членов аутгрупп предполагает развитие умения дифференцировать себя от членов собственной ингруппы. Поэтому, по мнению исследователя, формирование социальной и личностной идентичности необходимо для формирования способности переключения внимания индивида с одной перспективы на другую [2].

Как считает И.А. Бешта, идентичность – это сложная динамическая структура, которая формируется, развивается и трансформируется в зависимости от окружающей среды в течение всей жизни человека. Автор попытался установить соотношение понятий «социальная» и «личностная» идентичность, определить место и значение личностной и социальной идентичности в структуре идентичностей и их иерархическую структуру. И.А. Бешта, анализируя работы современных авторов, которые исследуют феномен идентичности, обнаружил, что большинство из них разделяет понятия «идентичность» и «идентификация». По мнению ученого, под идентичностью подразумевается некоторая данность относительно конечного результата самоотождествления личности, а идентификация рассматривается как определенный процесс, который ведет к самоотождествлению [3].

Установление своей идентичности в профессиональной деятельности, согласно концепции Е. Эриксона, – важнейшая задача. Однако следует помнить, что процесс профессионального самоопределения не заканчивается выбором профессии в юношеском возрасте, а продолжается в течение всей профессиональной жизни человека. Личность одновременно является членом различных социальных групп, что позволяет рассматривать социальную идентичность как многокомпонентный феномен. Безусловно, ее структу-

ра не исчерпывается перечисленными в данном исследовании компонентами [4].

Следует отметить, что в современной психологии наблюдается отказ от жесткого противопоставления социальной и личностной идентичности, указывается на их общее социальное происхождение, схожесть механизмов формирования и изменения. Ученые подчеркивают, что установление своей идентичности в профессиональной деятельности является существенным фактором в функционировании человека.

Формирование профессиональной идентичности – залог эффективной деятельности и гармоничного развития личности специалиста. Становление профессиональной идентичности полицейского в условиях трансформационного общества требует особого внимания исследователей, учитывая повышенную интенсивность и сложность этого процесса.

Цель данной научной работы – изучение показателей личностной и социальной идентичности патрульных полицейских, благодаря чему можно распознать первые признаки разлада человека с собой и со своим социальным окружением.

Личностную идентичность следует понимать как самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида; под социальной идентичностью мы понимаем самоопределение в терминах отношения себя к определенной социальной группе. Личность стремится к сохранению позитивной идентичности. Ее наличие способствует восприятию окружающего мира как более стабильного, надежного, справедливого, сбалансированного. Напротив, утрата позитивной идентичности дезорганизует внутренний мир человека. Возникает дисгармония образа своего «Я» и образа окружающего мира, что препятствует адекватному поведению в этом мире. Особенно массовый характер данные процессы приобретают в условиях радикальной социальной трансформации. Ответом человеческой психики на резкие изменения в социальном мире является кризис идентичности [5].

Материал и методы. В исследовании принимали участие слушатели курсов первичной профессиональной подготовки патрульной полиции Украины в количестве 270 человек. Нами был использован опросник «Определения уровня личностной и социальной идентичности» А.А. Урбановича, который состоит из 96 вопросов и 8 шкал. Был осуществлен анализ личностной и социальной идентичности по следующим позициям: служба, материальное положение, внутренний мир, здоровье, семья, отношения с окружающими, будущее, я и общество, в котором

живу. Все испытуемые патрульные полицейские были нами распределены по трем группам – с низким, средним и высоким уровнями показателя идентичности.

Результаты и их обсуждение. По шкале «Служба» более трети испытуемых – 39% – могут быть отнесены к высокому уровню, 45% – к среднему уровню, то есть они имеют четкое представление о сути, целях и перспективах своей работы. Слушатели убеждены, что служба может помочь им в достижении своих жизненных целей. Они имеют желание служить в сфере правоохранительной деятельности через 5–10 лет, а также обладают необходимыми знаниями, чтобы данная деятельность в ближайшие годы отвечала их личным потребностям. Исследуемые достаточно мотивированы, уравновешены. По их мнению, работа соответствует материальным запросам и духовным интересам личности патрульного полицейского. Опрашиваемые осознают социальную значимость и необходимость своей службы. По данной шкале 16% испытуемых характеризуются низким уровнем показателя, который может свидетельствовать о том, что их идентификация себя как правохранителя находится еще на стадии формирования и интериоризации.

По шкале «Мое материальное положение» было выявлено, что значительное количество (34% испытуемых высокого уровня) и (40% респондентов среднего уровня) имеют четкое представление о своем нынешнем материальном положении, способны придерживаться рамок личного бюджета. Можно сказать, что у патрульных полицейских потребности и возможности личности оптимизированы и уравновешены. Они максимально целеустремленные, активные и настойчивые в улучшении своего материального положения за счет выполнения на высоком уровне своих профессиональных обязанностей, которые предусмотрены законом Украины «О Национальной полиции». Низкий уровень по шкале «Мое материальное положение» продемонстрировали 26% испытуемых, которые не довольны своим материальным положением и надеются на помощь близких и родных в его улучшении.

По шкале «Мой внутренний мир» были получены следующие результаты. 43% респондентов находятся на среднем уровне, что говорит о их постоянном развитии разными способами (книги, посещение учебных, культурных мероприятий и специальных курсов); 32% исследуемых высокого уровня активно принимают участие в разнообразной совместной деятельности, что способствует их личностному развитию. Для высокого уровня также характерны настойчивость в реализации

плана своего личностного развития и наличие знаний, которые помогают реализовать собственные потребности в отношении внутреннего развития, умение управлять своим душевным состоянием и склонность достаточно много времени находить наедине со своими мыслями. Низкий уровень по шкале «Мой внутренний мир» отмечен почти у 26% испытуемых, которые стремятся к личностному развитию, но не понимают, каким образом это можно сделать. Данную проблему возможно решить с помощью психологических просветительских мероприятий, которые будут направлены на личностное развитие полицейского, в первую очередь, как личности и как сотрудника патрульной полиции, который осуществляет установленные для этой должности полномочия, непосредственно связанные с реализацией задач и выполнением функций, возложенных на патрульную полицию.

По шкале «Мое здоровье» высокий уровень отмечен у 32% и средний уровень у 43% исследуемых. Это говорит о том, что значительное количество патрульных полицейских довольно своим здоровьем, регулярно посещают врачей и проверяют состояние своего здоровья. Они постоянно занимаются физкультурой, имеют достаточное количество времени для полноценного сна, регулярно и сбалансированно питаются, не имеют вредных привычек и ведут здоровый образ жизни. Незначительное количество респондентов (всего 8%) находится на низком уровне, что говорит о необходимости предоставления большей информации относительно здорового образа жизни и отказа от вредных привычек и не осознании ими их влияния на жизнь и здоровье человека.

Характеризуя шкалу «Моя семья», следует отметить, что половина испытуемых (52%) склонна уделять достаточно внимания и времени своей семье. Наблюдается наличие у членов семьи исследуемых общих увлечений, которые их сплачивают и улучшают взаимоотношения. Респонденты способны создавать в своей семье открытую и душевную атмосферу, учитывают мнения и потребности всех ее членов. Важно, что они уверены в надежности своих семейных условий и стремятся улучшить взаимоотношения, способны не только «брать» от семьи, но и «давать» ей. У 8% полицейских выявлены неудовлетворение семейной жизнью и отсутствие понимания, каким образом ее улучшить, что позволяет нам обратить внимание на вышеуказанные вопросы. В данном случае нужна помощь профессионального психолога, который бы помог решить проблемы коррекции и улучшения семейных взаимоотношений.

Показатели идентификации по шкале «Мои отношения с окружающими» у 55% патрульных на-

ходятся на высоком уровне, у 40% – на среднем уровне, что отражает искренний интерес к мнению и точке зрения других людей. Испытуемые не равнодушны к заботам и проблемам других. Важно, что полицейским присуще умение слушать других, ценить и понимать тех людей, с кем они общаются. Исследуемые имеют убеждение в том, что их профессиональная деятельность необходима для окружающих и что общество нуждается в их деятельности. Лишь 5% испытуемых продемонстрировали низкий уровень показателя по данной шкале.

По шкале «Мое будущее» были получены следующие результаты: 31% – на высоком уровне, 45% – на среднем уровне, 26% – на низком уровне. Анализируя полученные результаты, мы сделали следующие выводы. Значительное количество респондентов осознает свои жизненные цели, имеет представление о своих слабых сторонах, которые мешают достигать поставленных целей. Полицейские убеждены, что им сегодня живется лучше, чем пять лет назад. Интересно, что при достижении своих целей они полагаются на себя и в полной мере используют имеющиеся возможности. Испытуемые имеют установку преодолевать препятствия на своем пути, которые мешают достичь своей цели, а не отказываются от нее.

Данную шкалу можно рассматривать с позиции жизнестойкости личности полицейского, потому что правоохранительная деятельность заставляет полицейского жить в экстремальной обстановке, в условиях бесконечного поиска своих задач, своих смыслов и назначения. Было бы целесообразным обратить внимание именно на этот аспект, ведь вера в собственное будущее является движущей силой для каждой личности. Полицейские в состоянии повысить собственную способность справляться с ежедневными невзгодами и экстремальными испытаниями, успешно преодолевать очередные жизненные кризисы путем эффективного существования в экстремальных жизненных условиях. Для этого требуется создание специализированной программы психологического сопровождения полицейского, которая будет направлена на эффективное взаимодействие с людьми, умение достигать жизненного успеха, быть счастливыми даже при наличии неблагоприятных внешних обстоятельств.

Зарубежные ученые Salvatore R. Maddi (профессор Школы социальной экологии Калифорнийского университета и психолог Susan Kobasa) ввели понятие «hardiness» – жизнестойкость с английского в научный оборот. Основами жизнестойкости, по их мнению, явля-

ются «challenge» – вызов, готовность рисковать; «commitment» – вовлеченность или самоотдача; «control» – контроль. Maddi подчеркивает важность наличия всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессовых условиях. Salvatore R. Maddi была создана программа повышения жизнестойкости, которая имеет название Hardiness Enhancing Lifestyle Program (HELP). Данная программа включает в себя:

- расслабляющие практики (работа с дыханием и мышцами, способы согревания рук, использование методов биологической обратной связи);
- правильное питание;
- практику преодоления (обучение решению проблем, исследование эмоциональных качеств);
- обучение коммуникации, развитие навыков общения и социальной поддержки;
- обучение физическим упражнениям, которые позволяют сделать деятельность более эффективной;
- избавление от вредных привычек (курения, переедания);
- контроль в течение года с целью предупреждения рецидивов [6–8].

Мы считаем, что полученные результаты по данной шкале позволяют обратить внимание на необходимость дальнейшего исследования этого показателя, ведь жизнестойкость личности – это возможность увидеть смысл в деятельности, не потерять его или найти новый смысл.

По шкале «Я и общество, в котором живу» более половины испытуемых (52%) имеет средний уровень данного показателя, 22% исследуемых демонстрируют высокий уровень. Полученные результаты позволяют утверждать, что большинство патрульных полицейских удовлетворено своим социальным статусом в обществе. Они считают, что их профессия важна в современном мире. Полицейские убеждены в том, что сегодня им живется лучше, чем 10 лет назад. Испытуемые имеют определенные знания, которые необходимы для развития общества, и склонны разделять ценности, на которых базируется современное общество. По этой шкале 26% опрошенных характеризуются низким уровнем показателя, то есть не полностью удовлетворены окружающей социальной действительностью, поэтому они стремятся изменить общество к лучшему. Слушатели с низким уровнем исследуемого показателя не до конца уверены, что нашли свое место в обществе. Исходя из этого возникает необходимость исследования различных аспектов профессиональной идентичности будущих правоохранителей.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование выявило у начинающих патрульных полицейских преобладание социальной идентичности над личностной, что говорит о доминировании на данный момент стремления быть полезным обществу, изменить свою страну к лучшему, об осознании молодыми специалистами своего социального предназначения в жизни. Выявлены качества, необходимые для планирования и реализации самостоятельных решений. То есть лица, выбравшие в такой сложной социальной ситуации профессию патрульного полицейского, серьезно относятся к своей будущей деятельности в структуре органов внутренних дел Украины. Они готовы служить обществу путем обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания общественного порядка и безопасности. В то же время, по нашему мнению, необходимым является психологическое сопровождение и спецификация формирующих воздействий в системе подготовки патрульного полицейского как одного из представителей правоохранительной функции государства на базе специализированных психокоррекционных центров.

Для более полного изучения психологических особенностей становления будущих полицейских, бесспорно, необходимо дальнейшее исследование как проблемы становления их профессиональной идентичности, так и механизмов профессиональной мотивации, процессов формирования профессиональной компетентности

и правового сознания и т.д. Выполненное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы, но открывает перспективы для дальнейшего ее изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента України «Стратегія сталого розвитку «Україна – 2020» від 12 січня 2015 р. № 5/2015 [Електронний ресурс]. – 2015. – Режим доступу: <http://www.zakon.rada.gov.ua/go/5/2015>.
2. Jaromowic, M. Self-We-Others schemata and social identifications / M. Jaromowic // Social identity: International perspective. – New York, NY: Sage, 1998. – P. 44–52.
3. Бешта, И.А. Философский анализ соотношения понятий социальная и личностная идентичность / И.А. Бешта // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 196. – С. 10–16.
4. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis / E. Erikson. – М.: Flint, 2006. – 342 p.
5. Урбанович, А.А. Психология кризисов социальной идентичности личности / А.А. Урбанович; М-во внутренних дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск: Акад. МВД РБ, 2005. – 227 с.
6. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
7. Ядов, В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен / В.А. Ядов // Социальная идентификация личности. – М.: Ин-т социологии РАН, 1994. – Т. 2. – С. 265–288.
8. Бакланов, И.С. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, А.М. Ерохин, Е.А. Авдеев // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 694.
9. Гречко, П.К. Личностная идентичность: перспективы и ресурсы конструирования / П.К. Гречко // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – С. 293–318.

Поступила в редакцию 09.03.2016 г.

УДК 37.015.32:378.147

Развитие профессионального сознания будущих учителей

Шевченко Н.Ф.

Запорожский национальный университет, Украина

Изучение профессионального сознания учителей на этапе их учебно-профессиональной подготовки в вузе принадлежит к основательно заявленным.

Цель статьи – представить результаты эмпирического исследования особенностей развития профессионального сознания будущих учителей на этапе учебно-профессиональной подготовки.

Материал и методы. Материалом исследования выступили 12-шкальная модифицированная методика семантического дифференциала Ч. Осгуда (адапт. В.Ф. Петренко) и методика визуального семантического дифференциала Е.Ю. Артемьевой. Выборка испытуемых – 200 студентов педагогических специальностей. Методологической базой исследования явились методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения.

Результаты и их обсуждение. По первой методике полученные числовые показатели отражают количественные и качественные изменения, которые выявляют специфику развития профессионального сознания будущих учителей. При этом статистический анализ не выявил значимых различий между показателями у испытуемых IV и V курсов ни по одному из факторов, что свидетельствует о том, что полученные на последнем году обучения знания не внесли заметный вклад в развитие профессионального сознания.

По второй методике выявлено, что большая часть испытуемых имеет достаточно выраженную педагогическую направленность семантики. В то же время статистический анализ показал, что у студентов IV и V курсов в развитии профессионального сознания не происходит динамических сдвигов. Этот факт контрастирует с позитивными изменениями, происходящими в развитии профессионального сознания испытуемых I–IV курсов. Определены критерии и уровни развития профессионального сознания будущих учителей.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения практико-ориентированных мероприятий целенаправленного развития профессионального сознания будущих учителей, начиная с IV курса, с целью обеспечения эффективности их последующей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное сознание учителя, психосемантические методы, педагогическая направленность, классификация объектов мира, уровень развития профессионального сознания.

Development of Would-be Teachers' Professional Consciousness

Shevchenko N.F.

Zaporizhzhya National University, Ukraine

The general survey of teachers' professional consciousness particularly at the stage of their educational and vocational training at the university belongs to those thoroughly stated.

The objective of the article is to present findings of empirical research of would-be teachers' professional consciousness development traits at the stage of educational and vocational training.

Material and methods. 12-scale modified methods of semantic differential by Ch. Osgud (adapted by V.F. Petrenko) as well as methods of visual semantic differential by E.Yu. Artemieva. Selection of the subjects tested – 200 students of pedagogical departments.

Findings and their discussion. According to the first method the numerical indicators obtained reflect the quantitative and qualitative changes, which reveal the specifics of would-be teachers' professional consciousness development. Herewith the statistical analysis reveals no significant differences in any of the factors between the performance of the subjects in the fourth and the fifth year which indicates that the knowledge obtained in the final year of training has not made a visible contribution to the development of their professional consciousness.

The second method procedure has found out that most of the subjects have a distinct pedagogical orientation of semantics. At the same time the statistical analysis shows no dynamic changes in the professional consciousness development of students in the fourth and the fifth year. This fact contrasts with the positive changes in the professional consciousness development of the subjects tested in the first and the second year. The criteria and development levels of would-be teachers' professional consciousness have been defined.

Conclusion. The findings indicate the necessity for elaborating and introducing practice-oriented measures for targeted development of would-be teachers' professional consciousness, starting with the fourth year students in order to ensure the efficiency of their subsequent professional activity.

Key words: professional consciousness of a teacher, psychosemantic methods, pedagogical orientation, classification of objects in the world, level of professional consciousness development.

В условиях современной социокультурной и экономической ситуации в Украине общество испытывает потребность в учителе, способном строить профессиональную деятельность в соответствии с ценностями развития личности. Возникает необходимость выхода за пределы технологического понимания профессиональной деятельности к исследованию профессионального сознания целостного субъекта-профессионала. Изучение профессионального сознания учителей на этапе их учебно-профессиональной подготовки в вузе принадлежит к основательно заявленным (Г.В. Акопов; Н.И. Гусякова, Е.И. Исаев, С.Г. Косарецкий, В.И. Слободчиков; Е.И. Рогов; Д.В. Ронзин; О.С. Цокур; Ю.М. Швалб), но недостаточно реализованным направлениям исследования, в то время как профессия учителя является определяющей в системе образования и общественного развития.

Различные аспекты профессионального сознания педагогов-профессионалов и будущих учителей отражены в исследованиях украинских,

российских и зарубежных психологов и педагогов. Изучались профессионально-педагогическое мышление и рефлексия (Т.П. Дяк, М.М. Кашапов, Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская, А.А. Орлов); профессиональное самосознание и идентичность учителя (И.В. Вачков; Н.И. Кряхтунов; А.К. Маркова; Л.М. Митина; N. Voreham, G. Cattley; P. Gray); психологические условия (С.Г. Косарецкий) и механизмы становления (Н.И. Гусякова) профессионального сознания. Несмотря на представленность широкого спектра изучения различных аспектов профессионального сознания учителя, в психолого-педагогических исследованиях почти не уделяется внимание специфике развития профессионального сознания учителей на различных этапах учебно-профессиональной подготовки. Эмпирическое исследование указанного вопроса создаст основания для разработки практико-ориентированных мероприятий целенаправленного развития профессионального сознания будущих учителей в системе высшего образования.

Цель статьи – представить результаты эмпирического исследования особенностей разви-

тия профессионального сознания будущих учителей на этапе учебно-профессиональной подготовки в вузе.

Материал и методы. В процессе учебно-профессиональной подготовки в вузе в результате взаимодействия со специфическим объектом труда и направленностью учебного воздействия в сознании будущих специалистов происходит процесс семантизации, который характеризуется конструированием в субъективном опыте нового понимания объектов мира [1–3]. Работы исследователей свидетельствуют о том, что именно семантические характеристики являются индикаторами восприятия профессии, что обуславливает выбор психосемантических методов для исследования специфики развития профессионального сознания будущих учителей. Психодиагностический инструментарий составили: 12-шкальная модифицированная методика семантического дифференциала Ч. Осгуда (адапт. В.Ф. Петренко), направленная на изучение динамики индивидуальных значений понятий профессионального пространства, и методика визуального семантического дифференциала Е.Ю. Артемьевой для изучения способов классификации объектов мира.

Исследование особенностей развития профессионального сознания будущих учителей осуществлялось на базе Запорожского национального университета, Днепропетровского национального университета имени О. Гончара и Криворожского национального университета. Выборку испытуемых составили студенты I, III, IV и V курсов, обучающиеся по специальности «Филология» (украинский язык и литература; русский язык и литература; английский язык и литература; немецкий язык и литература); по специальности «История». Общее количество испытуемых – 190 человек, из которых 45 испытуемых – I курс; 45 – III; 50 – IV; 50 – V.

Результаты и их обсуждение. Результаты оценки и классификации испытуемыми профессиональных понятий показали, что полученные числовые показатели отражают количественные и качественные изменения, которые выявляют специфику развития профессионального сознания будущих учителей в период их подготовки в высшем учебном заведении.

Анализ полученных результатов по первой методике позволил выявить динамику развития индивидуальных значений понятий профессионального пространства в сознании испытуемых I–V курсов по 10 стимулам-понятиям, характеризующим личность учителя и содержание его деятельности: «Знания», «Призвание», «Авторитетность», «Мышление», «Самореализация», «Ученик», «Взаимодействие», «Речь», «Контроль», «Рефлексия».

У испытуемых I курса выявлен существенный числовой разрыв между высокими показателями

по фактору оценки и значительно более низкими показателями по факторам силы и активности. Такой результат можно объяснить поверхностностью профессиональных представлений первокурсников, для которых деятельность учителя еще не выступает компонентом собственной активности. По этой причине испытуемые недостаточно осознанно могут определять для себя «силу» или «активность» профессиональных понятий, отдавая приоритет оценке внешней стороны личности и деятельности учителя.

На III курсе почти по всем стимулам-понятиям было установлено общее снижение показателей индивидуальных значений по факторам Оценки, Силы и Активности, что характеризует кризисный период на этом этапе обучения. На фоне осуществления учебно-профессиональной деятельности студенты сталкиваются с неспособностью эффективно использовать собственные профессиональные знания, умения и навыки на практике, неготовностью решать педагогические ситуации, что приводит к снижению самооценки личностных и профессиональных качеств, к разочарованию в учебе и избранной специальности.

На IV и V курсах, по сравнению с предыдущими, было зафиксировано постепенное возрастание показателей по факторам силы и активности по всем стимулам, что указывает на тенденцию к избавлению от оценочности мышления и постепенное наполнение профессионального сознания этой категории испытуемых субъективным смыслом. При этом статистический анализ не выявил значимых различий между показателями индивидуальных значений стимулов-понятий у испытуемых IV и V курсов ни по одному из факторов, что свидетельствует о том, что полученные на последнем году обучения знания не внесли заметный вклад в развитие профессионального сознания. Этот факт объясняется наличием у данной категории испытуемых внутреннего конфликта, приводящего к торможению профессиональной активности студентов и характеризующегося столкновением смыслов, полученных при осуществлении академической деятельности, и смыслов, которые формируются при осуществлении учебно-профессиональной деятельности.

Перейдем к анализу полученных результатов по методике визуального семантического дифференциала Е.Ю. Артемьевой [1], где респондентам предлагалось предоставить произвольные описания каждому из 8 изображений-стимулов. Описания испытуемых были отнесены к одной из пяти групп, опирающихся на классификацию профессий Е.А. Климова, которая прямо указывает акценты предметного мира и соответствует классификации основных замещающих реальностей.

Анализ способов классификации объектов мира позволил отметить, что большая часть испытуемых I–V курсов имеет достаточно выраженную педагогическую направленность семантики,

а по мере овладения профессией уровень профессиональной направленности описаний демонстрирует положительную динамику. По сравнению с результатами I и III курсов (38,03% и 22,54% соционаправленных описаний от их общего количества), на IV и V курсах наблюдается увеличение количества описаний, характерных для профессиональной направленности типа «Человек–Человек» (41,27% и 46,49% соционаправленных описаний от их общего количества). Вместе с тем проведенный статистический анализ показал, что, несмотря на преимущественный выбор реальности социальных объектов и межличностных отношений в качестве характерной замещающей реальности, динамических сдвигов по этому показателю, а следовательно, и по развитию профессионального сознания у испытуемых IV и V курсов не происходит.

Данные, полученные в результате анализа проведенных методик, позволяют говорить о развитии профессионального сознания у испытуемых I–V курсов. Для установления уровней развития профессионального сознания были определены критерии, при выборе которых мы опирались на положения психосемантического подхода к изучению сознания (Е.Ю. Артемьева, И.Б. Ханина; В.Ф. Петренко; А.Г. Шмелев), наши научные разработки относительно структуры профессионального сознания [4], теоретические представления об этапах развития профессионального сознания будущих учителей в процессе учебно-профессиональной подготовки (на основе научных разработок Н.В. Чепелевой относительно этапов формирования профессиональной компетентности вузов [5]). Были определены следующие критерии:

- положительная динамика развития индивидуальных значений понятий профессионального пространства, которая выражается в величине показателей факторных нагрузок (факторы Оценки, Силы и Активности);

- значимость для испытуемых определенного понятия профессионального пространства, выражающаяся в длине вектора по совокупности факторов Оценки, Силы и Активности;

- преимущественный выбор замещающей реальности социальных объектов и межличностных отношений, выражающийся степенью представленности описаний, характерных для профессиональной направленности «Человек–Человек».

Для получения статистически достоверных результатов относительно особенностей развития профессионального сознания будущих учителей возникла необходимость определения стандартных показателей ее уровней развития. Поэтому результаты по вышеназванным критериям были переведены в единую систему оценки с помощью четырехуровневой шкалы нормативов, которая широко используется украинскими учеными для оценки профессиональной подготовки студентов педагогических специальностей,

для оценки качества профессиональной деятельности и компетентности работников образования. Для этого были определены стандартные показатели для каждого из исследуемых критериев – средние значения (\bar{x}) и стандартное отклонение (σ), которые соответствуют четырем уровням развития профессионального сознания: высокому, достаточному, среднему и низкому.

Рассмотрим результаты по первому критерию. По фактору Оценки были установлены следующие границы уровней развития профессионального сознания: 0–4,1 – низкий, 4,2–7,8 – средний, 7,9–11,5 – достаточный, 11,6–12 – высокий. Исходя из этого 75% показателей испытуемых I–V курсов находятся в пределах среднего, а 25% – в пределах достаточного уровня развития. При этом у испытуемых I курса по двум стимулам – «Речь» и «Мышление» – показатели попали в промежутки достаточного уровня развития, на III курсе – только по стимулу «Речь». На IV курсе – по двум («Знания», «Речь»), а на V – по шести («Знание», «Мышление», «Самореализация», «Ученик», «Взаимодействие», «Речь») стимулам-понятиям показатели находятся в пределах достаточного уровня развития. Показателей, которые бы соответствовали низкому и высокому уровням развития, не было зафиксировано.

По фактору Силы границы уровней развития профессионального сознания оказались следующими: 0–1,6 – низкий, 1,7–5,5 – средний, 5,6–9,5 – достаточный, 9,6–12 – высокий. Было определено, что 62,5% показателей респондентов I–V курсов находятся в пределах среднего, 37,5% – в пределах достаточного уровня развития; показатели в пределах недопустимого и оптимального уровней развития не зафиксированы.

У испытуемых I курса – по шести понятиям профессионального пространства («Знания», «Призвание», «Авторитетность», «Мышление», «Самореализация», «Взаимодействие»), а у испытуемых III курса – по двум («Авторитетность», «Самореализация») показатели свидетельствуют о достаточном уровне развития. При этом самые высокие показатели у испытуемых I и III курсов были зафиксированы по стимулам-понятиям, характеризующим личность учителя. Можно предположить, что на этом этапе обучения студентам, которые недавно окончили школу и имели личный опыт отношений с педагогами, легче давать оценку личностным качествам учителя, чем его деятельность. Такой результат не может свидетельствовать о достаточном уровне развития профессионального сознания.

На IV курсе по четырем стимулам-понятиям («Знания», «Авторитетность», «Самореализация», «Взаимодействие»), а на V – по трем («Самореализация», «Взаимодействие», «Рефлексия») показатели находятся в пределах достаточного уровня развития. Самые высокие показатели у испытуемых IV и V курсов, в отличие

от результатов I, III курсов, распределяются относительно равномерно, то есть охватывают оценку как личности, так и деятельности учителя. Это может объясняться включением старшекурсников в профессиональную реальность в рамках осуществления квазипрофессиональной и учебно-профессиональной деятельности.

По фактору Активности были рассчитаны следующие границы уровней развития профессионального сознания: 0–2,4 – низкий, 2,5–6,4 – средний, 6,5–10,5 – достаточный, 10,6–12 – высокий. Исходя из этого 67,5% показателей испытуемых всех курсов находятся в пределах среднего, 32,5% – в пределах достаточного уровня развития при отсутствии показателей, соответствующих низкому и высокому уровням.

На I курсе достаточный уровень развития был зафиксирован по трем стимулам («Авторитетность», «Ученик», «Речь»), а на III – ни по одному стимулу-понятию. У испытуемых IV и V курсов по пяти одинаковым понятиям профессионального пространства («Авторитетность», «Мышление», «Самореализация», «Ученик», «Речь») показатели попали в промежуток достаточного уровня развития.

Таким образом, у испытуемых I курса лишь часть результатов достигает необходимого уровня развития, большая же часть расположена в пределах среднего уровня развития. У респондентов III курса почти все показатели размещаются в пределах среднего уровня развития. Наивысшие результаты представлены на V курсе, но, учитывая тот факт, что статистически достоверной разницы между показателями IV и V курсов не выявлено, можно говорить, что профессиональное сознание у испытуемых этих курсов развито на одном уровне. Так, значительная доля показателей у испытуемых IV и V курсов достигает достаточного уровня развития.

Перейдем к анализу результатов по второму критерию – длине вектора по совокупности факторов Оценки, Силы и Активности, где границы уровней развития оказались следующими: 0–7,7 – низкий, 7,8–11,6 – средний, 11,7–15,4 – достаточный, 15,5–20,8 – высокий.

На I курсе по трем стимулам-понятиям профессионального пространства длина векторов («Призвание», «Авторитетность», «Мышление») находится в зоне достаточного уровня развития, а остальные показатели соответствуют среднему уровню. На III курсе длина векторов – в диапазоне критического уровня развития, кроме показателя по стимулу «Самореализация», который соответствует достаточному уровню и показателю по стимулу «Контроль», оказалась низкой. Большая доля показателей IV курса также находится в пределах среднего уровня развития, кроме показателей по стимулам «Авторитетность», «Самореализация» и «Речь», где длина вектора соответствует достаточному уровню развития. У испытуемых V кур-

са результаты оказались самыми высокими. Так, по пяти стимулам-понятиям («Мышление», «Самореализация», «Ученик», «Взаимодействие», «Речь») длина векторов соотносится с достаточным уровнем развития, а остальные показатели – со средним.

Рассмотрим результаты по третьему критерию – представленности описаний, характерных для профессиональной направленности «Человек–Человек». По этому критерию границы уровней развития оказались следующими: 0–3,5 – низкий, 3,6–5,1 – средний, 5,2–6,7 – достаточный, 6,8–20 – высокий.

Для каждого курса испытуемых были рассчитаны средние значения (среднее количество соционаправленных описаний), которые можно сопоставить со стандартным показателем уровня развития профессионального сознания. Так, средний показатель у респондентов I курса составляет 5,14 балла и входит в пределы среднего уровня развития. На III курсе среднее значение ниже – 4,58 балла, что также свидетельствует о среднем уровне развития. У испытуемых IV курса показатель принадлежит к границе достаточного уровня развития и составляет 5,24 балла. На V курсе средний результат, который оказался самым высоким, – 5,55 балла, также вошел в диапазон достаточного уровня развития. Наряду с приведенными данными следует напомнить, что преимущество описаний, характерных для профессиональной направленности «Человек–Человек» над другими типами описаний, было обнаружено только на выпускных курсах – IV и V.

Следовательно, исходя из рассмотрения третьего критерия, можно сказать, что у испытуемых IV и V курсов, по сравнению с другими курсами, выбор замещающей реальности социальных объектов и межличностных отношений в качестве характерной замещающей реальности прослеживается наиболее четко. Такие данные могут указывать на более высокий уровень развития профессионального сознания испытуемых IV и V курсов по сравнению с другими.

Проанализировав результаты по определенным критериям, можно сказать, что у испытуемых I и III курсов подавляющее количество результатов находится в пределах критического уровня развития, однако некоторые показатели все же достигают границ достаточного уровня. У испытуемых IV и V курсов большинство показателей находится в диапазоне достаточного уровня развития. Показателей, отвечающих высокому уровню развития, зафиксировано не было, а низкому – в незначительной степени только на III курсе.

Таким образом, уровень развития профессионального сознания студентов I и III курсов можно определить как средний, а V и IV курсов – как достаточный. Выделяя уровни развития профессионального сознания, необходимо подчеркнуть отсутствие статистической разницы между

числовыми показателями студентов IV и V курсов по обеим методикам. Очевидно, несмотря на расширение, углубление и дополнение компетенций, полученных на первой ступени высшего профессионального образования, существенного роста уровня профессионального сознания у студентов магистратуры не происходит. Этот факт контрастирует с позитивными изменениями, которые наблюдаются в развитии профессионального сознания студентов бакалавриата и наглядно отражены в значительных числовых разрывах между показателями студентов I–IV курсов.

Результаты исследования особенностей развития профессионального сознания будущих учителей на этапе учебно-профессиональной подготовки свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения практико-ориентированных мероприятий целенаправленного развития профессионального сознания будущих учителей, начиная с IV курса, с целью обеспечения эффективности их последующей учебно-профессиональной и профессиональной деятельности.

Заключение. Нами представлены результаты эмпирического исследования особенностей развития профессионального сознания будущих учителей; показана динамика индивидуальных значений понятий профессионального пространства и способов классификации объектов мира, выявляющих специфику развития профессионального сознания учителей в период учебно-профессиональной подготовки; определены критерии и уровни развития профессионального сознания студентов I–V курсов. Результаты исследования

подтверждают необходимость разработки и внедрения практико-ориентированных мероприятий целенаправленного развития профессионального сознания будущих учителей в процессе их учебно-профессиональной подготовки.

Перспективным направлением развития научной проблематики в дальнейшем считаем разработку и апробацию психолого-педагогического сопровождения развития профессионального сознания будущих учителей в период подготовки в высшем учебном заведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева; ред. И.Б. Ханина. – М.: Наука: Смысл, 1999. – 350 с. – (Фундаментальная психология).
2. Артемьева, Е.Ю. Обучение профессии как перестройка семантических составляющих субъективного опыта / Е.Ю. Артемьева, И.Б. Ханина // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности: тезисы докл. и сообщ. межвуз. науч.-практ. конф., Ярославль, 18–21 сент. 1984 г. / Об-во психологов СССР, Ин-т психологии АН СССР, Яросл. гос. ун-т; редкол.: Ю.К. Корнилов (отв. ред.) [и др.]. – Ярославль: ЯрГУ, 1984. – С. 107–118.
3. Артемьева, Е.Ю. Психосемантические методы описания профессии / Е.Ю. Артемьева, Ю.Г. Вяткин // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 127–133.
4. Шевченко, Н.Ф. Становления професійної свідомості практичних психологів у процесі фахової підготовки: монографія / Н.Ф. Шевченко; Ін-т психології ім. Г.С. Костюка Акад. пед. наук України. – К.: Міленіум, 2005. – 296 с.
5. Чепелева, Н.В. Формирование профессиональной компетенции в процессе подготовки психолога-практика / Н.В. Чепелева // Актуальные проблемы психологии: наукові записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка. – К., 1999. – Вип. 19. – С. 271–278.

Поступила в редакцию 09.03.2016 г.

УДК 159.923:343.91-051“406”

Особенности эмоционального интеллекта осужденных-рецидивистов

Филоненко В.Н.

Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина

Изучение личности преступника, в том числе и преступника-рецидивиста, уже долгое время привлекает внимание ученых во всем мире и постоянно дополняется более новыми данными и результатами исследований.

Цель статьи – рассмотреть теоретические положения об изучении эмоционального интеллекта личности и исследовать эмоциональный интеллект преступников-рецидивистов корыстного и насильственного типов.

Материал и методы. *Исследование проводилось на базе Алексеевской исправительной колонии (№ 25) в Харьковской области среднего уровня безопасности для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Исследуемая выборка – осужденные-рецидивисты мужского пола корыстного и насильственного типов общей численностью 302 человека, которые совершили специальный рецидив. Испытуемые были распределены по группам соответствующей криминальной направленности. Группу рецидивистов корыстной направленности составили 148 человек, группу рецидивистов насильственного типа составили 154 человека.*

Результаты и их обсуждение. Насильственные преступники, в отличие от корыстных, имеют более однородную структуру эмоционального интеллекта, тогда как рецидивисты корыстного типа демонстрируют в профиле пика по составляющим, отражающим межличностную направленность эмоционального интеллекта. Корыстные преступники лучше понимают чужие эмоции, эмоциональные состояния других людей на основе внешних проявлений эмоций, легче распознают внутренние состояния других людей, а также способны вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций, склонны к манипулированию людьми. А своеобразное сочетание в группе корыстных преступников негативных коммуникативных установок и высоких показателей межличностного эмоционального интеллекта становится ресурсом криминального поведения соответствующей направленности.

Заключение. Изучение эмоционального интеллекта преступников-рецидивистов позволяет более детально представить особенности их личности, наметить новые пути в профилактике преступности и применить новые методы для исправления осужденных.

Ключевые слова: корыстный тип, насильственный тип, преступники, рецидивисты, эмоциональный интеллект.

Peculiarities of Emotional Intelligence of Convicted Recidivists

Filonenko V.N.

Kharkiv National University of Internal Affairs, Ukraine

Studying the offender's personality, including offender-recidivist, has long attracted attention of scientists around the world and is constantly updated with newer data and research findings.

The aim of the article is to examine the theoretical position on the study of personality and emotional intelligence and to explore the emotional intelligence of offenders-recidivists of violent and acquisitive types.

Material and methods. The study was conducted on the base of Alexeyev Correction Prison (No 25) in Kharkiv Region of average level security for people who earlier had a prison sentence. The selection under investigation was 302 male convicted recidivists of violent and acquisitive type who conducted special recidivism. The studied subjects were distributed into groups of one criminal type. The group of acquisitive type was made up by 148 convicts, the group of violent type – by 154.

Findings and their discussion. Violent recidivists, in contrast to the acquisitive type ones, have a more homogeneous structure of emotional intelligence, while acquisitive recidivists show in their profile peaks on components reflecting the interpersonal orientation of emotional intelligence. Acquisitive recidivists understand better others' emotions and emotional conditions of other people on the basis of external manifestations of emotions, more easily recognize the internal conditions of others, and are able to successfully induce in other people various emotion, to reduce the intensity of the unwanted emotion, are prone to manipulation of people. The combination of antisocial orientation and high level of interpersonal emotional intelligence in the group of acquisitive recidivists becomes the resource of criminal behavior of the corresponding type.

Conclusion. The study of the emotional intellect of recidivist criminals makes it possible to identify their personality features, design new ways in crime prevention as well as apply new methods in criminal rehabilitation.

Key words: acquisitive type, emotional intelligence, offenders, recidivists, violent type.

Осуществление адекватного психолого-педагогического воздействия на осужденных возможно при наличии у сотрудника уголовно-исполнительной системы таких личностных качеств, как умение мгновенно реагировать на внешние изменения, быстро адаптироваться к новым условиям и требованиям, понимать людей, прогнозировать их поведение, оказывать на них воздействие в соответствии с поставленными задачами, находить наиболее эффективные пути взаимодействия, то есть тех особенностей, которые определяют социально-психологическую компетентность.

Исследованиями социально-психологической компетентности в рамках уголовно-исполнительной системы занимались А.В. Рогов, А.С. Желткова, Л.С. Качкина, Н.Г. Соболев, А.Н. Ежова, В.Г. Сафонов, В.М. Поздняков, Н.Г. Дебольский и др.

Социально-психологическая компетентность, рассматриваемая через призму определенной профессиональной деятельности, имеет свою особенность.

Специфика данного понятия в уголовно-исполнительной системе заключается не только в широком спектре необходимых социальных знаний (о субкультуре осужденных, о поведении

в экстремальных ситуациях и т.п.) [1], нравственной и профессионально-этической составляющей, но и в психологической готовности к эффективному межличностному общению, то есть коммуникативной компетентности. Вместе с тем большинство исследователей, обращаясь к данной проблеме, выпускает из поля зрения субъект-субъектный характер деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, когда уровень коммуникативной компетентности обеспечивается комплементарностью их навыков и знаний специфики коммуникативной сферы осужденных.

Однако несмотря на то, что большинство криминологов и психологов, изучавших психологические особенности преступников, прямо или косвенно указывает на своеобразии их коммуникативных характеристик, эмпирические психологические исследования такого рода представлены лишь единичными работами.

Как отмечает С.В. Котова, неблагоприятные социально-психологические условия в среде осужденных (искажение ценностных ориентаций, тенденция к пустому времяпрепровождению, половая дезинтеграция, связанная с гомосексуальными связями) обедняют сферу общения, возникает стереотипность поведения в межличност-

ном взаимодействии (конформизм, негативизм, индивидуализм, псевдоальтруизм) [2].

В свою очередь Е.М. Разумова на основании результатов своего исследования отмечает, что преступники-рецидивисты, по сравнению с законопослушными гражданами, более замкнутые, равнодушные, необщительные, эмоционально холодные и в меньшей степени нуждаются в поддержке других людей. С увеличением количества судимостей и продолжительности сроков отбывания наказания в психологических свойствах личности рецидивистов отмечаются характерные изменения, среди которых – истощение коммуникативных характеристик, обособленность, снижение функции контроля эмоций [3].

Среди психологических признаков, характеризующих преступников-рецидивистов, Е.А. Антонян выделила умения, под которыми понимается способность хорошо и адаптивно осуществлять сложные, хорошо организованные модели поведения с тем, чтобы достигать определенных результатов и целей. Наряду с другими ею исследованы коммуникативные умения, которые в равной степени представлены как у рецидивистов, так и у впервые осужденных (9,3%). Для сравнения приведем полученные Е.А. Антонян данные, касающиеся других умений: предметно-практические умения (50,5%), познавательные (25,4%) и профессиональные (13,0%) [4, с. 151].

Исследование Н.В. Гончаровой доказало, что большинству корыстных рецидивистов присущи, среди прочих, такие черты, как цинизм, эгоизм, эмоциональная холодность, раздражительность, пренебрежительное отношение к окружению [5]. Другие ученые пишут о том, что корыстным преступникам-рецидивистам среднего и старшего возраста присущи скрытность и подозрительность, настороженное отношение, недоверие к окружающим.

Не менее интересна точка зрения В.И. Терентьевой, которая, рассматривая проблему использования психологического профиля преступника в практике судебно-психологической экспертизы, отмечает, что субъектам с девиантными формами поведения присущи такие коммуникативные особенности, которые не обеспечивают эффективного взаимодействия и взаимопонимания с людьми в процессе общения или выполнения деятельности, что не позволяет таким лицам благополучно адаптироваться в обществе, профессии, семье [6].

Таким образом, имеющиеся в научной литературе данные подтверждают специфические черты преступников, в частности преступников-рецидивистов, которые проявляют себя в коммуникации и межличностных отношениях. Эти черты касаются как взаимопонимания с другими людьми, так и регуляции процесса общения. Как феномен, который отражает этот аспект общения пре-

ступников, исследователи, в основном зарубежные, называют эмоциональный интеллект.

В суть термина «эмоциональный интеллект» обычно вкладывался результат анализа взаимного влияния друг на друга процессов интеллектуальной и эмоциональной деятельности. Часто изучались интеллектуальные процессы под влиянием специфического воздействия эмоций и чувств. Многие исследователи считали, что такое воздействие эмоций на познание носило в основном негативный характер, где эмоциям отводилась главенствующая над разумом роль.

Вместе с тем в психологической литературе отмечена и другая трактовка термина «эмоциональный интеллект». Так, в предложенной Дж. Майером и П. Сэловеем концепции «эмоционального интеллекта» ключевое понятие определяется «как способность контролировать чувства и эмоции, свои собственные и других людей, способность различать их и способность использовать эту информацию для управления своими мыслями и действиями» [7].

Как было доказано Е. Милославской, эмоциональный интеллект как способность управлять своими эмоциями, распознавать эмоции других людей, вербализировать свои эмоциональные состояния является предпосылкой формирования коммуникативной компетентности, которая выступает как способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми, совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное общение. Эмоциональный интеллект предполагает развитие коммуникативной компетентности и выступает как ее составляющая [8].

Например, Н. Gardner считает, что «в мире никакой интеллект не является более важным, чем межличностный интеллект. Если вы не имеете его, вы будете делать неправильный выбор относительно того, с кем создать семью, какую работу выбрать, и т.д.» [9, с. 12]. Если это положение верно, то от тех, кто делает плохой выбор (например, совершают преступления), можно было бы ожидать, что они имеют более низкий межличностный интеллект, чем лица, которые не совершают преступлений.

О том, что эмпатия отсутствует у криминальных психопатов, насильников и извращенцев, заявил D. Goleman. Кроме того, он утверждал, что неспособность «чувствовать» жертву способствует преступлениям [10].

Психолог R. Bar-On цитирует неопубликованное исследование, результаты которого доказывают, что осужденные имеют значительно более низкие показатели как по интегральной шкале, так и по составляющим эмоционального интеллекта по сравнению с законопослушными гражданами. Исследователь предположил, что для этой группы населения эмоциональный интеллект приравнивается к успеху в соблюдении

правил общества. Это предполагает, что, наоборот, низкие показатели эмоционального интеллекта будут связаны с несоблюдением законов общества.

Исходя из характеристик личности с высоким уровнем эмоционального интеллекта, О.А. Stephens подчеркивает, что такие люди не будут принимать участия в преступной деятельности, не говоря уже о рецидиве преступлений.

В свою очередь М.А. Bracket с соавторами высказал мнение, что развитый эмоциональный интеллект защищает мужчин от потенциально вредного поведения, такого, как употребление наркотиков и социальная девиантность. С.Р. Erasmus считает, что социально неприемлемое поведение, которое может включать в себя рецидив, является результатом неспособности людей контролировать свои эмоции [11].

В своих исследованиях К. Aucoin подтверждает, что преступники имеют значительный дефицит эмоционального интеллекта, что приводит их к повторному совершению преступлений, несмотря на наказание за ранее совершенное преступление [12].

Как считает D. Goleman, большинство рецидивистов имеет «короткое замыкание в «социальной» части мозга, которая обуславливает выявление эмпатии (как аспекта эмоционального интеллекта) и регулирование эмоциональных импульсов [13].

Например, А.М. Megreya, который исследовал взаимосвязи стилей криминального мышления по методике PICTS (The Psychological Inventory of Criminal Thinking Styles) и эмоционального интеллекта, выявил, что общий показатель криминального мышления, реактивная направленность криминального мышления и такие его пять стилей, как успокоение, упрощение, силовая направленность, познавательная лень и непоследовательность, отрицательно коррелируют с эмоциональным интеллектом. С другой стороны, активное криминальное мышление и три криминальных стиля мышления (дозволенность, чрезмерный оптимизм и сентиментальность) не связаны с эмоциональным интеллектом [14].

Исследователь Р. Quatler с соавторами пришел к выводу, что дефицит эмоционального функционирования, включая сопереживание и управление негативными эмоциями, является важными факторами рецидива преступления [15].

По мнению Т. Nemmati с соавторами, если эмоциональный интеллект действительно связан с поведенческой компетентностью, то его исследования могут предложить новые возможности в изучении криминального поведения [16].

Цель статьи – рассмотреть теоретические положения об изучении эмоционального интеллекта личности и исследовать эмоциональный интеллект преступников-рецидивистов корыстного и насильственного типов.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе Алексеевской исправительной колонии (№ 25) в Харьковской области среднего уровня безопасности для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Исследуемая выборка – осужденные-рецидивисты мужского пола корыстного и насильственного типов общей численностью 302 человека, которые совершили специальный рецидив. Испытуемые были распределены по группам соответствующей криминальной направленности. Группу рецидивистов корыстной направленности составили 148 человек, группу рецидивистов насильственного типа – 154 человека.

Нами был использован тест (опросник) эмоционального интеллекта Д. Люсина – психодиагностическая методика, основанная на самоотчете. Она предназначена для выявления данных об особенностях и степени развития эмоционального интеллекта личности.

В основу опросника положена трактовка эмоционального интеллекта как способности к пониманию своих и чужих эмоций и управления ими. В этом случае можно говорить о внутриличностном и межличностном эмоциональном интеллекте. Эти два варианта предполагают актуализацию разных когнитивных процессов и навыков, однако, должны быть связаны друг с другом [17, с. 3–22].

Применение методики «Тест (опросник) эмоционального интеллекта» (Д. Люсин) позволяет определить уровень развития некоторых характеристик эмоционального интеллекта испытуемых широкого возрастного диапазона, специфику межличностного и внутриличностного интеллекта и его составляющих. Данная методика является стандартизированной и достаточно компактной [18].

Результаты и их обсуждение. Психологические особенности личности преступников в разное время являлись предметом многих научных исследований. Были изучены характерологические особенности, особенности темперамента, эмоций и интеллекта. Данные, полученные в результате различных исследований, дополняют представление о личности преступников, поэтому выявление особенностей эмоционального интеллекта позволяет расширить диапазон представлений о личности человека, совершившего противоправное действие, в том числе и неоднократно. Данные, полученные в исследовании эмоционального интеллекта рецидивистов корыстного и насильственного типов, представлены в таблице.

Из результатов таблицы видим, что способность к пониманию чужих эмоций и управлению чужими эмоциями у осужденных корыстного типа проявлена больше, чем у осужденных насильственного типа.

Также зафиксирован достоверно более высокий показатель по шкале «Понимание чужих эмоций» в группе корыстных преступников по сравнению с группой насильственных преступ-

Таблица – Показатели эмоционального интеллекта корыстных и насильственных осужденных-рецидивистов

Тип эмоционального интеллекта	Корыстные преступники	Насильственные преступники	p
Межличностный ЭИ	40,97±2,41	31,60±3,21	≤0,05
Внутриличностный ЭИ	33,24±2,61	30,58±2,65	–
Понимание чужих эмоций	22,77±1,59	17,0±2,18	≤0,05
Управление чужими эмоциями	18,2±0,82	14,6±1,03	≤0,05
Понимание своих эмоций	17,71±1,5	16,05±1,15	–
Управление своими эмоциями	15,53±1,11	14,47±1,1	–
Контроль экспрессии	12,73±3,87	10,44±0,9	–
Понимание эмоций	40,48±3,00	33,05±3,33	≤0,05
Управление эмоциями	36,16±3,43	31,27±2,21	–
Общий уровень ЭИ	77,8±4,05	68,89±3,43	–

ников. Показатель по шкале «Межличностный ЭИ» в группе корыстных преступников достоверно выше, чем в группе насильственных преступников.

Не выявлено различий в показателях корыстных и насильственных преступников по шкалам «Внутриличностный ЭИ», «Понимание своих эмоций», «Управление своими эмоциями», «Контроль экспрессии», «Управление эмоциями» и «Общий уровень ЭИ».

Таким образом, корыстные преступники-рецидивисты отличаются от насильственных достоверно более высокими показателями по субшкалам «Понимание эмоций других» и «Управление эмоциями других», по шкалам «Межличностный интеллект» и «Понимание эмоций».

Результаты нашего исследования соотносятся с данными, полученными В.Г. Печерским. Он изучал специфику эмоционального интеллекта у корыстных преступников (23 человека 18–35 лет) и насильственных (32 человека 18–37 лет) с использованием методики диагностики эмоционального интеллекта Н. Холла и получил достоверно более высокие показатели по всем субшкалам в группе корыстных преступников [19].

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что представители группы корыстных преступников лучше понимают чужие эмоции, эмоциональные состояния других людей на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикация, звучание голоса) и / или интуитивно; легче распознают внутренние состояния других людей, а также способны успешно вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций, склонны к манипулированию людьми.

В своей работе Е.Н. Цильмак среди содержательных составляющих психологического портрета мошенников указывает на коммуникативные свойства и способности, которые включают контактность, общительность, болтливость, доступность, дипломатичность, доброжелательность, уверенность и непринужденность в общении, способность настраиваться на различные формы

общения и выбирать соответствующую манеру поведения; устанавливать психологические контакты; налаживать обратную связь; корректировать и управлять процессом взаимодействия [20].

Насильственные преступники, в отличие от корыстных, имеют более однородную структуру эмоционального интеллекта, тогда как рецидивисты корыстного типа демонстрируют в профиле пики по составляющим, отражающим межличностную направленность эмоционального интеллекта. Сочетание антисоциальной направленности и высоких показателей межличностного эмоционального интеллекта в группе корыстных преступников становится ресурсом криминального поведения соответствующего типа.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что у преступников корыстного типа эмоциональный интеллект имеет межличностную направленность, а насильственные преступники имеют более однородную структуру эмоционального интеллекта. Корыстные преступники более коммуникабельные, общительные, умеют настраиваться на различные формы общения. Также корыстные преступники лучше понимают чужие эмоции, умеют управлять ими, склонны использовать эти способности в своих целях и манипулировать людьми. А сочетание негативных социальных установок и высоких показателей межличностного эмоционального интеллекта корыстных преступников становится ресурсом криминального поведения соответствующей направленности. Выявленная специфика эмоционального интеллекта характерна для преступников-рецидивистов корыстного типа, которые не только имеют антиобщественную направленность и совершают преступные деяния, но и создают условия для их успешного осуществления. Исходя из этого изучение эмоционального интеллекта преступников-рецидивистов позволяет более детально представить особенности их личности, наметить новые пути в профилактике преступности и применить новые методы для исправления осужденных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митюрин, Н.Ю. Личность в сфере правоохранительной деятельности: развитие профессионализма / Н.Ю. Митюрин. – Саратов: СГУ, 2002. – 96 с.
2. Котова, С.В. Деформации межличностных интеракций женщин в условиях пенитенциарного учреждения: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 «Социальная психология» / С.В. Котова. – Кострома, 2010. – 24 с.
3. Разумова, Е.М. Психологические особенности личности преступников рецидивистов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е.М. Разумова. – СПб., 2007. – 195 с.
4. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Е.А. Антонян. – М., 2014. – 353 с.
5. Гончарова, М.В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: дис. ... д-ра психол. наук: 12.00.08 / М.В. Гончарова. – М., 2014. – 468 с.
6. Терентьева, В.И. Психологический профиль личности преступника в практике судебно-психологической экспертизы / В.И. Терентьева // Вестн. Вост.-Сибир. открытой акад. – 2012. – № 5. – С. 150–160.
7. Salovey, P. Emotional intelligence / P. Salovey, J. Mayer // Imagination, Cognition and Personality. – 1990. – № 9. – P. 85–211.
8. Мирославська, О.В. Емоційний інтелект як складова комунікативної компетентності студентів: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 спец. «Загальна психологія, історія психології» / О.В. Мирославська. – Харків, 2011. – 19 с.
9. Gardner, H. Frames of mind: The theory of multiple intelligences / H. Gardner. – New York: Basic Books, 1983. – 529 p.
10. Goleman, D. Emotional intelligence / D. Goleman. – New York: Bantam Books, 1995. – 403 p.
11. Erasmus, C.P. The role of emotional intelligence in the adaptation of adolescent boys in a private school / C.P. Erasmus. – University of South Africa, 2007. – 264 p.
12. Aucoin, K. The Role of Emotion in the Aggressive Behaviour of Juvenile Offenders / K. Aucoin. – University of New Orleans, New Orleans, LA, 2005. – 74 p.
13. Goleman, D. The socially intelligent / D. Goleman // Educational leadership. – 2006. – Vol. 64, № 1. – P. 76–81.
14. Megreya, A.M. Criminal thinking style and emotional intelligence in Egyptians offenders / A.M. Megreya // Criminal Behaviour and Mental Health. – 2013. – № 23. – P. 56–71.
15. Qualter, P. Exploratory and confirmatory factor analysis of the Schutte Self-Report Emotional Intelligence Scale (SSREI) in a sample of male offenders / P. Qualter, J. Ireland, K. Gardner // The British Journal of Forensic Practice. – 2010. – Vol. 12, № 2. – P. 43–51.
16. Hemmati, T. The validity of the Bar-On emotional intelligence quotient in an offender population / T. Hemmati, J.F. Mills, D.G. Kroner // Personality and Individual Differences. – 2004. – Vol. 37, № 4. – P. 695–706.
17. Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.
18. Никитин, П.С. Особенности общего, эмоционального и социального интеллекта у женщин, находящихся в местах лишения свободы, в зависимости от характера совершенного преступления / П.С. Никитин, С.Н. Борисова // Будущее психологии. – 2012. – Вып. 5. – С. 38.
19. Печерский, В.Г. Исследование личностных особенностей осужденных за насильственные и корыстные преступления / В.Г. Печерский, Н.В. Максименко, Д.Е. Иванов // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. – М.: ИПРАН, 2010. – С. 719–714.
20. Цільмак, О.М. Змістовні складові психологічного портрета шахраїв / О.М. Цільмак // Вісн. Запоріж. нац. ун-ту. – 2010. – № 4. – С. 7–10.

Поступила в редакцию 16.04.2016 г.

УДК 159.922.8:316.6

Социально-психологическая детерминация личностного развития подростков в современном обществе префигуративного типа

Токарева Н.Н.

Государственное высшее учебное учреждение «Криворожский государственный педагогический университет», Украина

Статья посвящена исследованию особенностей личностного развития подростков в современном обществе. Актуальность анализа социально-психологической детерминации амбивалентного личностного развития подростков обусловлена запросом практики, стремлением объяснить трудности взросления человека в условиях мобильного пространственно-временного хронотопа.

Цель данной работы – конкретизировать содержательные ориентиры становления личности подростков в современном обществе префигуративного типа.

Материал и методы. Эмпирическая часть исследования была направлена на выявление и сопоставление содержательных характеристик интегративных личностных конструктов подростков, обучающихся в школах разного типа. Анализу подлежали базовые элементы структуры личностных конструктов поля субъективных сценариев и поля межличностного взаимодействия.

Результаты и их обсуждение. Осознаваемая ответственность в поведении гимназистов в большей мере регулируется мотивами перспективного хронотопа. Кроме того, учащиеся гимназий мобильны в выборе поведенческих сценариев, что свидетельствует о более продуктивном потенциале самореализации и доказывает значимость социально-культурной детерминации личностного роста человека в период взросления.

Результаты эмпирического исследования подтвердили гипотетическое допущение о том, что соотношение индивидуальной и социально-психологической детерминант личностного развития подростков варьируется в зависимости от социокультурной ситуации жизнедеятельности. Разбалансированность личностных конструктов и поведенческих стратегий подростков доказывает необходимость переосмысления тенденций психолого-педагогического сопровождения субъектогенеза взрослеющей личности.

Заключение. Осмысление контента изменения социальной ситуации психического развития подростка и осознание возможностей самореализации субъекта в новых социальных условиях жизнестворчества требуют специально спроектированного образовательного пространства, в измерениях которого гарантированно существует формат для реализации подростками своих актуальных потенциалов и обеспечено активное соучастие в совместной деятельности со взрослыми.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, префигуративный тип культуры, подростковый возраст, моделирование, личностный конструкт.

Social and Psychological Determination of Personality Development of Teenagers in the Contemporary Society of Prefigurative Type

Tokareva N.M.

State Institution of Higher Education "Kryvyi Rih State Pedagogical University", Ukraine

The article centers round the study of features of teenager personality development in the contemporary society. Currency of the analysis of social and psychological determination of ambivalent personality development of teenagers is conditioned by practice and desire to explain difficulties of a person's maturation in the conditions of mobile space and time chronotope.

The aim of the research is to specify content landmarks of personality development of teenagers in the contemporary society of prefigurative type.

Material and methods. The empiric part of the research was aimed at finding out and comparing content characteristics of integrated personality constructs of teenagers who go to different types of schools. Basic elements of the structure of personality constructs of subjective story field and interpersonality interaction field were analyzed.

Findings and their discussion. Responsibility in the behaviour of schoolchildren, which is thought over and understood, is greatly regulated by motives of perspective chronotope. Moreover, gymnasium pupils are more mobile in choosing behaviour patterns, which explains more productive potential of self implementation and proves the significance of social and cultural determination of personality growth of the man during his maturation.

Consideration the findings of empiric research confirmed the hypothesis about correlation between individual and social and psychological determiner of adolescent personality development varying according to social and cultural situation of life. Misbalance of personality constructs and behaviour strategies of teenagers proves the necessity to reconsider tendencies of psychological and pedagogical accompaniment of subject genesis of the maturing personality.

Conclusion. Considering the content of changing the social situation of psychic development of the teenager and understanding the possibilities of self implementation of the subject in new social conditions of life and activity requires specially designed education space, in the dimensions of which the format for implementation by teenagers their current potentials is guaranteed, and active co-participation in the joint activity with adults is provided.

Key words: social and cultural situation, prefigurative type of culture, adolescence, modelling, personality construct.

Трансформационные процессы в развитии общества конца XX – начала XXI века были предопределены концептуальными изменениями в сфере информационных технологий, что повлекло замену индустриальной эпохи модернизма социокультурной ситуацией постмодернизма, для которой характерны радикальный разрыв с прошлым, ревизия всех культурных и философских проектов. Диалогичность, культурная полифония и рост толерантности, элиминация субъект-объектных отношений содержательной сущности постмодернистских взглядов (J. Batai, J. Bodriyyar, G. Debord, J. Derrida, M. Foucault, I. Hasan, J.-F. Lyotar & et.al.)

создали предпосылки для выработки принципов радикальной (относительно парадигмы модерна) методологии понимания личностного становления субъекта жизнестворчества в изменяющихся условиях бытия (отказ от догматизма, утверждение непрерывной вариативности, многозначности и динамичности реального контента, творческое отношение к традициям, открытость и др.).

Философско-культурологический дискурс позволяет интерпретировать понятие «личность» как определение человека, имеющего самосознание и мировоззрение, способного к индивидуальному выражению общественных отношений и функций людей, как субъект познания и пре-

образования мира, субъект прав и обязанностей, эстетических и этических норм [1, с. 256–257]; тем самым в определении подчеркивается активная жизненная позиция человека в социальном пространстве жизнетворчества. Вместе с тем одной из ключевых проблем осмысления сущности личностного развития остается вопрос о детерминации указанного процесса контентом взаимодействия субъекта с социальной средой.

Исследование особенностей личностного развития в измерениях социокультурного пространства традиционно занимает одно из центральных мест в философской антропологии (М. Scheler, Н. Plessner, А. Gehlen, Е. Rothacker, Е. Hengstenberg & et.al.; Н.А. Бердяев, Г.В. Гребеньков, Г.В. Ельникова, В.С. Ларцев, А.Т. Москаленко, В.И. Муляр, В.Ф. Сержантов, А.Г. Спиркин и др.), обуславливая специфику категоризации научной парадигмы развития и самовосприятия личности. Ведущее место в определении современных тенденций данного смыслового поля занимают идеи социального конструктивизма, знаменующие смещение вектора представлений о конструировании индивидом модели реальности на основании собственного опыта к фокусированию на характере межличностного взаимодействия людей для конструирования, модификации и поддержки того, что в определенном социокультурном пространстве считается истинным, реальным и значимым (Р. Berger, С. Gergen, L. Hoffmann, T. Luckmann & ets). Основной идеей конструктивного направления социальных исследований является упорядочение и гармонизация (Le Corbusier) разноплановых аспектов функционирования общества. Однако специфика современного социокультурного пространства в обществе трансформационного типа предопределяет необходимость переосмысления тенденций генезиса бытия личности в измерениях мобильного пространственно-временного хронотопа.

Современное общество эпохи постмодернизма, в соответствии с концептуальными исследованиями М. Мид [2], уверенно приобретает черты префигуративных культур, в пространственно-временном континууме которых исторические изменения настолько быстры, что опыт старших поколений не воспринимается молодежью в качестве социокультурных моделей и образцов для подражания. Вместе с тем взрослые вынуждены активно адаптироваться к новым реалиям жизни, приобретая опыт моделирования субъективной реальности в условиях системных изменений и трансформации ментальности. Характерным признаком культуры префигуративного типа яв-

ляется также кардинальная замена внешних общественных и групповых регуляторов (детерминант) поведения человека его персональным выбором личностных сценариев жизнетворчества.

В трансформационном обществе в условиях дефицитарности конструктивного влияния институтов социализации на личность (семьи, учреждений образования, культуры, СМИ и др.) происходят значительные изменения в определении статуса и качества детства как социокультурного явления (М. Mead; В.Т. Кудрявцев, Д.Б. Эльконин и др.), нивелируются традиционные формы трансляции культурологических нарративов от поколения к поколению. Презентации гносеологических источников проблемы становления личности раскрывают свой смысл в декларировании оптимальной системы ценностей и правил внутреннего самосовершенствования и саморазвития человека, единство которых обеспечивает возникновение и развитие личности как интегрального образования.

Аналогичные тенденции прослеживаются также и в мультипарадигмальной системе психологии (J. Combs, M. Crossley, N. Fairclough, J. Freedman, G. Kelly, S. Maddi, J. Rotter & et.al.; Б.Г. Ананьев, Г.А. Балл, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, С.Д. Максименко, А.В. Петровский и др.), рассматривающей современность как эру «насыщенной самости» человека, полной возможностей, что сказывается на сознании человека и приводит к фрагментарности Я-концепции и взаимоотношений относительно определенного отрезка времени «свободной игры бытия» (С. Gergen). Динамическая структура личности формируется вариативным сочетанием витальных и экзистенциальных факторов, обуславливающих временные и пространственные (прогрессивные и регрессивные) изменения системы природных и социальных качеств на основе преимущественного доминирования социальности человека и его психики (Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), что, собственно, объясняет специфическую избирательность, активность, индивидуальность и интегративность личности в нестабильном мире.

Осознание специфики современного социального пространства в измерениях префигуративного типа культуры позволяет переосмыслить тенденции личностного становления современного подростка как наиболее сензитивного к социально-культурным изменениям. Традиционно в исследованиях взаимоотношений общества и подростков объективно внимание акцентируется на воспитательном (нормативном) воздействии социальной среды на подростков (как особую воз-

растную категорию), а не на взаимодействии с четко определенной функциональной структурой, имеющей системные свойства релевантной целостности. Освоение подростками социокультурных норм и правил организации, контроля поведенческих сценариев происходит не только (и не столько) под влиянием взрослых, но и в пространстве трансляции витальной информации СМИ, в общении с ровесниками. Процесс моделирования [3] подростком субъективного социально-культурного пространства префигуративного типа является разноплановым и многоаспектным: подросток не только активно участвует в восприятии, но и сам реализует себя в среде (А.Г. Асмолов, В.Т. Кудрявцева, Е.Н. Манолова, Д.И. Фельдштейн и др.). Интернализация подростками распространенных в обществе социокультурных нарративов конструирует контекстуальные измерения возможностей (J. Combs, J. Freedman, J. Laird), в пределах которых человек способен выбирать составляющие для персонального форматирования собственных историй жизнетворчества. В своем стремлении осмыслить жизнь подростки выстраивают субъективный опыт событийной реальности во временной последовательности (истории, авто-нарративы), что обуславливает смысловую значимость интерпретационных схем дальнейшего опыта. Через широкий континуум эмоциональных, когнитивных открытий у подростка формируется отношение к среде (и конкретным ее элементам) как ресурсу саморазвития в плоскости жизнетворчества, что обуславливает вариативность сценариев самореализации подрастающего поколения.

Принимая во внимание дискуссионный контент обозначенной проблемы, отсутствие полноценной интегративной теории развития личности в современном мире, а также значимость понимания тенденций личностного становления современного подростка в системе психолого-педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса, цель данного исследования была обозначена нами как конкретизация содержательных ориентиров становления личности подростков в современном обществе префигуративного типа. Актуальность анализа социально-психологической детерминации амбивалентного личностного развития подростков обусловлена, прежде всего, запросом практики, стремлением объяснить трудности взросления человека в меняющейся социокультурной среде.

Цель данной работы – конкретизировать содержательные ориентиры становления личности подростков в современном обществе префигуративного типа.

Материал и методы. Необходимость обоснования значимости социально-психологических детерминант в системе моделирования личностных конструктов подростков обусловила проведение эмпирического исследования, в основу которого были положены результаты предварительного теоретического анализа проблемы.

Поиск путей оптимизации коммуникативного моделирования личностных конструктов подростков, конгруэнтных оснований для выявления необходимых условий для развития конструктивных сценариев поведения личности в период нестабильной динамики развития обусловил обращение к анализу тенденций форматирования личностных конструктов подростков в системе среднего образования, и в частности – в средних общеобразовательных школах (СШ) и гимназиях. Подобная дифференциация в формате данного исследования обусловлена тем, что социальная ситуация личностного развития подростков в образовательных учреждениях разного типа качественно отличается. Так, в общеобразовательных школах обучаются дети разных социальных групп, в том числе и из неблагополучных, проблемных семей. Родители в таких семьях индифферентно относятся к воспитательным обязанностям и не способны противостоять воздействию дестабилизирующих внесемейных и внутрисемейных факторов, что препятствует личностному росту и блокирует потребность подростков в самоусовершенствовании. При этом в образовательном учреждении (СШ) личностное развитие субъектов подростковой когорты, отличающихся принципиальным плюрализмом мировосприятия в контексте закономерностей возрастной динамики, осуществляется в интерактивной системе, интегрирующей социокультурные тенденции многих референтных групп, нормы и экспектации которых могут противоречить друг другу, что значительно усложняет коммуникативное моделирование личностного профиля и обуславливает дисгармоничный (кризисный) характер генезиса бытия человека в период взросления. Вместе с тем в образовательных учреждениях типа лицеев, гимназий происходит жесткий отбор учащихся; в гимназиях обучаются преимущественно подростки из благополучных семей, отличающихся высоким уровнем психического здоровья и социально-ролевой адекватности, что способствует их личностному росту. Гимназисты выделяются более высоким интеллектуальным и социальным уровнем развития, ориентированностью на самопознание и самореализацию в социально приемлемых контентных экзистенциального поиска. Соответственно, с учетом глобальных различий в системе культурно-воспитательных установок

педагогов в школах разного типа и родительских ценностей в семьях разного типа можно предположить, что соотношение индивидуальной и социально-психологической детерминант личностного развития подростков варьируется в зависимости от социокультурной ситуации жизнедеятельности.

Выборку эмпирического исследования составили 432 учащихся 6–9 классов общеобразовательных школ ($N = 185$) и гимназий ($N = 247$) г. Кривого Рога (Украина); возраст респондентов (11–14 лет) предопределен особенностями генезиса подростка от младшего до старшего подросткового этапа развития.

Эмпирическая часть исследования предполагала выявление и сопоставление содержательных характеристик интегративных личностных конструктов подростков (personality constructs), обучающихся в школах разного типа. Анализу подлежали базовые элементы структуры личностных конструктов поля субъективных сценариев (мотивы ответственного поведения) и поля межличностного взаимодействия (типичные способы реагирования подростков сравниваемых групп на конфликтные ситуации). Для достижения цели были использованы психодиагностические методики, адекватные предмету и задачам исследования:

– опросник на выявление осознаваемых и неосознаваемых мотивов ответственного поведения (М.В. Савчин), позволяющий диагностировать побуждения психической активности личности;

– методика «Оценка способов реагирования в конфликте» (К. Томас; адаптированный вариант Н.В. Гришиной), диагностический потенциал которой позволяет определить типичные способы реагирования личности на конфликтные ситуации.

Первичная обработка данных осуществлялась путем вычисления среднестатистических и процентных значений полученного материала.

При обобщении и анализе результатов эмпирического среза была использована компьютерная статистическая программа IBM SPSS Statistics 19 («Statistical Package for the Social Science»).

Результаты и их обсуждение. Одной из основных форм моделирования внутреннего и внешнего пространств активности (проблемно- или личностно-конструктивных) с преимущественным использованием значимых для субъекта внутренних и/или социально-психологических критериев, опор (установка на успех, производительность, функциональность, осложнение или упрощение замысла, опыт, образцы для подражания и т.д.) в психологии признана ответственность

(К.А. Абульханова-Славская, С.Д. Максименко, Л.В. Регуш, М.В. Савчин и др.), являющаяся внутренним условием организации жизнедеятельности человека, регулятором его жизненных выборов, поступков, целей. Феномен ответственности выражает причастность личности ко всему социально и субъективно значимому и выступает формой проявления осознания личностью своей субъектности и в зависимости от нее возможности изменять социальную среду и саму себя. Обобщенные результаты психодиагностического измерения мотивационных тенденций ответственного поведения в сравниваемых группах подростков выборочной совокупности приведены в таблице 1.

Сопоставление средних величин (Mx) и ранжирование показателей мотивационного профиля ответственного поведения подростков, обучающихся в учебных заведениях различного типа, обнаружили различия в сравниваемых группах.

Мотивационные побуждения ответственного поведения учащихся общеобразовательных школ наиболее представлены (1 ранговая позиция) мотивами общения ($Mx = 13,9130$), общественными мотивами ($Mx = 13,5478$) и прагматическими (эгоистическими) мотивами ($Mx = 13,1304$), что обуславливает нелинейность процесса взросления и приоритетность личностно ориентированных поведенческих сценариев межсубъектного взаимодействия подростков.

Наименее выраженными у подростков данной социальной группы являются неспецифические мотивы ($Mx = 9,6348$) и мотивы воспитания других ($Mx = 10,9652$).

В мотивационном поле ответственного поведения подростков, получающих образование в школах-гимназиях, на первый план выходят общественные мотивы ($Mx = 15,4512$), мотивы самореализации ($Mx = 15,0244$) и мотивы нравственного самоутверждения ($Mx = 14,6220$). Выраженность значимости данных мотивов среди респондентов этой выборочной когорты представлена высокими показателями. Выделенные мотивы являются детерминантами более зрелого социального поведения в контексте личностного субъектогенеза подростков. Самое низкое ранговое положение в личностном профиле мотивов ответственного поведения подростков данной социальной группы занимают неспецифические мотивы ($Mx = 10,6220$) и мотивы эгоистического самоутверждения ($Mx = 11,2073$).

В целом анализ средних величин выявленных данных позволяет утверждать, что подростки сравниваемых групп достаточно адаптированы к условиям неопределенности современного обще-

Таблица 1 – Показатели средних величин мотивов ответственного поведения подростков в учебных учреждениях разного типа

Типы мотивов ответственного поведения	Средние величины выявленных мотивов (Mx)	
	Учащиеся СШ (N = 185)	Гимназисты (N = 247)
Общественные мотивы	13,5478	15,4512
Мотивы нравственного самоутверждения	13,0174	14,6220
Прагматические (эгоистические) мотивы	13,1304	12,9268
Мотивы самореализации	12,6174	15,0244
Неспецифические мотивы	9,6348	10,6220
Мотивы самопознания через ответственное поведение	12,9478	13,1707
Мотивы эгоистического самоутверждения	11,4174	11,2073
Мотивы общения	13,9130	13,5366
Мотивы воспитания других	10,9652	13,2805

Таблица 2 – Параметры статистической достоверности различий в выявлении мотивов ответственного поведения респондентов

Критерии анализа Типы мотивов ответственного поведения	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий равенства средних Стьюдента	
	F-критерий Фишера	Уровень значимости различий p	t	Значимость (2-сторонняя)
Общественные мотивы	1,126	0,290	4,113	0,0001
Мотивы нравственного самоутверждения	0,011	0,918	3,578	0,0001
Прагматические (эгоистические) мотивы	0,075	0,785	-0,471	0,638
Мотивы самореализации	3,130	0,078	5,135	0,0001
Неспецифические мотивы	0,520	0,472	2,289	0,023
Мотивы самопознания через ответственное поведение	0,273	0,602	0,486	0,628
Мотивы эгоистического самоутверждения	0,344	0,558	-0,394	0,694
Мотивы общения	0,092	0,763	-0,693	0,489
Мотивы воспитания других	0,713	0,399	4,128	0,0001

ства; в поведенческих сценариях респондентов неспецифические мотивы ответственного поведения мало выражены. Однако социальная направленность подростков, обучающихся в общеобразовательных школах, по сравнению с гимназистами, более дисфункциональна: учащиеся средних школ более индивидуалистичны и инфантильны. Мотивы ответственного поведения подростков данной группы детерминируют их склонность к комфортному существованию, не осложненному когнитивно-аффективными нравственными контекстуальными поисками.

Осознаваемая ответственность в поведении гимназистов в большей мере регулируется мотивами перспективного хронотопа.

Определение статистической значимости различий Mx мотивов ответственного поведения подростков, обучающихся в школах разного типа (таблица 2), было осуществлено путем использования параметрического t-критерия Стьюдента для независимых выборок (Student's t-test).

Сравнение распределения эмпирических значений с применением критерия Ливиня (Leven's Test) подтвердило, что дисперсии выяв-

ления мотивов ответственного поведения подростками сравниваемых групп статистически достоверно не отличаются (p -уровень $> 0,05$). При данных условиях предусмотренного равенства дисперсий t -критерий Стьюдента для независимых выборок (p -уровень $\leq 0,05$) доказывает, что у подростков различных социальных групп статистически достоверно отличаются средние величины (Mx) таких мотивов ответственного поведения:

- общественные мотивы ($t = 4,113$ при $p = 0,0001 \leq 0,05$);
- мотивы нравственного самоутверждения ($t = 3,578$ при $p = 0,0001 \leq 0,05$);
- мотивы самореализации ($t = 5,135$ при $p = 0,0001 \leq 0,05$);
- мотивы воспитания других ($t = 4,128$ при $p = 0,0001 \leq 0,05$);
- неспецифические мотивы ($t = 2,289$ при $p = 0,023 \leq 0,05$).

Уровень проявления данных мотивов статистически достоверно выше в выборке подростков, обучающихся в гимназиях и лицеях (t -критерий со знаком «+»).

По шкалам выявления прагматических (эгоистических) мотивов, мотивов эгоистического самоутверждения, мотивов общения и самопознания p -уровень t -критерия Стьюдента $> 0,05$, что свидетельствует об отсутствии статистически значимых различий между сравниваемыми группами подростков. Относительно больший уровень выявления прагматических (эгоистических) мотивов, мотивов эгоистического самоутверждения и мотивов общения демонстрируют подростки, которые учатся в общеобразовательных школах (значение t -критерия отрицательное); мотивы самопознания более выражены (статистически незначимо, но тенденция потенциально присутствует) у гимназистов (t -критерий со знаком «+»).

В целом мотивационные стратегии ответственного поведения определяют интенциональные контенты личности (стиль поведения, об-

раз жизни, выбор личностной системы ценностей в качестве когнитивной составляющей основных фиксированных установок, которые образуют основу характера и т.д.), форматирование которых, в свою очередь, обусловлено спецификой персонального взаимодействия человека с ценностно-смысловой сферой реальности как с культурой. Противоречивые тенденции в структурных измерениях мотивов ответственного поведения респондентов значительно сказываются на потребительском отношении подростков к социокультурной среде, что проявляется в избираемых ими моделях коммуникации и интерактивных формах социального (полисубъектного) взаимодействия, регулируемых посредством ценностных и символично знаковых смыслов социокультурного измерения жизни.

Использование диагностического потенциала методики «Оценка способов реагирования в конфликте» (К. Томас; адаптированный вариант Н.В. Гришиной) позволило определить типичные способы реагирования подростков сравниваемых групп на конфликтные ситуации (таблица 3).

Согласно двухмерной концепции регулирования конфликта К. Томаса, основными измерениями социального поведения личности в конфликте являются настойчивость (сосредоточенность личности на собственных интересах) и кооперация (внимание личности к интересам других людей).

Сопоставление Mx выявления типов реагирования в ситуации конфликта подростков, обучающихся в учреждениях среднего образования разного типа, обозначило преобладание среди учащихся общеобразовательных школ когнитивных схем типа приспособления ($Mx = 6,5333$, max уровень выраженности) и конкуренции ($Mx = 6,0476$). Достаточно представлена в поведении подростков данной группы также модель избегания ($Mx = 5,2381$). Следовательно, поведение учащихся данной выборочной когорты достаточно противоречиво: с одной стороны, подрост-

Таблица 3 – Показатели средних величин типов поведения в конфликтах подростков, обучающихся в учебных заведениях различного типа

Типы поведения в конфликтных ситуациях	Средние величины выявленных типов поведения в конфликтах (Mx)	
	Учащиеся СШ (N = 185)	Гимназисты (N = 247)
Конкуренция	6,0476	4,7159
Избегание	5,2381	4,8636
Приспособление	6,5333	6,4659
Сотрудничество	6,0381	6,1818
Компромисс	5,8857	7,5114

ки готовы приспособляться к ситуации, принося в жертву собственные интересы, но с другой – они демонстрируют склонность к конкуренции, стремление игнорировать интересы других людей. Учащиеся общеобразовательных школ в ситуациях конфликта не проявляют активности в налаживании сотрудничества в сложных ситуациях взаимодействия.

В сценариях поведения в конфликтных ситуациях учащихся гимназий наиболее представлены модели компромисса ($Mx = 7,5114$) и сотрудничества ($Mx = 6,1818$), что свидетельствует о склонности гимназистов к более конструктивным способам реагирования в ситуациях конфликта по сравнению с учащимися общеобразовательных школ: ориентированность на отказ от силового противостояния, интегрирование различных точек зрения, наработки взаимовыгодных решений, учета интересов других, способность выслушивать оппонентов, сдерживать собственные эмоции. Достаточно представлена в сценариях подростков данной группы также поведенческая модель приспособления ($Mx = 6,4659$), фиксирующая адаптивность когнитивных схем учеников гимназий. Однако значительное количество подростков данной когорты также демонстрирует неустойчивость поведенческих стратегий в ситуации конфликта и ситуативно использует доступные модели социального реагирования, отдавая предпочтение адаптивным и компенсаторным тенденциям в поведении.

Дисперсии сравниваемых распределений значений выявления подростками типов поведения в конфликте (таблица 4) статистически достоверно не отличаются (p -уровень критерия Ливиня $> 0,05$), что подтверждает корректность применения параметрических методов математической статистики (исключая шкалу «Конкуренция», в отношении которой равенство дисперсий не выявлено (p -уровень $\leq 0,05$)).

Подтверждение статистической значимости различий использования конкуренции в сравниваемых группах подростков обеспечил непараметрический критерий U-критерий Манна–Уитни (Mann–Whitney U-test). Установлено, что уровень выражения способа реагирования в ситуации конфликта по типу «Конкуренция» ($p = 0,0001 \leq 0,05$) в группах подростков, обучающихся в учреждениях среднего образования разного типа, статистически достоверно отличается.

В условиях предусмотренного равенства дисперсий t-критерий Стьюдента для независимых выборок (p -уровень $\leq 0,05$) зафиксировал статистическую значимость различий в использовании компромисса как способа реагирования в конфликте ($p = 0,0001 \leq 0,05$) между подростками, которые учатся в учреждениях среднего образования различного типа: уровень применения компромисса в ситуациях конфликта статистически достоверно выше в выборке подростков, обучающихся в гимназиях ($t = 6,542$). Относительно других типов поведения в конфликтах t-критерий Стьюдента для независимых выборок (со значением p -уровня $> 0,05$) позволяет обозначить, что тенденции их выявления подростками сравниваемых групп не имеют статистически значимых различий.

Корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции r_s Спирмена обнаружил взаимосвязи между типом учебного заведения и отдельными личностными конструктами поля субъективных сценариев на среднем уровне статистической значимости $p \leq 0,01$.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать, что в целом размытость поведенческого профиля респондентов выборочной совокупности свидетельствует об амбивалентности поведенческих реакций подростков, что, в свою очередь, детерминирует ситуативность сосредоточенности личности на собствен-

Таблица 4 – Параметры статистической достоверности различий типов поведения в конфликте между группами респондентов

Критерии анализа Типы поведения в конфликтных ситуациях	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий равенства средних Стьюдента	
	F-критерий Фишера	Уровень значимости различий p	t	Значимость (2-сторонняя)
Конкуренция	14,819	0,0001	-3,648	0,0001
Избегание	1,869	0,173	-1,399	0,164
Приспособление	2,493	0,116	-0,200	0,842
Сотрудничество	0,904	0,343	0,627	0,532
Компромисс	1,598	0,208	6,542	0,0001

ных интересах и/или на интересах других людей. Вместе с тем учащиеся гимназий более мобильны в выборе поведенческих сценариев, что свидетельствует о более продуктивном потенциале самореализации и доказывает значимость социально-культурной детерминации личностного роста человека в период взросления. В системе взаимодействия представителей социальных институтов (семья, школа и др.) и гимназистов прослеживаются паритетные, ориентированные на хронотоп будущего диалогические отношения, открывающие перспективы личностного роста для субъектов учебно-воспитательного процесса. Относительно учащихся среднеобразовательных школ интеракции преимущественно выстраиваются на принципах авторитаризма и монофонии, обратная связь в системе «взрослый–подросток» выполняет дисциплинирующую и контролирующую функции.

И все же в данном контексте проблема оптимизации личностного развития подростков в сложных условиях трансформационного общества остается открытой. Подростковая когорта в современном обществе культуры префигуративного типа является носителем новых тенденций социально-исторического развития и социокультурных изменений. Ситуации неопределенности, полимодальность сценариев личностного становления, дефицитарный характер межпоколенного взаимодействия требуют изменения формата психолого-педагогического сопровождения взросления: измерение социального воздействия, целенаправленного проектирования личности может быть заменено более конструктивными механизмами моделирования эффективных личностных конструктов подростков [3]. В данном контексте системно-интегрированное психолого-педагогическое сопровождение подростков на пути взросления с необходимостью должно базироваться на принципах гуманизации общего образовательного пространства, определяющих ценностно-смысловое согласование позиций и смыслов субъектов учебно-воспитательного процесса.

Основным вектором гуманистического образования признается перманентное саморазвитие личности, трансформация субъективной ментальности и персонального опыта человека в соответствии с культурно-историческим и социальным контекстом, их конструктивное присоединение к обновляемым концептам социокультурного поля. Гуманистическая ориентированность стратегий развития современного образования детерминирует плюрализм теоретических парадигм организации образовательного пространства, которые дополняют друг друга в контексте

диалогического взаимодействия, конкретизируя перспективные цели обучения и определяя способы их достижения с учетом тенденций личностного развития.

Важной и необходимой характеристикой личностно развивающих моделей образования является принятие уникальности и противоречивой целостности другого человека, что обуславливает конгруэнтность полисубъектной (рефлексивно-диалогической) коммуникации, активное осознание (понимание) интегрированности личностных изменений, открытость собственному опыту (поиску личностных смыслов жизнестворчества) и ответственность за последствия принимаемых решений в плоскости аутентичных действий и коммуникации. Все это обеспечивает реальный, насыщенный переживаниями контекст образовательного пространства и способствует развитию личностной активности субъектов учебно-воспитательного процесса.

Вместе с тем авторитарные модели образования и глобальное расширение информационного поля в современном обществе не только нивелируют неопределенность подростковой жизненной позиции и снижают напряжение активного поиска смысловых ориентиров, но и, учитывая неустоявшиеся мотивационные концепты подростка, осуществляют прессинг на его становление. Развитие компьютерных технологий и средств коммуникации обуславливает уход от централизованного распределения информации в рамках современной социальной среды, создает практически неограниченные возможности доступа к информационным потокам, благодаря чему подросток может находиться в том фрагменте информационного пространства, которое является наиболее интересным для него в режиме реального (или виртуального) времени и предопределяет особенности мировосприятия с присущими чертами эклектики.

Подросток не всегда готов и не во всех случаях жизнедеятельности способен рефлексировать, вербализировать уровень персональных притязаний, из-за чего его отношения со средой практически всегда эмоционально напряжены и динамичны. Нарушение гармонии между внутренним, психологическим пространством подростка и внешним пространством межличностных отношений детерминирует деструктивные процессы личностного становления (нарушает логику жизненной необходимости в терминологии Д.А. Леонтьева) и является индикатором психической дезадаптации. А следовательно, одной из важнейших задач психолого-педагогического сопровождения ребенка в нестабильных услови-

ях социокультурных трансформаций является перестройка полисубъектных взаимоотношений между детьми и взрослыми в семантическом поле паритетного диалога.

Диалог, в парадигме научного наследия М.М. Бахтина [4], рассматривается нами как специфическая общечеловеческая реальность, определяющая не только векторы развития сознания и самосознания человека, но и выступающая в качестве основной формы их реализации, движущей силой психогенеза. В диалоге человек конституирует и раскрывает себя как личность, как субъект самодетерминации, свободного самоопределения относительно действительности, осознавая собственную самобытность и возможности универсального самовыражения.

Субъективное измерение реальности диалога утверждается через язык (и речь), являющийся объективным хранилищем накопленных смыслов и опыта: имея возможность выходить за пределы «здесь и сейчас», речь согласовывает различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в значимое целое. Через язык (и речь) весь мир может быть актуализирован в любой момент (P. Berger & T. Luckmann), а следовательно, речь – это интерактивный процесс жизнетворчества, а не пассивное получение истин. Диалогика (с учетом экзистенциально-онтологических аспектов диалога) позволяет утверждать, что диалогическое взаимодействие основано на духовной общности, интимном контакте и внутренней солидарности: равенстве партнеров, взаимном уважении, признании ценности каждой личности и неисчерпаемости развития творческих возможностей человека [5]. В психолого-педагогической деятельности активный конструктивный диалог наставника (фасилитатора) с учащимися предусматривает предоставление профессиональной поддержки и квалифицированной помощи благодаря контролю за тенденциями личностного становления школьников в течение взросления и оптимальному эмоциональному напряжению в отношениях.

Осмысление контента изменения социальной ситуации психического развития личности (как естественного фрагмента жизнедеятельности субъекта в пространственно-временном хронотопе социальной культуры цивилизации) и самореализации субъекта в новых социальных условиях жизнетворчества, моделирование структуры внутреннего пространства личности как социально гетерогенного (разнородного по сути или происхождению) позволяют по-новому подойти к проблематике взаимодействия индивида и социума в плоскости субъектно-диалогиче-

ского подхода. Опосредованность познания и понимания мира подростками, межличностным взаимодействием с людьми, являющимися частью общего потока переменных нарративов общего социокультурного пространства, определяет смысловой вектор интерпретации (деконструкции) реального человека в мире через призму плюрализма истины, культурной полифонии и свободы диалогического дискурса.

Дифференциация норм поведения личности в результате накопления опыта межличностных интеракций (схизмогенезис в терминологии G. Bateson) как паттерн взаимоотношений в обществе детерминирует прогрессивные изменения комплиментарного и симметричного характера. Комплиментарное взаимодействие характеризуется максимизацией различий между паттернами поведения субъектов интеракции, поведенческие акты одного из которых дополняют поведенческие гештальты другого; симметричная интеракция базируется на сходстве и минимизации различий поведенческих актов, отражающих друг друга в конгруэнтном равенстве. В обозначенном контексте мерой личностного существования человека является не данность (что особенно значимо в период взросления), а осознанность процесса форматирования (активного моделирования) собственного Я (self-парадигмы), который обуславливает постижение смыслов бытия, их открытие и реализацию в качестве ценностных ориентиров.

Учитывая сказанное, основными направлениями моделирования личностных конструктов подростков можно считать активацию потенциальных возможностей субъекта (внутренняя детерминация поведения) и целенаправленное социально-психологическое стимулирование поведения (внешняя, социально-психологическая детерминация) в наиболее благоприятных субъективно валидных форматах, обеспечивающих удовлетворенность, идентичность, интегративную целостность личностного профиля, типичные для гармоничного взрослого (J. Kulka) и предопределяющие адекватность восприятия реальности.

Заключение. Осмысление результатов эмпирического исследования подтверждает гипотетическое допущение о том, что соотношение индивидуальной и социально-психологической детерминант личностного развития подростков варьируется в зависимости от социокультурной ситуации жизнедеятельности. Исследование подтвердило: феномен становления личности в динамично изменяющихся социокультурных условиях является амбивалентным и полисистемным, что предопределяет его изучение как имманентного способа субъектогенеза личности, содержа-

ние которого аккумулирует векторы социального и психического развития человека.

Развитие системы личностных конструктов (personal constructs) в период взросления осуществляется в измерениях дифференциации гомогенных образований, интеграции (объединение подсистем и иерархизация уровней объединения) и открытости новым элементам персонального опыта. В этом ключе личностный формат жизненного сценария взросления можно рассматривать не как проявление совокупности неизменных черт человека, а как реализацию индивидуальных возможностей активности субъекта в определенном культурно-смысловом пространстве. Потенциальные возможности личности изменяются в течение жизни и предопределяются спецификой социально-психологических детерминант развития. Следовательно, на них можно влиять путем коммуникативного моделирования, социально-психологической стимуляции отдельных составляющих личностных конструктов, обуславливающих возникновение личностно значимых целей и установок.

Субъективная значимость жизнетворчества снижает вероятность создания иллюзорной искусственной реальности, провоцирующей деструктивные проявления поведения.

Обнаруженная в результате проведенного исследования разбалансированность личностных конструктов и поведенческих стратегий подростков доказывает необходимость переосмысления тенденций психолого-педагогического сопровождения субъектогенеза взрослеющей личности. Исследование показало, что осмысление контента изменения социальной ситуации психического развития подростка и осознание возможностей самореализации субъекта в новых социальных условиях жизнетворчества требует специально спроектированного образовательного пространства, в измерениях которого гарантированно существует формат для реализации подростками своих актуальных потенциалов и обеспечено активное соучастие в совместной деятельности со взрослыми. Диалогическое партнерство в контексте гуманизации образовательной среды соответствует возрастным возможностям подростков

и способствует гармонизации субъективных параметров реальности в процессе коммуникативного моделирования личностных конструктов.

Адекватная социально-психологическая детерминация конструктивных механизмов саморазвития личности даже в условиях социальной неопределенности обеспечивает отказ от шаблонных защитных реакций и принятие эффективных моделей гибкого поведения на пути к саморегуляции жизненных сценариев.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что в процессе работы над данной проблемой получили дальнейшее развитие знания об основных тенденциях и закономерностях личностного развития подростков, в контексте которого согласуются объективные закономерности генезиса бытия человека и специфика его функционирования в нестабильных условиях социокультурных трансформаций современного общества. Были очерчены перспективы организации развивающей среды, ориентированной на создание благоприятных условий моделирования эффективного личностного профиля подростков в измерениях гуманизации образования.

Практическое значение результатов, представленных в данном исследовании, заключается в широких возможностях использования теоретико-эмпирических положений и сформулированных на их основе психологических выводов для гуманизации учебно-воспитательного процесса в системе образования и целенаправленного моделирования условий конструктивной психолого-педагогической поддержки школьников в период взросления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спиркин, А.Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
2. Мид, М. Культура и мир детства: избранные произведения / М. Мид; пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. – М.: Наука, 1988. – 455 с.
3. Токарева, Н.М. Моделювання особистісних конструктів підлітків у вимірах освітнього простору: монографія / Н.М. Токарева. – Кривий Ріг: ТОВ ВНП «ІНТЕРСЕРВІС», 2015. – 448 с.
4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества: монография / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 420 с.
5. Буш, Г.Я. Диалогика и творчество: монография / Г.Я. Буш. – Рига: Авотс, 1985. – 318 с.

Поступила в редакцию 14.04.2016 г.

Когнитивные, личностные и поведенческие различия в проявлениях перфекционизма, связанных с его типом

Кононенко О.И.

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Украина

Перфекционизм как стремление подражать чрезмерно высоким стандартам является многомерным личностным конструктом, однако вопрос о его внутренней психологической структуре остается в науке открытым и дискуссионным.

Цель статьи – проанализировать когнитивные, личностные и поведенческие различия в проявлениях перфекционизма, связанных с его типом.

Материал и методы. В исследовании принимали участие 420 человек. Для изучения различий в проявлениях перфекционизма применен диагностический комплекс методик, направленных на исследование специфических особенностей личности с различными типами перфекционизма. Для оценки статистической значимости различий между группами был вычислен t-критерий Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты позволили утверждать, что не существует особых различий между профилями социального интеллекта представителей групп. Установлено, что определенный тип перфекционизма соотносится с определенными особенностями интеллектуальных способностей. Исследование личностных особенностей подтвердило предположение о доминировании различных типов акцентуаций в группах с определенным типом перфекционизма. Изучены различия психологических характеристик личности и свойств, связанных с социальной адаптацией и регуляцией поведения. Проведенный анализ представлений субъекта о себе свидетельствует о наличии индивидуально-психологических различий в проявлении данных черт у лиц с различными типами перфекционизма. Исследование индивидуально-типических особенностей поведенческих реакций личности-перфекциониста по бессознательным механизмам противодействия в стрессовых ситуациях показало наличие различий у лиц с различными типами перфекционизма.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что каждый тип перфекционизма характеризуется определенными когнитивными, личностными и поведенческими особенностями. Полученные результаты позволяют нам построить профили личностей с различными типами перфекционизма, что в дальнейшем будет способствовать организации определенным образом тренинговой программы, направленной на коррекцию негативных проявлений в профиле перфекционистской личности, а также на развитие качеств, способствующих успешному и комфортному использованию перфекционизма в различных сферах жизнедеятельности личности.

Ключевые слова: личность, позитивный перфекционизм и негативный перфекционизм, различия, тип перфекционизма.

Cognitive, Personal and Behavioral Differences in the Manifestation of Perfectionism Associated with its Type

Kononenko O.I.

Odessa I.I. Mechnikov National University, Ukraine

Perfectionism as a desire to emulate the excessively high standards is a multidimensional personality construct, but the issue of its internal psychological structure remains open and controversial in science.

The purpose of the article is to analyze cognitive, personality and behavioral differences in the manifestation of perfectionism associated with its type.

Material and methods. To investigate the differences in the forms of perfectionism we applied diagnostic complex of techniques which were aimed at understanding the specific features of the person with a different type of perfectionism. To assess statistical significance of differences Student's t-test between groups was calculated. In the study 420 people took part.

Findings and their discussion. The obtained results allowed affirming that there are not specific differences between the profiles of social intelligence group representatives. It was found out that a certain type of perfectionism is related to the specific characteristics of intellectual abilities, manifested in a particular combination of indicators of intelligence, and the levels that they achieve. The study of personality characteristics confirmed the assumption of the dominance of different types of accentuation in groups with a certain type of perfectionism. Differences of psychological characteristics of the person have been studied and also the properties associated with social adjustment and regulation of behavior. The analysis of the subject of representations about itself indicates the presence of individual psychological differences in the manifestation of these traits in persons with different types of perfectionism. The study of individual-typical behavioral responses of the perfectionist personality on unconscious mechanisms to counter stressful situations showed the existence of differences in patients with different types of perfectionism.

Conclusion. Thus, the research has shown that each type of perfectionism is characterized by certain cognitive, personality and behavioral characteristics. The findings allow us to build profiles of individuals with different types of perfectionism, allowing in the future to organize a certain way a training program aimed at correcting the negative manifestations in the profile of a perfectionist personality, as well as on the development of the qualities that contribute to a successful and comfortable use of perfectionism in various areas of personality functioning.

Key words: personality, positive perfectionism, negative perfectionism, differences, type of perfectionism.

Перфекционизм как стремление подражать чрезмерно высоким стандартам является многомерным личностным конструктом, однако вопрос о его внутренней психологической структуре остается в науке открытым и дискуссионным. Основным методологическим препятствием на пути к изучению структуры перфекционизма выступает отсутствие теоретической модели, в рамках которой возможно совместить разные грани этого феномена в едином континууме.

Критерием создания авторской концепции перфекционизма личности является многомерность его психологической структуры. Исходя из этого мы подходим к перфекционизму как к психологическому свойству, которое в структуре личности обладает относительной функциональной и структурной самостоятельностью и выражается в стремлении субъекта быть совершенным, безупречным. Важным теоретическим тезисом нашего концептуального подхода к перфекционизму является то, что стремление к высоким стандартам само по себе не является патологическим: индивид может получать удовольствие от упорного труда, стремиться к саморазвитию, самосовершенствованию, улучшению результатов работы, причем он принимает для себя факт наличия границы личного самосовершенствования.

Цель статьи – на основе эмпирического исследования проанализировать когнитивные, личностные и поведенческие различия в проявлениях перфекционизма, связанных с его типом.

Материал и методы. В исследовании принимали участие 420 человек. Для оценки статистической значимости различий между группами, которые сопоставляются, был вычислен t-критерий Стьюдента. Для изучения перфекционизма, его структуры и основных внутренних компонент применен опрос с помощью следующих методик: Фрайбургский личностный опросник (Das Freiburger Persönlichkeitsinventar, Freiburg Personality Inventory, FPI); Личностный опросник Х. Шмишека для диагностики типа акцентуации личности; Дифференциальный тест перфекционизма А.А. Золотаревой; Многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional perfectionism scale, MPS) P.L. Hewitt–G.L. Flett для измерения уровня перфекционизма и определения характера соотношения его составляющих; Опросник Life Style Index (LSI) Х. Келлермана–Р. Плутчика

для диагностики механизмов психологической защиты «Я»; Шкала перфекционистской самооценки П. Хьюитта; Опросник Т. Лири для исследования представлений субъекта о себе, идеального «Я» и взаимоотношений в малых группах; Опросник К. Роджерса–Р. Даймонд для изучения особенностей социально-психологической адаптации и связанных с ней черт личности.

Результаты и их обсуждение. Опираясь на основные положения авторской концепции, было проведено исследование по выявлению когнитивных, личностных и поведенческих различий в проявлениях перфекционизма, связанных с его типом. Была изучена специфика социального интеллекта у представителей различных форм проявления перфекционизма. На этом этапе исследования были проанализированы компоненты социального интеллекта в выборке лиц, склонных к позитивному перфекционизму, негативному перфекционизму и нейтральному перфекционизму.

Полученные результаты позволили описать специфику социального интеллекта представителей различных типов перфекционизма. Следует отметить, что особых различий между профилями социального интеллекта представителей групп позитивного перфекционизма, негативного перфекционизма и нейтрального перфекционизма не определено – почти все значения компонентов варьируются в одном цифровом диапазоне. Однако у лиц с доминированием позитивного перфекционизма установлены отличия от других профилей, которые отображаются в низкой представленности компонентов: познания результатов поведения (предвидение последствий) и композитная оценка социального интеллекта (таблица 1).

Таким образом, были обнаружены особенности интеллектуальных способностей, характерных для лиц позитивного перфекционизма, негативного перфекционизма и нейтрального перфекционизма. У испытуемых, склонных к позитивному перфекционизму, среди показателей интеллектуальных способностей преобладают: плохое понимание связи между поведением и его последствиями, которое, прежде всего, проявляется в конфликтах, опасных ситуациях, так как данные лица неверно представляют себе результаты своих действий или поступков других; с меньшими значениями представлены: способность к обобщению и анализу материала, интегральный показатель интеллектуального развития; установлены низкие результаты таких

Таблица 1 – Сравнение результатов по компонентам социального интеллекта представителей различных типов перфекционизма (по t-критерию Стьюдента)

Сравниваемые типы перфекционизма	Компоненты социального интеллекта				
	Субтест 1	Субтест 2	Субтест 3	Субтест 4	Композитная оценка
ПП – НП	2,05*	0,31	1,36	0,45	2,32*
ПП – НЕП	2,16*	1,05	1,48	0,61	2,25*
НП – НЕП	0,75	1,96	0,57	0,28	0,81

Примечание: ПП – позитивный перфекционизм, НП – негативный перфекционизм, НЕП – нейтральный перфекционизм; * – статистическая значимость различий ($p < 0,05$).

составляющих интеллектуальных способностей, как грамотность, пространственное воображение, влияние эмоций на мышление, скорость и точность восприятия материала.

У лиц, склонных к негативному перфекционизму, интеллектуальные способности в большей степени характеризуются следующими показателями: гибкость мышления, математические способности, интегральный показатель интеллектуального развития, в меньшей степени представлены: способность к обобщению и анализу материала, грамотность, влияние эмоций на мышление, скорость и точность восприятия материала, пространственное воображение.

У лиц с нейтральным перфекционизмом среди интеллектуальных способностей преобладают: интегральный показатель интеллектуального развития индивида; способность к обобщению и анализу материала, грамотность, пространственное воображение и низкие: гибкость мышления, скорость и точность восприятия материала, влияние эмоций на мышление.

Таким образом, в результате нашего исследования выявлены особенности интеллектуальных способностей лиц с различными типами перфекционизма. Установлено, что определенный тип перфекционизма соотносится с определенными особенностями интеллектуальных способностей, проявляется как в специфическом сочетании показателей интеллекта, так и в уровнях, которых они достигают.

Следующим этапом в исследовании стал анализ личностных различий у представителей выделенных типов перфекционизма. Напомним, что к личностным различиям относятся типологические, психологические характеристики личности и свойства, связанные с социальной адаптацией и регуляцией поведения. Рассмотрим результаты, полученные по типам акцентуаций характера в выделенных группах.

В выборке лиц, склонных к позитивному перфекционизму, доминируют два типа акценту-

аций: гипертимный и аффективно-экзальтированный. Менее выражены демонстративный, эмотивный, циклотимный и застревающий типы. Не выражены дистимный, педантичный, возбудимый и тревожно-боязливый типы.

Здесь и далее будем уделять большее внимание интерпретации только тех акцентуаций, что являются доминантными для данной выборки испытуемых. В данном случае остановимся на психологической характеристике двух типов акцентуаций, доминирующих в данной группе, – это гипертимный и аффективно-экзальтированный.

Личности гипертимного типа, которая склонна к позитивному перфекционизму, присущи большая активность, подвижность действий, неутомимость, неусидчивость, что проявляется в жажде деятельности, но также для такого человека характерной чертой является и недисциплинированность. Такая личность не может переносить насилие, строгую регламентацию, жесткую дисциплину, постоянную навязчивую опеку и контроль, что приводит к противодействию с ее стороны, которое можно наблюдать в эмоциональных реакциях, вербальных высказываниях, поведении и т.п. Естественно, что такие реакции и поведение перфекциониста-гипертима вызывают у окружающих недовольство и осуждение. Однако генетически обусловленная активность, которая присуща гипертиму, характеризует его как человека оптимистичного, коммуникативного, с повышенной болтливостью.

Для личности аффективно-экзальтированного типа, которая склонна к позитивному перфекционизму, характерна бурная, экзальтированная реакция. Она легко приходит в восторг от радостных событий и в отчаяние от печальных. Ее отличает крайняя уязвимость, которая сочетается с ярким внешним выражением. Такая высокая эмоциональная изменчивость перфекциониста аффективно-экзальтированного типа очень часто приводит к перепадам его

настроения. У окружающих такие реакции вызывают как чувство эмпатии, сочувствия, так и раздражение.

В выборке лиц, склонных к негативному перфекционизму, наблюдается доминирование двух типов акцентуаций – это демонстративный и эмотивный типы. Также в данной группе распространены следующие типы акцентуаций: гипертимный, тревожно-боязливый, аффективно-экзальтированный. Менее распространены застревающий, циклотимный, педантичный и возбуждающий типы. Не выражен дистимный тип акцентуации.

Для личности демонстративного типа, подверженной негативному перфекционизму, главными чертами характера являются: эгоцентризм, ярко выраженная жажда внимания к своей особе, восхищения, удивления, уважения. Ей свойственны театральность, склонность к позированию, чрезмерное фантазирование, низкая способность к упорному труду, которая сочетается с высокими притязаниями на исключительное положение, первенство в системе отношений, взаимодействия. Гиперактуализация демонстративной потребности может выражаться на поведенческом уровне даже в форме демонстративного суицида или демонстративной делинквентности. То есть потребность привлечь к себе внимание, выделиться может привести к попытке самоубийства (как правило, демонстративной), или к словесным угрозам этого [1].

Для личности эмотивного типа, подверженной негативному перфекционизму, характерны две особенности – это высокая чувствительность и глубинные реакции в области тонких эмоций. Крайне эмоциональная чувствительность эмотивного акцентуанта приводит к изменению его настроения и тем самым требует от окружающих сочувствия и сопереживания к себе в большей степени, чем другие. Фальшь, а также равнодушие и черствость эмотивная личность чувствует чрезвычайно тонко и быстро реагирует на это изменением своего отношения и поведением. Все названные особенности характера, как правило, очевидны и постоянно проявляются во внешних реакциях личности в различных ситуациях и деятельности. Эмотивная личность по негативному типу перфекционизма наиболее чувствительна к тому, что «его не понимают», она очень остро реагирует на «несправедливость», что влечет за собой негативные последствия в ее реакциях и поведении.

Распределение акцентуаций у представителей нейтрального типа перфекционизма указывает на доминирование аффективно-экзальтированного и циклотимного типов. Представителям данной группы также присущи:

гипертимный, демонстративный, застревающий типы, менее характерны: возбудимый, эмотивный, тревожно-боязливый и педантичный типы. Представителей дистимного типа акцентуаций в данной группе совсем мало.

Результаты показывают, что у лиц, не склонных к перфекционизму, прослеживается широкий диапазон акцентуаций. Среди них, как уже зафиксировано, высокие значения получили: аффективно-экзальтированный, циклотимный, гипертимный, демонстративный и застревающий типы.

Для личности аффективно-экзальтированного типа, не склонной к перфекционизму, характерны проявления крайней чувствительности, аффективная взрывчатость. Человеку свойственны бурные, аффективные реакции, которые проявляются в легкости перехода настроения от веселого до мрачного, также характеризуется крайней уязвимостью и переживаниями в сочетании с аффектами в их внешнем проявлении.

Для личности, являющейся нейтральной к перфекционизму по циклотимному типу, характерной особенностью является изменение гипертимного и дистимного состояния. Данные реакции для акцентуации анализируемого являются не случайными [1; 2]. В гипертимной фазе поведение личности характеризуется активностью, жаждой деятельности, палитрой позитивных эмоций, повышенной болтливостью. В дистимной фазе, наоборот, в поведении наблюдаются замедленность реакций, в настроении – подавленность, снижение эмоционального отклика, тягучесть мышления.

Личности демонстративного типа, нейтральной к перфекционизму, как уже было сказано, присуща высокая потребность быть в центре внимания. Эта особенность обуславливает как само поведение демонстративного акцентуанта, так и специфику социального взаимодействия с ним. Для такого человека характерно тщеславное поведение, часто нарочито демонстративное. Элементами данного поведения также являются самовосхваление, рассказы о себе или событиях, в которых это лицо занимало центральное место. Как показывает психологическая практика, значительная часть данных рассказов может быть фантазирована или приукрашена демонстративным акцентуантом.

Для личности застревающего типа, нейтральной к перфекционизму, характерными чертами являются высокая устойчивость аффекта, продолжительность эмоционального отклика, переживания. Такая личность не переносит личных обид, долго их не забывает и никогда просто не прощает. Поэтому окружающая обстановка

характеризует их как людей злопамятных и мстительных. Болезненная обидчивость этих людей, как правило, внешне хорошо заметна. Они очень чувствительны и легко уязвимы, но в сочетании с фактом личной обиды, как отмечают исследователи, с застревающим типом можно надолго потерять личностный контакт [1–3].

Перейдем к анализу результатов, касающихся различий в социально-психологической адаптации-дезадаптации, предоставленных факторами личности в выборках лиц, которые различаются по типу перфекционизма.

По факторной структуре личность, склонная к позитивному перфекционизму, характеризуется высоким уровнем самокритичности, стремлением к доверительно-откровенным взаимодействиям с окружающими людьми, социальной активностью, выраженной в потребности в общении и постоянной готовности к удовлетворению этой потребности. В то же время ей присущи и невротические черты, среди которых: раздражительность, склонность к аффективному реагированию, колебания настроения, повышенный уровень возбудимости, раздражительности, недостаточный уровень саморегуляции. Высокий уровень психопатизации, характерный для данной личности, проявляется в агрессивном отношении к социальному окружению и выраженным стремлением к доминированию.

Профиль личности, склонной к негативному перфекционизму, характеризуется выраженными невротическими чертами: депрессивностью, что проявляется в эмоциональном состоянии, поведении, отношениях к себе и социальной среде, незащищенностью к воздействию стресс-факторов в обычных жизненных ситуациях, основанных на неуверенности в себе, пессимистичности и неактивности, а также неустойчивостью эмоционального состояния, проявляющейся в частых колебаниях настроения, повышенной возбудимости, раздражительности, недостаточной саморегуляции. Наличие тревожности, скованности, неуверенности может быть следствием и трудностей в социальных контактах. Личность по типу негативного перфекционизма характеризуется склонностью к интровертности.

Психологической особенностью личности, склонной к нейтральному перфекционизму, является открытость, которая проявляется в отношении индивида к социальному окружению. Такая личность стремится к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми при высоком уровне самокритичности. По факторной структуре человеку, нейтральному к перфекционизму, прису-

ща социальная смелость, что проявляется в уверенности в себе. Он имеет значительный уровень стрессоустойчивости, подвержен интровертности, психическая деятельность протекает преимущественно по женскому типу.

В данном исследовании общие между всеми выборками по факторной структуре черты личности не установлены, но между выборками ПП (тип лиц, склонных к позитивному перфекционизму) и НП (тип лиц, склонных к негативному перфекционизму) общими факторами оказались: ФН (невротичность), Фэл (эмоциональная лабильность).

Следующим шагом в изучении различий психологических характеристик личности и свойств, связанных с социальной адаптацией и регуляцией поведения, стал анализ показателей социально-психологической адаптации у представителей различных типов перфекционизма.

Совокупность выявленных психологических характеристик у представителей по типу позитивного перфекционизма свидетельствует о соответствии их критерию адаптации, что проявляется в наличии устойчивых свойств личности – адаптивности, ощущении эмоционального комфорта, самопринятии, принятии других, то есть склонности к бесконфликтному урегулированию межличностных конфликтов. Выраженность в психологическом портрете позитивного перфекциониста такой черты, как ожидание внешнего контроля, свидетельствует о расчете личности на толчок и поддержку извне, пассивность в решении жизненных задач, проблем и тому подобное. Такая личность подвержена экстеральному локусу контроля, она оптимистична (надеется на успех в большинстве случаев), уравновешенна, способна получать удовольствие и повышать самооценку на основе своих и коллективных достижений.

По большинству черт личности представителей по негативному типу перфекционизма можно характеризовать как таких, которые относятся к критерию людей с адаптационными возможностями в рамках нормы. Однако совокупность свойств, составляющих их психологический портрет, выглядит иначе. На фоне выраженных черт самопринятия и ощущения эмоционального комфорта перфекционистам по негативному типу характерно также и неприятие, конфликтность в отношениях с другими, что проявляется в хронической неудовлетворенности, неадекватно заниженной оценке возможностей других по сравнению со своими или той реальности, которую он ожидает. К психологическому портрету перфекциониста принадлежит склонность к эскапизму и экстеральному локусу контроля. Для его

также характерны ожидание внешней поддержки, ведомость, что сопровождается, как правило, пассивностью при принятии жизненно важных решений и невозможностью достижения намеченной идеальной цели.

Совокупность свойств личности, обнаружившихся у представителей, нейтральных к перфекционизму, свидетельствует о их хорошей социально-психологической адаптации. Личностей, нейтральных к перфекционизму, характеризуют высокая адаптивность, наличие чувства эмоционального комфорта, самопринятие, что связано с адекватным отношением к себе и другим, оптимистичным взглядом в будущее. В большинстве случаев им присущ интернальный локус контроля, хотя они не всегда уверены, что достижение личностной цели зависит от них, чаще они ждут поддержки извне.

Таким образом, сравнительный анализ профилей социально-психологической адаптации в выборках лиц, которые различаются по типам перфекционизма, предоставил возможность выяснить и описать спектр адаптивных / дезадаптивных свойств личности, которые присущи каждому из типов изучаемого языка.

Согласно логике нашего эмпирического исследования следующим шагом стало изучение индивидуальных различий представлений субъекта о себе «Я-реальное» в зависимости от типов перфекционизма.

У представителей позитивного типа перфекционизма с позиции сильной личности, которая доминирует во всех видах групповой деятельности, имеются лидерские качества, уверенность в себе. Такой личности присущи черты, раскрывающиеся в склонности к сотрудничеству, кооперации, следовании условностям, правилам и принципам хорошего тона в отношениях с людьми. Потребность быть в центре внимания, заслужить признание и любовь окружающих может проявляться в стремлении всех наставлять, поучать и полагаться на свой разум. Как правило, завышенная гиперответственность побуждает перфекциониста приносить в жертву свои интересы, навязать свою помощь, быть слишком активным по отношению к окружающим.

Психологической характеристикой перфекциониста по негативному типу является высокий авторитаризм, который проявляется в диктаторских, деспотических чертах. Такой человек доминантный, энергичный, компетентный, авторитетный, успешный в делах, любит давать советы, требует к себе уважения, имеет агрессивные проявления в отношениях с окружающими, может быть прямолинейным, строгим и резким в оцен-

ке других, непримиримым, упрямым, склонным во всем обвинять окружающих. Эгоистические черты такого типа личности проявляются в стремлении быть над всеми, но одновременно в стороне от всех. Гиперответственность выражается в неадекватности по отношению приема на себя ответственности за других, чрезмерной активности в связанной помощи и тому подобное.

Совокупность показателей, выраженных в выборке представителей, нейтральных к перфекционизму, свидетельствует о доминировании авторитарных, доброжелательных и альтруистических тенденций в интерперсональном поведении субъекта.

Такая личность в межличностных отношениях демонстрирует доминантность, энергичность, компетентность, авторитетность, лидерские качества и требует к себе уважения. Она доброжелательна и любезна со всеми, ориентирована на принятие и социальное одобрение, стремится удовлетворить в равной степени требования других, быть по возможности хорошей для всех, имеет устройства для целей микрогруппы, и развитые механизмы вытеснения и подавления.

Таким образом, проведенный анализ представлений субъекта о себе свидетельствует о наличии индивидуально-психологических различий в проявлении данных черт у лиц с различными типами перфекционизма. Выявленные особенности позволили исследовать квантификацию межличностных отношений и тенденцию личностного развития у лиц в зависимости от типа перфекционизма.

Перейдем к анализу данных, способствующих поиску индивидуально-типических особенностей поведенческих реакций личности-перфекциониста по бессознательным механизмам противодействия в стрессовых ситуациях (таблица 2).

Определено, что человек с позитивным перфекционизмом характеризуется слабой выраженностью механизмов психологической защиты, кроме механизмов отрицания реальности. Представители негативного типа перфекционизма отличаются значительной выраженностью защитных механизмов, ведущими из которых являются интеллектуализация, реактивные образования, замещение, проекция, отрицание, общая направленность защиты, подавленность. Группа лиц, которая характеризуется нейтральным перфекционизмом, отличается низкой степенью выраженности и равномерной представленностью механизмов психологической защиты, в системе которых относительно доминирует регрессия.

Таблица 2 – Сравнение результатов изучения механизмов психологической защиты лиц различных типов перфекционизма (по t-критерию Стьюдента)

Сравниваемые типы перфекционизма	Механизмы психологической защиты								
	Отрицание	Вытеснение	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивные образования	Общая направленность защиты
ПП – НП	2,18*	1,15*	1,31	1,25*	-3,24*	-4,04*	-3,51*	2,06*	1,97
ПП – НЕП	3,06*	0,39	0,54	0,24	2,40*	1,87	1,23*	0,94	0,14
НП – НЕП	1,07	1,29*	1,40*	1,84*	-2,19*	2,65*	2,09*	2,20*	1,09

Примечание: ПП – позитивный перфекционизм, НП – негативный перфекционизм, НЕП – нейтральный перфекционизм; * – статистическая значимость различий ($p < 0,05$).

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что каждый тип перфекционизма характеризуется определенными когнитивными, личностными и поведенческими особенностями. Полученные результаты позволяют нам построить профили личностей с различными типами перфекционизма, что помогает в дальнейшем организовать определенным образом тренинговую программу, направленную на коррекцию негативных проявлений в профиле перфекционистской личности, а также на развитие качеств, способствующих успешному и комфортному использованию перфекционизма в различных сферах жизнедеятельности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – СПб.: Речь, 2010. – 256 с.
2. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – 544 с.
3. Реан, А.А. Психология личности / А.А. Реан. – СПб.: Питер, 2013. – 288 с.
4. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2002. – 340 с.
5. Гараян, Н.Г. Перфекционизм, депрессия, тревога / Н.Г. Гараян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 4. – С. 18–48.
6. Гуляс, І.А. Психологія перфекціонізму: навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / І.А. Гуляс; Чернів. нац. ун-т ім. Юрія Федьковича. – Чернівці: Прут, 2010. – 272 с.
7. Ильин, Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
8. Кононенко, О.І. Взаємозв'язок між різними проявами перфекціонізму та особистісними чинниками особистості / О.І. Кононенко // Наук. вісн. Херсон. держ. ун-ту. – 2015. – № 3. – С. 38–42.
9. Кононенко, О.І. Компенсаторні механізми захисту як поведінковий компонент перфекціонізму особистості / О.І. Кононенко // Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology, III(31), Issue: 61. – 2015. – Р. 83–85.
10. Лоза, О.О. Моделі перфекціонізму та методики його діагностики / О.О. Лоза // Вісн. Дніпропетр. ун-ту економіки та права імені Альфреда Нобеля. Сер. «Педагогіка і Психологія». – 2011. – № 1(1). – С. 122–125.
11. Ясная, В.А. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы / В.А. Ясная, С.Е. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157–167.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and Methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Results and discussions**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14000 printed characters,

including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm, from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's home address, phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Информируем Вас,
что решением Высшей аттестационной комиссии
Республики Беларусь от 31 марта 2016 г. № 84
научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных
исследований по юридической, экономической
и психологической отраслям науки*

